

Священник Александр Чесноков

ВЛНСКАЯ ПУСТЫНЬ И ЕЕ СТАВЦЫ

Священник Александр Чесноков

ЕЛЕНСКАЯ ПУСТЫНЬ И ЕЕ СТАВЦЫ

Свято-Троицкая
Сергиева Лавра
1994

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси АЛЕКСИЯ II*

От автора

Вспомнить теперь о Глинской пустыни, ее старцах не просто своевременно, но и совершенно необходимо. Мы говорим о возрождении духовности, всюду слышим и читаем об этом, не всегда четко представляя, что включает в себя данное понятие. Говоря о духовном возрождении, необходимо обратить внимание на те бесценные духовные сокровища, которые были восприняты от святых отцов и ревностно сберегались в иноческих обителях. Одно из таких сокровищ — старчество. Всемирно известны оптинские старцы, но не будем забывать, что Русская земля богата и другими обителями, хранившими духовный опыт старчества, который следует внимательно изучать. К ним, без всякого сомнения, принадлежит и Глинская пустынь. Мы попытались кратко изложить историю ее создания, собрать отдельные факты из жизни обители, исторические свидетельства известных лиц, чтобы понять старчество в действии.

Без подвига воздержания, то есть самоограничения, без навыка внимать тому, что творится в душе, и без умения бороться со всем, что душе вредит, невозможна духовная жизнь. Без соприкосновения с конкретными примерами трудно понять это, поэтому нам хотелось бы не столько рассказать о прошлом славной обители, сколько показать, как это прошлое в лице тех старцев, которые пережили революцию и все, что она принесла, не только уцелело, выжило (как *остаток* Израиля или *малое стадо* Евангелия), но и сохранило свою духовную силу. Нам надо знать, что же было той закваской, которая, по Евангелию, способна приготовить тесто к превращению в хлеб. Разрозненные, распыленные духовные силы нашего

народа могут окрепнуть, объединить людей в *единое стадо*, имеющее во главе Единого Пастыря, если духовные основы будут на своем — первом — месте. Понять это, надеемся, помогут собранные нами сведения, исторически разделенные на два периода: от основания до закрытия пустыни в 1922 году и от 1942 года, когда вновь затеплились лампы в единственном уцелевшем больничном храме, до 1961 года, когда новая «оттепель» опять погасила их. Второй период почти не отражен в литературе. Можно сказать, что данная книга — первая попытка собрать воспоминания паломников, насельников и тех, кто общался со старцами. Сведения могут оказаться неполными, недостаточными для того, чтобы представить себе жизнь обители, но и, казалось бы, незначительные факты, мелкие детали все-таки что-то скажут тем, кому важно видеть духовную, внутреннюю, сокровенную красоту инога — иноческого — жития.

Что бы ни говорили о значении любых преобразований в Церкви и обществе, в основе всего должна быть духовная жизнь. Фундамент этой жизни цементируется подвигом, а школой подвига всегда была обитель. Силой же обители было старчество, с которым мы познакомимся через биографии иноков Глинской пустыни дореволюционных десятилетий и послевоенных лет. В годы, когда многие духовные понятия для большинства людей потеряли свое значение или приобрели чуждый им новый смысл, даже отдельные штрихи жизни по вере, искренности, цельности, верности заповедям Евангелия могут помочь желающим увидеть, что *свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1, 5). Свет духовной жизни виден и во тьме нашей суеты и окамененного нечувствия, если есть у нас готовность отозваться на призыв Церкви: «*очистим чувства и узрим*» (Пасхальный канон).

Автор благодарит иеромонаха Луку (Головкова) за подбор материалов к житию архимандрита Тавриона, иеродиакона Симеона (Гаврильчика) за переводы с английского языка жизнеописаний отца Геннадия и отца Григория, а также Г.А. Пыльневу за предоставленный текст воспоминаний о старцах пустыни в 50-х годах.

История пустыни

Глинская пустынь возникла в глухом месте, среди дремучих лесов Крупецкой волости, в 160-ти верстах от Курска, 36-ти верстах от Путивля. Ныне это село Сосновка Глуховского района Сумской области. Именно там, в XVI веке, крестьяне, ставившие на деревьях улья, на высокой сосне увидели икону Рождества Пресвятой Богородицы, от которой исходил свет. Когда прошел страх, стали молиться Матери Божией, собираясь у сосны с родственниками и односельчанами. Вскоре у корней этой сосны появился источник. Приходящие получали помощь Царицы Небесной, исцеление душевных и телесных недугов. Некий пустынный построил там часовню и подвизался в посте и молитве. Народное почитание святого места не прекращалось, а слух о чудесах от явленной иконы привлек иноков ближайшего монастыря — Путивльского Молченского, находившегося в 40 верстах от места явления иконы. Монахи поставили новую часовню и в ней исполняли свое правило. Их можно назвать первыми иноками новой обители, названной Глинской скорее всего потому, что ее земли принадлежали Глинским, из рода которых была жена Ивана Грозного — Елена. Есть и другая версия: будто был здесь удобный участок с хорошей глиной, которую брали местные крестьяне для изготовления глиняной посуды. Сейчас трудно об этом судить. Почва там песчаная, совсем не подходящая для гончаров.

В конце XVI века благочестивый житель этой волости созвал своих односельчан, и они вместо часовни построили деревянный храм. Икону пробовали снять с сосны, но

Общий вид Глинской Рождество-Богородицкой пустыни

она чудесным образом снова оказывалась на прежнем месте. Слава о чудотворной иконе все более распространялась, и ее стали переносить в близлежащие города — Глухов, Путивль, Рыльск, Севск. Но, когда пытались оставить икону в каком-либо городе, она исчезала и оказывалась затем на месте своего явления.

Путивльский монастырь просил местного воеводу, князя Юрия Долгорукова, оформить «бортное ухажье Пресвятой Богородицы Глинской» в собственность себе. Пустынники, жившие на месте явления иконы, должны были подчиниться. В начале XVIII века гетман Мазепа передал Глинскую пустынь в ведение Киевской митрополии. С этого времени она стала самостоятельной. А.Д. Меншиков, ставший после Мазепы владельцем Крупецкой волости, подарил Глинской пустыни две тысячи десятин земли. С 1728 года Крупецкая волость отошла в казну, обитель лишилась земли, и Путивльский монастырь снова стал хлопотать о подчинении ему Глинской пустыни. Хлопоты увенчались успехом.

Обитель ветшала, строения ее горели, насельники жили в ветхих келлиях, настоятели менялись часто, в обители они не жили, потому что состояли одновременно

экономами архиерейского дома своей епархии. Казалось, что обители грозит полное запустение. Но в 1769 году новый архипастырь, епископ Севский и Брянский Кирилл, прибыв в Севск, заинтересовался историей явления иконы и чудесами от нее. Он попросил привезти икону, осмотрел и благословил поставить в храме. Но на другой день в храме ее не оказалось. Послали в Глинскую пустынь: икона была на сосне. Сняли, привезли в Севск, и снова она исчезла из храма, оказавшись на месте своего явления. Уверившись в чудотворности Глинской иконы, епископ Кирилл велел вернуть ее в пустынь и стал заботиться о возобновлении обители, о строительстве в ней каменного храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Когда храм был построен, настоятель решил снять икону и поставить в храме. Но она снова вернулась на сосну. Он повторил это еще два раза, и всякий раз икона оказывалась на сосне. Тогда настоятель велел срубить дерево. Сосну срубили, икона осталась в храме, но источник, пробившийся из-под корней, иссяк, а настоятель заболел и вскоре умер; наказаны были и те, кто рубил сосну.

Чудотворная икона, именуемая еще и «Пустынно-Глинской», невелика: $4\frac{1}{2}$ вершка (менее 20 см) на $3\frac{3}{4}$ вершка (почти 15 см). На ней изображены святой праведный Иоаким, праведная Анна и младенец — Пресвятая Дева Мария на руках у матери. Со временем ее облекли в золотую чеканную ризу, украшенную драгоценными камнями. Кроме того, на ней были серебряные «привесы», которые в знак благодарности преподносились теми, кто получал чудесное исцеление. Таких даров при цельбоносном образе всегда было много. По свидетельству духовных чад глинского старца схиархимандрита Андроника, в настоящее время чудотворная икона Рождества Богородицы находится недалеко от Глинской пустыни в селе Шалыгино, где она надежно хранится. По предсказанию старца, когда монастырь откроется снова, она будет возвращена обители.

Соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы

В 1809 году архиепископ Курский Феоктист назначил настоятелем пустыни отца Парфения, который ввел общежитие. Однако вскоре враг нашего спасения — диавол — внушил некоторым инокам желание жить по своей воле, не подчиняться никому и не считаться ни с кем. Чтобы избавиться от неуютного настоятеля, они прибегли к обычному в таком случае средству — клевете. Но другой настоятель их тоже не удовлетворил. Начались беспорядки и неурядицы. Обычно богомольцы сразу это чувствуют, даже если внешне не очень заметен духовный упадок и нестроения в братстве. Все меньше и меньше приходило молящихся, монастырь явно клонился к упадку. Клонился, но не упал. Что же его поддержало? Молитва подвижника старца Феодота и благоразумие иеросхимонаха Василия (Кишкина), ревнителя древнего благочестия. Отец Василий убеждал, что безначалие, самоволие и постоянные беспорядки к добру не приведут. Объединив наиболее здравомыслящих, он молился Пресвятой Богородице, чтобы послал Господь обители опыт-

ного и энергичного руководителя. Таким и оказался назначенный строителем игумен Филарет (Данилевский).

К деятельности игумена Филарета по восстановлению пустыни мы еще вернемся, а пока стоит несколько подробнее рассказать о значении трудов отца Василия как продолжателя традиции старчества. Он происходил из дворян Курской губернии, много странствовал, подолгу жил на Афоне и в Молдавии у святого старца Паисия (Величковского), восстановителя старчества и распространителя его в России.

Сущность и сила старчества заключаются во взаимоотношении между старцем и учеником. Старец берет на себя руководство духовным деланием ученика, направляя его к спасению. Ученик всего себя, душой и телом, предает воле старца. *Дажь кровь и прими дух* — вот смысл и цель старчества. Ученик от всего своего — воли, мыслей, желаний — должен освободиться, чтобы наставник мог сформировать из него нового человека. Старец только тогда становится способным руководить иноком в его «невидимой брани», когда на личном опыте пройдет школу трезвения и умно-сердечной молитвы и благодаря этому в совершенстве изучит духовные и психологические законы. Он должен уметь проникать до самых глубин человеческой души, видеть в ней само зарождение зла, причины этого зарождения, устанавливать диагноз болезни и указывать точный способ лечения. Старец — искусный духовный врач.

Путь старческого окормления во все века христианства всеми великими пустынножителями, отцами и учителями Церкви был признан самым надежным и удобным из всех, какие были известны. Старчество процветало в древних египетских и палестинских киновиях, впоследствии оно распространилось на Афоне, а с Востока было перенесено в Россию. Но при постепенном упадке веры и подвижничества и некотором обмирщении церковной жизни старчество стало приходить в забвение. Принято считать, что ко времени преподобного Нила

Сорского (+1508) оно многим было непонятно, а к концу XVIII столетия почти совсем забыто.

Возрождение старчества в России связано с именем молдавского старца Паисия (Величковского). Его ученики, в конце жизни старца Паисия и после его кончины в 1794 году перешедшие в Россию, основали здесь духовные центры старческого делания. По месту расположения они подразделяются как бы на три ветви — северную, центральную и южную. На юге России как возобновитель старческих традиций был наиболее известен иеросхимонах Василий (Кишкин). Он построил Белобережскую пустынь, затем жил в Кременецком монастыре, Саровской, Софрониевой пустынях и других обителях. Ему выпало счастье слушать беседы святителя Тихона Задонского и быть другом Антония, архиепископа Воронежского. Это был замечательный подвижник, с юных лет отличавшийся целомудрием, смирением, терпением и любовью к оскорблявшим его. В течение десяти лет отец Василий пребывал в Глинской пустыни, подвизался в устройении монастыря, вымолил у Пресвятой Богородицы настоятеля для обители, своего ученика, старца Софрониевой пустыни отца Филарета, от которого ведет свое начало Глинская линия русского подвижничества. Наиболее известные подвижники этой линии: монах-старец **Феодот**, прозорливец; **Макарий** (+ 1864), иеросхимонах, прозорливец; **Мартирий** (+ 1865), великий постник, по неделе не вкушавший пищи и любивший уединение и безмолвие; схимонах **Евфимий** (+ 1866), келейник отца Филарета; **Пантелеимон** (+ 1831), иеросхимонах, отшельник, погребенный в скиту, устроенном его заботами на месте явления чудотворной иконы Рождества Богородицы; иеромонах **Антоний**, помощник братского духовника, безмолвник; иеродиакон Серапион, видевший своего Ангела-Хранителя и по смерти три часа перебивавший четки; монах **Досифей** (+ 1874), обладавший даром прозрения и исцеления, сподобившийся слышать ангельское пение при смерти старца Феодота; схиархимандрит Или-

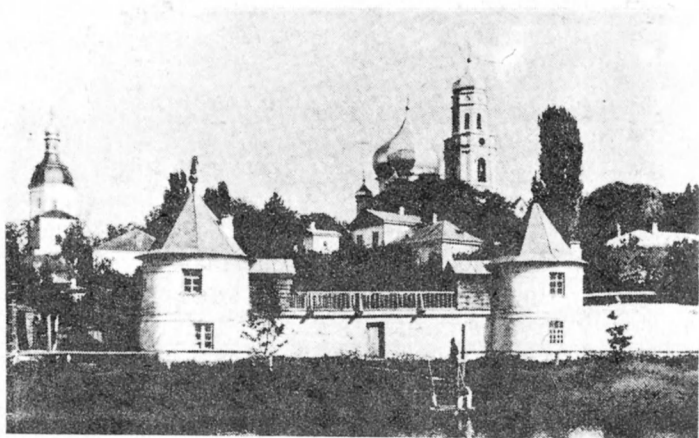
одор (+ 1879), бывший восемь лет игуменом Рыхловского монастыря и настоятелем Петропавловского монастыря Черниговской епархии; архимандрит **Иннокентий** (+ 1888), ученик многих старцев, в том числе и старца Макария, обладавший любвеобильным сердцем и даром исцеления; иеросхимонах **Илиодор** (+ 1895), молитвенник, за год предсказал свою кончину; схимонах **Лаврентий** (+ 1881), ученик архимандрита Илиодора и преемник его по старчеству; схимонах **Архипп** (+ 1896), обладавший даром прозрения и молитвы, руководитель духовной жизни схимников; подвижник-прозорливец **Лука** (+ 1898); смиренный монах **Иоанн** (+ 1891); монах **Игнатий** (+ 1883), служил в почетных должностях и затем «с кротостью чистого усердия и мирным братолюбием, подвигом добрым» 18 лет подвизался в Глинской обители; схимонах **Иоанн** (+ 1890), особенно памятен помощью больным; схимонах **Артемий** (+ 1885), любитель безмолвия; монах **Евгений** (+ 1894), умер смертью праведника; монах **Пимен** (+ 1895), ухаживал за больными; монах **Никифор** (Николай Донской; + 1896), в обители подвизался два года, но успел уготовить свою душу к блаженному переходу в вечность; монах **Петр** (+ 1898), строгий подвижник, замечательный уставщик хора левого клироса; старец **Кирилл** (+ 1900), потрудившийся в обители 25 лет; схимонах **Лука** (+ 1860); послушник **Андрей** (+ 1898), преставился 19-ти лет от роду, обладал особой кротостью и смирением; послушник **Максим** (+ 1900), умер в 18 лет, заранее предсказав свою смерть; иеромонах **Порфирий** (+ 1868), провидел будущее; монах **Димитрий** (+ 1891), являл пример иноческого нестяжания, терпения и смирения; монах **Анания** (+ 1860), лекарь, творитель Иисусовой молитвы; схимонах **Пантелеимон** (+ 1895); послушник **Василий** (+ 1859); монах **Николай** (+ 1870); монах **Александр** (+ 1869), нестяжатель; послушник **Прохор Юродивый** (+ 1863); иеромонах **Евграф** (+ 1848); послушник **Сергий Юродивый** (+ 1897); монах **Игнатий** (+ 1883), отличался трудолюбием; монах **Кирилл Юродивый**

(+ 1891); монах **Иоанн** (+ 1891), терпеливец; иеросхимонах **Анатолий** (+ 1860) и другие.

О глинских подвижниках XIX столетия подробный рассказ впереди. А пока продолжим историю пустыни с тех дней, когда появился в ней игумен **Филарет**. «Восстановитель пустыни» — такое определение закрепилось за отцом настоятелем, назначенным в обитель в 1817 году. Закаленный скорбями и борьбой со злом, он возродил обитель в нравственном отношении и благоустроил ее. При отце **Филарете** выстроены Иверская каменная церковь, две деревянные часовни с келлиями, каменный корпус (трапезный) с мезонинами, четыре братских корпуса, два каменных дома, 19 жилых деревянных домов (в том числе и находящиеся вне обители), квасовни, мельница, крупорушка, сукновальня, кирпичный завод, амбары, навесы, ледники и прочее. Да и соборный храм был обновлен и к нему приделаны большие боковые притворы. Отец **Филарет** выхлопотал новый штат Глинской пустыни, умноживший число иноков с 20 человек до 40 (столько же было послушников). Все трудились на пользу обители, везде был заведен порядок по учению святых отцов. Отец **Филарет** сам подавал пример святой жизни, ревности к благочестию, молитвы, бдения, поста и труда. Он отличался знанием святоотеческих писаний, дарами прозрения и постоянной умно-сердечной молитвы. Для утверждения принятого порядка богослужений и монастырской жизни, для руководства Глинским общежитием отец настоятель написал особый устав, составленный по примеру «богомудрых отцов святой Афонской обители». Для возобновленной обители отец **Филарет** составил несколько книг, переписанных и написанных им лично. Среди них — обширное поучение новопостриженному монаху. В 1824 году оно было напечатано по-славянски в Санкт-Петербургской Синодальной типографии и разослано во все монастыри. Им же написаны поучение «Перед постригом», «Наставление о должности духовника инокинь», записки об истории Глинской пустыни, нотные книги церковного

пения. Отец Филарет собственноручно переписал так называемым уставом «Лествицу» преподобного Иоанна Синайского, службу Божией Матери в честь Иверской Ее иконы, с приложением сказания о самой иконе, и еще несколько назидательных книг.

Архивные материалы свидетельствуют о внешнем благолепии и процветании обители в конце XIX века. Пустынь, обнесенная каменной оградой, имела пять отдельных и четыре домовых храма. Соборный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, каменный, с колокольной, трехпрестольный, построен в 1770-1781 годах тщанием Преосвященного Кирилла, епископа Севского и Брянского. Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, каменный, трехпрестольный, возведен в 1843-1849 годах на пожертвования благотворителей. Храм в честь Иверской иконы Божией Матери, каменный, однопрестольный, сооружен над святыми воротами в 1726-1731 годах также на средства благотворителей. Храм во имя святых Богоотец Иоакима и Анны, каменный, с колокольной, однопрестольный, построен в 1848 году в скиту, на месте явления чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы, на средства ахтырского помещика Константина Димитриевича Хрущева. Пятый храм — в честь Нерукотворного Спаса, деревянный, однопрестольный — поставлен в 1892 году на месте подвигов старца схиархимандрита Илиодора, в трех верстах от обители, на средства схимонахини Севского женского монастыря Рафаилы и монахини Анны — графини Гейден. При этой церкви был учрежден скит. В 1906 году здесь выстроили каменную колокольню с двумя келлиями. Домовые храмы были построены в основном в конце XIX века: во имя Архистратига Михаила — в 1893 году в деревянном доме Сеймских монастырских мельниц при городе Путивле, храм в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня выстроен в 1896 году на средства благотворителей при новой монастырской больнице, храм во имя Крестителя Господня Иоанна устроен в 1899 году в Спасо-Илиодоровском скиту также на пожертвования. Четвертый

Вид Глинской пустыни с северо-западной стороны

домовый храм — в честь Вознесения Господня — освящен в 1907 году в деревянном доме при хуторе Негровском.

В конце прошлого века в Глинской обители подвизалось до 700 насельников, включая послушников, которых было большинство. Содержание от казны пустынь не получала, довольствовалась собственными средствами, трудами братии, помощью усердствующих к обители благодетелей.

Монастырская библиотека насчитывала до 1350 томов. В начале XX века в пустыни был организован проповеднический кружок, куда входило более 30 монахов. Одни из них писали статьи, которые обитель издавала в виде брошюр. Другие проводили беседы с народом. Поучения читались в храме за литургией. Кроме того были организованы внебогослужебные чтения в монастырской гостинице, в трапезной, а в теплое время года и на монастырском дворе. В каждом номере гостиницы было Евангелие, Молитвослов и книги духовно-нравственного содержания. Всем желающим в благословение от обители раздавались бесплатно книжечки, листки, хромоолитографированные образки.

Теплый Успенский храм

С 1890 года при пустыни действовал Дом трудолюбия для обучения крестьянских детей ремеслу. К 1916 году в нем насчитывалось до 40 подростков. Обучали всех монахи. Разрешалось выбрать себе занятие по душе: столярное, слесарное, иконописное, портняжное, сапожное. Обычно назначался монах-воспитатель, который жил вместе с мальчиками, водил их по праздникам и воскресным дням в храм. По окончании выдавалось свидетельство об обучении, успехах и способностях. Подписанное игуменом и старшей братией обители, оно давало мальчику возможность работать, а при желании он мог поступить в число братии обители.

Братская больница была рассчитана и на приходящих богомольцев. Из тридцати коек пятнадцать занимали немощные и престарелые схимники и монахи. При больнице постоянно находился фельдшер, а врача, когда надо было, вызывали из Глухова, обитель платила ему годовое жалование. В странноприимной, куда стекались бедные жители из окрестных селений, а также странствующие богомольцы, в течение года останавливалось до

32 тысяч человек. Безвозмездно им полагались трехдневная монастырская трапеза, лекарство, одежда и обувь по возможности.

С 1915 года был устроен небольшой санаторий для раненых и детей погибших. Тогда обитель отправила на фронт несколько иеромонахов, переводились средства для строительства и оборудования госпиталей и лазаретов. В Красный Крест из Глинской пустыни приходили деньги, книги для раненых и военнопленных, оказывалась помощь и семьям призванных на фронт.

Этот краткий перечень всего, что было построено и организовано для приходивших и обращавшихся в обитель людей в обычное время и в годы народных бедствий, свидетельствует о том, что внешнее добродетельное успешно развивалось и ширилось при глубоком внутреннем подвижничестве. О нем в обители была самая неотложная забота. Основой внутреннего подвига было трезвение по заповеди Спасителя: *бдите и молитесь* (Мф. 36, 41). Его можно поставить первым в перечне общих черт, присущих внешней и внутренней деятельности Глинской пустыни.

Немного подробнее обрисует уклад церковного быта этой славной русской обители. Устав для Глинской пустыни, как уже говорилось, был составлен игуменом Филаретом по образцу Афонского. Кстати, с Пантелеимоновым монастырем и Андреевским скитом на Святой Горе обитель поддерживала братские духовные связи. Глинский устав отличался строгостью и точностью исполнения общих церковных правил и некоторыми особенностями богослужений. В нем самое строгое внимание обращалось на молитву, большую часть времени иноки должны были молиться, не предаваясь помышлению о земном. За богослужением по храму носили гробницы (по виду похожие на дарохранительницы), кадили кациями; ежемесячно

*Кации — кадильницы с ручками вместо цепей. Введены в употребление как воспоминание о явлении в одном монастыре Ангела, который во время службы обошел с ковчежцем священного елея всех иноков, даже тех, кто по немощи или из-за занятости на послушании не был в храме. Таким образом Ангел показал, что братия, отсутствующие за богослужением телом, соединяются со всей Церковью духом.

(1-го числа) освящали воду и каждый год в Великий Четверг совершали Таинство Елеосвящения для иноков и мирян.

Чин богослужений в Глинской пустыни отличался и особым распевом, который игумен Филарет заимствовал из древнейших киевских Ирмологиев, записанных в крюковой системе.

Ежегодно 19 июля совершался крестный ход из Глинской пустыни в город Глухов с чудотворной иконой Рождества Пресвятой Богородицы. Это происходило в память об избавлении жителей города от холерной эпидемии в 1848 году и для отвращения бед на будущее. Святую икону устанавливали на площади города, в особо устроенной каменной часовне, где и совершалось всенощное бдение, после которого чудотворную икону переносили в городской собор. На другой день, после литургии, бывал крестный ход от собора к часовне, в которой служили акафист. Затем святыню принимали в храмах и домах. 2 августа святая икона возвращалась в обитель, а на следующий день, после литургии, совершался крестный ход в ближний скит, где тоже служили акафист. Такой же крестный ход с чудотворной иконой Богородицы бывал 9 сентября по случаю престольного праздника в скитской церкви во имя святых Богоотец Иоакима и Анны. По просьбе верующих, святую икону иногда приносили на источник, находившийся на лугу с юго-западной стороны пустыни.

В трапезе икона поставлялась на аналое, перед ней горели свечи. За столом соблюдалась полная тишина. Пищу подавали братия, называемые трапезными. Молитва и перемена пищи производились по звонку колокольчика. Не дозволялось что-либо приносить из съестного, кроме всем благословленного. Вино в братской трапезе никогда не подавалось.

После еды старший трапезный подносил корзинку настоятелю или служащему седмичному иеромонаху (когда настоятеля нет). Он клал остаток хлеба, за ним —

другие, и, благословляя «укрухи», призывал на них благословение Господне, чтобы умножились они в обители и во всем мире. Как при чудесном насыщении Господом пятью хлебами пяти тысяч народа осталось двенадцать корзин кусков, так и тут испрашивалось благословение Божие на изобилие. Потом все вставали, читалась молитва в честь и славу Пресвятой Богородицы, возвышалась просфора, которая, при пении «Блажим Тя вси роди», обносилась служащим иеродиаконом по братиям. Все отщипывали частицу и вкушали ее, а пономарь, идущий за иеродиаконом, кадил крестообразно кадией. После этого служащий иеромонах вполголоса произносил ектенью, а братство протяжно пело несколько раз «Господи, помилуй». По отпусте, при пении тропаря праздника, в порядке старшинства, прикладывались к иконе, брали благословение у настоятеля и становились левее его в две линии, давая проход сзади идущим братиям. А у самых дверей повар в белом фартуке припадал ниц и у всех выходящих просил прощения, и каждый отвечал ему: «Бог простит!» Затем процессия в прежнем порядке при звоне колоколов двигалась в храм. Там, перед открытыми царскими вратами, иеродиакон возглашал ектенью. По возгласе служащего седмичного иеромонаха бывал отпуст, клиросные пели стихиру праздника, тропарь или Богородичен и, под торжественный звон колоколов, братство расходилось по келлиям.

В обычные дни братия собирались к столу по звонку. Порядок благочиния соблюдался тот же. Вкушение пищи и питья после вечернего правила монахам не разрешалось. Отступать от правила позволялось лишь по благословению старца, но после вкушения пищи монах совершал малое повечерие с вечерними молитвами. В половине первого ночи инок вставал на утреню, которая продолжалась до половины пятого утра и дольше. Особенно продолжительны бывали праздничные утрени на Новый год, Крещение Господне, Рождество Христово. Несущие послушание на кухне, в хлебне, просфорне и все,

кто начинал работу рано, шли на послушание, не достояв утрени. Другие принимались за послушание после малого отдыха. Третьи, простояв утреню, в келлии выполняли правило. В монастыре совершались две литургии: ранняя с половины шестого (по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям, когда был соборный акафист) или с шести утра (в остальные дни) и поздняя. Согласно 12-й главе Глинского устава, четыре раза в неделю совершался акафист: во вторник — святой великомученице Варваре, в четверг — Святителю Николаю, в субботу — Пресвятой Богородице, в воскресенье — Спасителю или Божией Матери перед чудотворной иконой. За богослужениями поминали всех благодетелей обители.

Вечерня начиналась в четыре часа вечера, в пять часов был ужин, в шесть — повечерие.

Только в семь или восемь часов вечера для большинства иноков наступало свободное время, которым они могли распоряжаться по своему усмотрению. Обычно оно уходило на чтение святоотеческих книг, исполнение келейного правила, на беседу со старцем и т.д. А в полночь снова вставали на молитву и послушание.

Накануне праздника, после повечерия совершалось всенощное бдение, которое продолжалось 5-6 часов. В храмовые праздники после 6-й песни канона читали акафист.

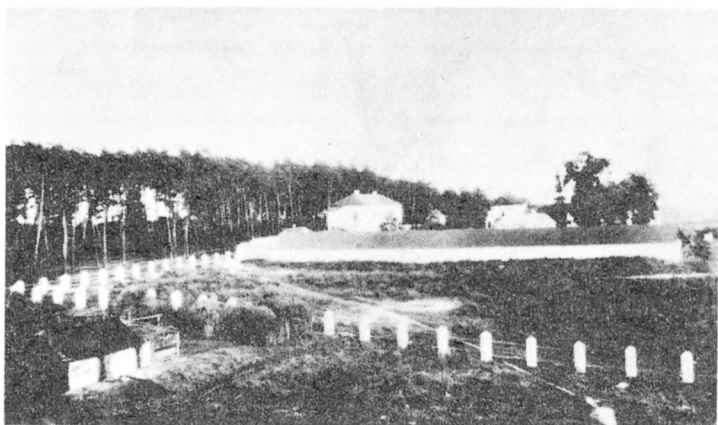
Так протекала жизнь обители вплоть до 1922 года, когда она была закрыта. Многие церковные здания, монастырские постройки и часть стен, окружавших пустынь, были разобраны на кирпичи для строившейся поблизости дороги. Вновь открылся монастырь во время Великой Отечественной войны, в 1942 году. Настоятелем тогда был назначен архимандрит Нектарий, при котором и закрывалась пустынь в 1922 году. Многие насельники монастыря вернулись в свою родную обитель. Куча мусора, обломки штукатурки, кирпича, кровельного железа — вот все, что осталось от главного собора пустыни. Монахам было очень трудно. Старые, обессиленные лишения-

ми, они едва могли обеспечить себя самым необходимым. Сначала не было почти ничего, носили лапти, красили самотканые холсты для одежды. Местные жители мало чем могли помочь, ведь страна была разрушена войной, которая еще не кончилась. Хлеб пекли из муки, наполовину смешанной с вареной картошкой. Но для монахов вернуться на родное пепелище было радостью: как ни трудно, но все же вместе. Отец Нектарий прожил недолго. После его кончины настоятелем выбрали отца Серафима (Амелина). К нему приехали отец Серафим (Романцов) и отец Андроник (Лукаш). Первый был духовником обители, второй—благочинным. Кроме огорода в обители был скот. На скотном дворе трудился худой, тщедушный монах Адриан. Молоко шло на покрытие налогов, братия его почти не видела. Всех монастырских угодий было два гектара.

На молодых иноков ложилась вся тяжесть житейских забот: кухня, заготовка дров, «портомойня», ремонт помещений и т.п. Пошивочная, правда, была в женских руках: две немолодые монахини почти не выходили из своей «мастерской».

Со временем построили новую трапезную. Обитель материально крепла. Монахи уже обходились без лаптей и крашенины, хлеб пекли чистый. Приток богомольцев возрастал. Приведем описание пустыни в 50-60-е годы XX столетия, составленное по рассказам очевидцев.

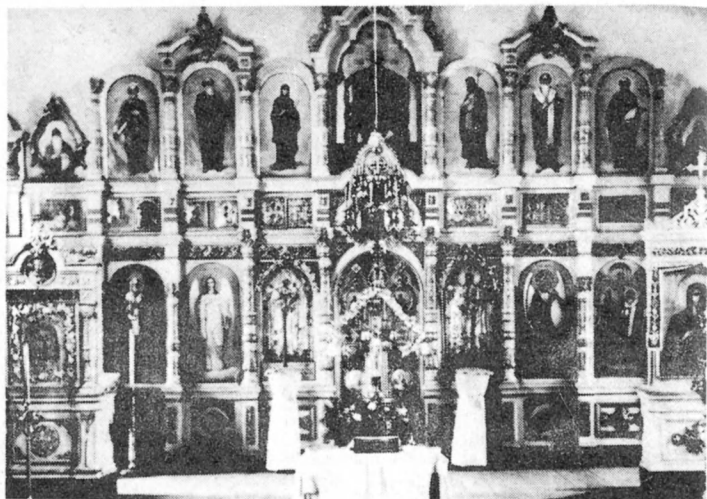
Кругом тишь и безлюдье. С восточной стороны, где проходит дорога, раскинулся сосновый лес. Почва песчаная, легко пропускающая воду, и потому грязи никогда не бывает. Здесь еще сохранилась почти вся стена. Уцелела и угловая башня, приземистая, в два этажа. Верхнюю келлию в ней занимал отец Серафим (Романцов). Некоторые, по келлии в «столпе», называли отца Серафима столпником. Внизу жили отец Михаил, добродушный приветливый старичок-монах, и его брат Александр. Сохранилась также часть ограды, которая примыкала к башне с южной стороны. С северной стороны пустыни был

Вид пустыни в 50-е годы XX века

плетень, с западной — только жерди, отделявшие обитель от остальной территории, когда-то тоже ей принадлежавшей, где к этому времени не сохранилось ни одного храма, но еще стояли корпуса, занятые домом инвалидов. На первом этаже бывшего архиерейского корпуса была устроена просфорня, на втором — швейная мастерская и помещение для гостей. Позднее построили небольшой дом, который назывался московским: одну часть его занимали москвичи, а другую — монахи. Церковь была одна, больничная, — в честь Воздвижения Креста Господня. В эти годы на ее кровле установили простой деревянный крест, без всякого купола. Перед каждым входом (а их было два, оба — с северной стороны) — небольшое застекленное крыльцо, увеличивающее площадь храма, переполнявшегося в праздники богомольцами. В больничном корпусе были устроены братские кельи.

В 50-е годы к остаткам ограды прилепились маленькие каморки, где выполнялись разные послушания, работали, например, сапожник, кузнец, столяр. Желаящие попасть в обитель ехали до Глухова, а дальше или шли пешком, или добирались на попутной машине. Письма и посылки приходили на ближайшую станцию Локоть, за

Иконостас единственного храма Глинской пустыни 50-х годов в честь Воздвижения Креста Господня

ними ездил на лошади монах Афанасий. Каждому паломнику старались найти место на ночь и за трапезой. Для этого не надо было ни рекомендации, ни знакомства, ни вклада. Кто оставался больше трех дней, благословлялся выполнять общие послушания (на огороде, к примеру, или на кухне).

В последующие годы в святой обители был по-прежнему строгий устав. Утреннее богослужение начиналось в четыре часа, и богомольцы стекались в полутемный храм, где горела одна свеча — в руках монаха, читающего утренние молитвы (электричества тогда в обители не было, пользовались керосиновой лампой или свечами). После утренних молитв шла полунощница, по окончании которой и начиналась утренняя, по шестой песни канона с амвона читался Пролог. После утрени служили молебен перед чтимой иконой Рождества Пресвятой Богородицы — списка с чудотворной иконы, явленной в XVI веке. Примерно в шесть часов утра все расходились на послушания. А те, кто работал на поварне, уходили после шесто-

псалмия. Служащий иеромонах брал огонь от лампы перед чудотворным образом Богоматери и давал повару; который разжигал печь благословенным огнем.

Литургия была одна. Начинаясь она в будние дни около девяти часов, затем в храме читались заказные акафисты. Часа в два был обед. Сначала в трапезную шли монахи, после них — богомольцы. В монастыре готовили не только для братии, но и для паломников, которые кроме обеда получали бесплатно хлеб. Бесплатной была и монастырская гостиница.

Вечерня начиналась в пять часов, после которой был перерыв на ужин. Затем совершалось повечерие, читали каноны Спасителю, Божией Матери, Ангелу-Хранителю и молитвы на сон грядущим. По окончании службы монахи исполняли келейное правило. Встречи и всевозможные разговоры с паломниками в это время не допускались. Если совершалась всенощная, то богослужение кончалось совсем поздно. Первый час читали в час ночи, а во втором все расходились по своим местам. Праздничные службы начинались в шесть утра.

В 1961 году монастырь снова был закрыт, а насельники — разогнаны. В пустыни разместили психоневрологический интернат. На сегодня сохранилось еще здание, в котором был храм в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, и несколько жилых корпусов. Неподалеку растут деревья великолепного бора, некогда посаженного монахами.

О старчестве

Назидательные примеры из жизни глинских подвижников XIX века

Возрождение духовной жизни при игумене Филарете вновь обратило внимание богомольцев к Глинской пустыни. Умножилось число желающих в ней подвизаться. Что же помогло отцу Филарету за сравнительно короткий срок обновить жизнь обители? Прежде всего его собственный огромный опыт духовной жизни. Деятельный по характеру и, вместе с тем, мягкий, открытый, доброжелательный, отец Филарет старался учить не только словом, но и личным примером. Он опытно изучил силу послушания, не из книг только знал пользу исповедания помыслов, был искренним в своем стремлении помочь всем, кто жаждал прикоснуться к началам духовной жизни здесь, на земле. Однако все человеческие желания, даже и благочестивые, сами по себе еще не чисты, пока человек не победил свои страсти. И молитва, и результаты ее бывают разные. Для тех, кто руководствуется собственным мнением, духовная жизнь таит очень много опасностей, потому что наши страсти способны нам представить и черное белым, и святое порочным. Страсти часто не проявляются в обычной обстановке и прекрасно сосуществуют с внешним благочестием. Поэтому святые отцы разработали учение, помогающее человеку духовно прозреть и познать живущие в нем страсти. Основа этого учения — доверие старцу. Старчество, то есть руководство ученика духовноопытным наставником, и было положено игуменом Филаретом в основу духовного возрождения обители. Если внутренняя жизнь не устроена, то внешнее благочестие не научит искреннему смирению, сердечному отношению друг к другу, не расположит ока-

меневшую душу к молитве. Руководство старца важно тем, что включает непременно исповедание старцу не только явных грехов, но и тайных движений души. В скверных мыслях кроются корни худых поступков. Поэтому тот, кто открывает душу старцу, может вырвать эти корни и тем избавить душу, хотя и не сразу, от засилья страстей. Труднее всего бороться с исчадиями гордости. Это и самолюбие, и тщеславие, и превозношение, и обидчивость, и мнительность, и властолюбие, и еще очень многое, что трудно в себе узреть без откровения помыслов старцу.

Возникает вопрос: разве исповеди недостаточно? Но чтобы по-настоящему исповедоваться, надо прежде уметь открывать все, что на душе. Откровение учит внимательности и бдительности. Игумен Филарет проходил эту школу сам и потому знал, что тот, кто довольствуется лишь исповедью (имеется в виду, конечно, не «общая» исповедь, которой тогда не было, а полное исповедание грехов духовнику) и живет без старческого окормления, подвергается опасности так и не понять, не узнать на опыте, в чем заключается духовная жизнь, и остаться со своими страстями. На исповеди, открывая какой-то грех, человек как бы срывает листок или отламывает веточку, не трогая корней. Откровение помыслов обнажает истоки греховных наклонностей, и Господь за смирение дает силы вырывать эти корни. Таким образом человек может приблизиться к бесстрастию. Монастырская обстановка этому способствует.

Игумен Филарет, вводя в обители старческое окормление, знал, что не все и не сразу примут его, потому что человеческой немощи свойственно поступать по пословице: «Своя воля царя более». Чтобы облегчить принятие этого установления, он поощрял чтение творений святых отцов и даже принуждал к этому вверенных ему иноков. В поучениях аввы Дорофея, в «Лествице», «Добротолюбии» и других книгах ясно и доступно изложена необходимость старческого руководства. К счастью, в те годы игумен

Игумен Филарет (+ 1841)

Филарет мог найти среди братии способных учиться этому и учить других. Впоследствии обитель прославилась более всего тем, что в числе ее насельников были старцы. Даже в трудные годы общей разрухи, когда вся страна окаменела во мраке духовного гнета и страшного гонения на веру и Церковь, традиции и школа старчества Глинской пустыни не прерывались.

Основой духовного возрождения обители отец Филарет считал доверие к нему как к пастырю, который все свои наставления и советы основывал на евангельских заповедях и святоотеческом опыте. Он ввел строгие иноческие порядки: удалил из обители женщин, которые присматривали за скотом, строго следил за тем, чтобы иноки не ходили в гости, не пустословили, не теряли времени даром, не приобретали лишнего, не увлекались предметами роскоши, иногда попадавшими в их обиход от знакомых или родных. Один из иноков — Арсений — не мог сразу сжиться с этими требованиями. Подарили ему как-то чайный сервиз. Он очень обрадовался и пригласил игумена обновить подарок. Игумен не спешил на чай. Отец Арсений еще и еще раз позвал. Пришел отец Филарет и сразу заметил, как любовался подарком отец Арсений. «Да, хорош, очень хорош. Он тебе нравится?» — спросил гость. «Очень нравится», — с готовностью ответил отец Арсений. Но не успел он добавить и слово, как отец Филарет сбросил поднос с посудой на пол. Все разбилось. «Что Вы сделали?! Зачем?» — «Чтобы избавить тебя от пристрастия к земным вещам». Конечно, отец Филарет знал, что этот монах все воспримет правильно, не возмутится, не будет душевно разбит, как посуда...

Игумен Филарет для всех был доступен, прост и добр. Прийти к нему мог любой монах в любое время дня и ночи. Так, отец Илиодор был напуган дьяволом и пришел к игумену за советом. Отец Филарет заметил, что монахи всегда должны быть готовы к встрече с врагом спасения, и, ободряя его, рассказал о себе: «В прошлую ночь было и мне искушение. Я стоял на молитве. Двери келлии были

на крючке. Вдруг послышалось, будто дверь открывается. Я обернулся и вижу: у двери стоит кто-то страшный, похож на араба. Зубы оскалил, волосы взъерошены. Я перекрестился и стал продолжать свое правило. Он вышел, как и вошел. Главное в таком случае — не испугаться, не обращать на него внимания, продолжать свое дело».

Чтобы в обители был порядок, отец Филарет лично контролировал службы: обходил мастерские, бывал на общих работах, беседовал со всеми вместе, с некоторыми отдельно, если его просили об этом. Для каждого у него было слово утешения, он ободрял вниманием, советом. Уставшим он часто говорил, что пот, пролитый на послушании, Господь принимает, как кровь мучеников.

Игумена Филарета знали и уважали многие современные ему подвижники, в числе которых был и преподобный Серафим Саровский. Существует свидетельство о том, что отцу Филарету было открыто время преставления преподобного Серафима и дано было видеть восхождение его души на Небо в сопровождении Ангелов. Священноначалие, зная мудрость игумена Глинской пустыни, присылало в обитель тех, кто был временно наказан. Не все смирялись с сознанием, что наказание заслужили, многие считали себя невинно обиженными и вели себя так, как можно поступать лишь под влиянием духа злобы. Это нарушало благочиние в обители и смущало братство, но отец Филарет старался всеми силами помочь тем, кто был прислан в Глинскую пустынь для исправления. Если пример братии и забота настоятеля действовали благотворно, то отец Филарет хлопотал о смягчении наказания. Обычно по окончании срока присланные в обитель получали положительный отзыв, подарки от настоятеля, а при нужде — и деньги на дорогу. Для многих это время было незаменимой школой перевоспитания.

Перескажем здесь некоторые назидательные истории из жизни глинских подвижников, чтобы можно было представить себе ту атмосферу духовной бдительности, ту питательную среду, в которой возрастали будущие знаменитые старцы.

Вразумление отца Макария. В Глинской пустыни одно время благочинным был отец Макарий. Когда здоровье его пошатнулось, он удалился в затвор. Настоятель благословил его принимать приходящих, ищущих совета, разрешения недоумений или духовной поддержки. Однажды два инока в разговоре коснулись жизни в затворе, один из них сказал: «В затворе хорошо спастись, не видя соблазнов. Вот если бы отец Макарий жил, как мы, видя соблазны и как будто не видя их, то это был бы великий подвиг». Поговорили и разошлись. Сказавший это проходил мимо келлии отца Макария. Тот открыл дверь, позвал его в келлию и сказал: «Прости меня, брат, прости меня, грешного и немощного, немогущего подвизаться, как вы подвизаетесь, и от соблазнов мира уединившегося в келлии. Прости меня, Бога ради». В первый момент инок был поражен словами старца, который не мог слышать, как и о чем он говорил с другим иноком. Но когда он понял всю глубину смирения старца, то обещал в душе не быть судьей чужой жизни, чужих дел и не разбирать, чей подвиг выше. Выше всех подвигов — смирение, там же, где осуждение, никакие подвиги не имеют цены.

Утешительное предвидение. Среди известных усердием к исполнению пастырского долга, искреннему отеческому попечению о простых людях в Глинской пустыни был и отец Порфирий. Он много пережил скорбей, знал по опыту горечь обид и тяжесть несправедливости, потому от души сочувствовал обиженным и мог плакать с плачущими. Его участие, сопереживание облегчали и утешали обращающихся к нему. Замечали, что дал ему Бог знать о грядущих испытаниях. Перед смертью, говоря о будущем России, он уверял: «Со временем упадет вера в России, блеск земной славы ослепит разум, слово истины будет в поношении, но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят поправное».

Помощь Божия желающему простить обидчика. Был в Глинской пустыни монах, которого очень обидел

Иеросхимонах Макарий (+1864)

один из собратьев. Кроткий, терпеливый, он решил, что обидчик его поступил так по действию врага спасения и стал за него молиться. В молитве он просил у Господа сил не гневаться на обидчика и простить его. Долго молился, а особенно в ночь перед Днем своего Ангела, зная, что и у обидчика в этот день тоже День Ангела. Когда он вернулся в келлию после литургии, пришел оскорбивший его брат, подал ему свежий, еще теплый, белый хлеб, поклонился и сказал: «Видел я, отче, как ты за меня молился и поминал, прости меня». Не успел этот монах опомниться от неожиданного посещения, как пришедший вышел. Монах бросился к двери — никого. Решил попить чайку с принесенным свежим хлебом. Попробовал — необыкновенно вкусный хлеб, никогда такого не ел. Решил, что надо пойти к имениннику поблагодарить за угощение. Пришел. Именинник настороженно смотрит, будто они сегодня и не виделись. Начинает его благодарить, тот явно недоумевает и убеждает, что не ходил к нему, не думал даже об этом. А хлеб? Хлеб уверил того и другого, что это Господь призвал их к миру. Обидчик уже легко попросил прощение, а обиженный с радостью его простил. После этого случая они стали друзьями.

Призывание к вниманию. Старец Лука, когда был еще послушником, совершая свое келейное правило, старался неукоснительно вычитать положенное число Иисусовых молитв. Однако в своем усердии он незаметно терял внимание к произносимым словам. Однажды он увидел во сне на воздухе монастырский чтимый образ «Нерукотворного Спаса» и от него услышал голос, призывающий внимательно произносить слова молитвы. Это видение утвердило его в решимости всегда с вниманием относиться к каждому слову молитвы.

Как полковник стал послушником. В Петербургской гвардии полковник Василий Милонов славился непутевым поведением. Любил он кутежи, не хотел слушать мать, женщину благочестивую, постоянно уговаривавшую его остепениться. Не думал он ни о Боге, ни о Вечной

Жизни, ни о Страшном Суде. Однажды, вернувшись на-веселе, Милонов решил отдохнуть. Не успел он закрыть глаза, как ясно услышал голос, доносящийся из-за печки: «Возьми пистолет и застрелись». Он решил, что кто-то из приятелей захотел над ним подшутить. Осмотрел комнату, заглянул за печку — никого. Лег опять. И снова тот же голос требовательно повторил: «Возьми пистолет и застрелись». Стало ему не по себе. Сказал денщику, который посоветовал перекреститься и Богу помолиться, потому что это явно бес хочет его погубить. Полковник отругал денщика за суеверие. Денщик просил барина отнестись к этому серьезно, обратить внимание на то, что голос умолкнет, если он перекрестится. «Тогда Вы увидите, что и Бог, и бес существуют». Когда барин снова услышал тот же голос, то перекрестился. За печкой все стихло. В этот момент гвардеец вдруг впервые подумал о том, как он живет... И сон пропал, и интерес к прежней жизни исчез. Решил он, что пора каяться. Подал в отставку, пошел в Киев, чтобы проситься в Киевскую Лавру. Но митрополит Киевский посоветовал ему пойти в Глинскую пустынь и рассказать все игумену Филарету. Тот так и сделал. Еще жива была его мать-старушка, когда бывший полковник поступил послушником в глинское братство.

Исповедь у отца Анатолия. Отец Анатолий много молился за тех, кто у него исповедовался. Он просил Господа не только простить их, но и помочь увидеть свою греховность, возбудить желание исправиться. Рассказывала одна барыня о встрече со своей знакомой в Глинской пустыни. Знакомая была у отца Анатолия на исповеди и, возвращаясь, плакала. Барыня спросила о причине слез. Та только ответила: «Побывайте у отца Анатолия на исповеди и заплачете». Молитва за проходящих облегчала им исповедь, смягчала душу и утешала надеждой на милосердие Божие.

Кончина праведника. Старца Евфимия называли «живым типиконом» Глинской пустыни. При всяком удоб-

ном случае он старался молодым братьям, еще не утвердившимся в благочестии, внушать уроки иноческой жизни, передавать правила строгого монастырского жития, воспринятые им от самого игумена Филарета. Так, укрепляя в борьбе со страстями вопрошавшего его брата, он рассказал, как сам в молодости боролся с блудной страстью. Желая отразить стрелы дьявола, он связал себя по нагому телу узловатой бечевкой, скрутил ее лучиной и, не давая себе пищи и покоя, ходил так целую неделю по лесу...

Когда старец приблизился к кончине, его напутствовали Святыми Тайнами. По принятии Тела и Крови Христовых он сидел на койке со светлой улыбкой, ожидая переселения в иной мир. Из глаз его лились слезы. Один из братий по простоте спросил: «Батюшка, что вы плачете, разве боитесь умирать?» Старец ответил: «Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по Благости Божией, не боюсь, а то, что видишь мои слезы, это слезы радости».

Чудесное освещение дороги. Схимонах Архипп по терпению своему отличался от многих. Тридцать три года пробыл он на послушании в пекарне. Как только собирались сделать его старшим, отец Архипп падал в ноги и говорил: «Я ничего не смыслю, простите меня, неразумного, назначьте другого». Храня уста от празднословия, этот мудрый у Бога и безумный у людей подвижник клал в рот щепку, чтобы не сказать лишнего. Вообще все дела отца Архиппа были проникнуты страхом Божиим. Однажды кто-то сильно ударил отца Архиппа, и он четверть часа лежал без памяти на полу, а очнувшись встал и молча взялся за свое дело, как будто ничего не произошло. Незлобие, прощение обид, добровольное юродство, как и вся жизнь отца Архиппа, свидетельствуют о его глубоком смирении.

В обители рассказывали об одном монахе, который просил благословения у настоятеля побывать в соседней Софрониевой пустыни. Просил он отпустить с ним и отца

Архиппа. Настоятель благословил. Когда они возвращались, совсем стемнело. Дорога вилась по краю обрыва. В полной тьме можно было сорваться, себя погубить и лошадей. Не волноваться в таком случае трудно. Только отец Архипп оставался спокоен и молчалив. Он молился. Неожиданно облака как бы раздвинулись, пропуская луч света. Луна? Стало видно повозку, лошадей и край оврага. Не теряя минуты, путники решили проехать это страшное место. Дальше была ровная дорога, там и ночью не страшно. Когда овраг остался позади, луч скрылся. Монах спросил кучера: «Видал?» Тот кивнул. Отец Архипп перекрестился и поблагодарил Господа. Вскоре они благополучно достигли своей обители, хотя и в полной тьме, но с радостью и благодарностью Богу.

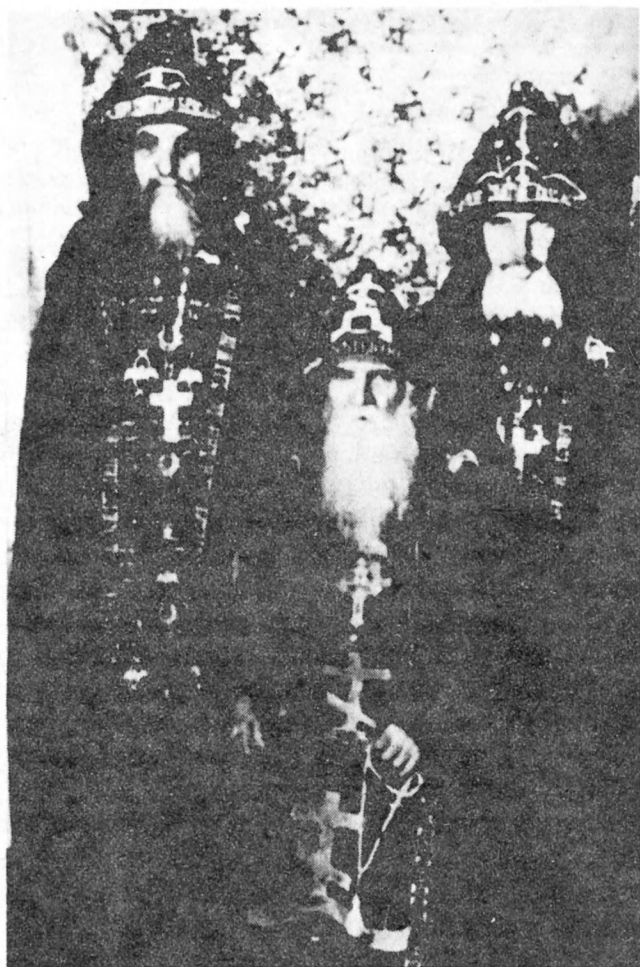

Жизнь и пастырский подвиг глинских старцев XX века

Поминайте наставники ваша...
(Евр. 13, 7)

Революцией в обители было разрушено почти все. Но невозможно было ни взорвать, ни перестроить, ни уничтожить духовное устройство глинских старцев. Несмотря на изгнание из обители, на лишения и мытарства в лагерях, в окружении жестокого, враждебного мира, через всю жизнь пронесли они благодатные дары. Подобно неугасимой лампаде, одни из них и в застенке не прекращали пастырского подвига. Другие служили в городских приходах, обращая грешников на путь спасения, укрепляя веру в малодушных, возгревая молитвенный огонь в холодных сердцах, утешая скорбящих. Поэтому жизнь митрополита Зиновия (Мажуга), схиархимандрита Андроника (Лукаша), схиархимандрита Серафима (Романцова), схиархимандрита Серафима (Амелина) и некоторых других старцев последнего периода Глинской пустыни имеет немало поучительного.

Говорить о духовной силе старчества, пережившего десятилетия разрухи, войн, ожесточения, вызванного невежеством и духовной слепотой, довольно трудно. Записки тех, кто знал старцев, часто неполны, субъективны, содержат мало фактического материала. Дневниковых записей в то время почти не вели, документы обители — сплошь деловые бумаги, которые говорят о трудностях времени, но не о духовном преодолении их. Письма, сохранные теми, кто обращался к старцам, почти все подписаны одним именем — «схииеромонах Серафим». Это ответы отца Серафима (Романцова). Их нельзя рассматривать как его собственное творчество, они состав-

*Старец Серафим – настоятель (сидит в центре),
схиархимандрит Серафим – духовник (слева),
схиархимандрит Андроник – благочинный (справа)*

лены на основе святоотеческих творений, сочинений святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова), отца Иоанна Кронштадтского и других. И все же это ничуть не снижает ценности писем отца Серафима. По ним можно судить о том серьезном, ответственном подходе к людям, который без указов и распоряжений был завещан старцами дореволюционной Глинской пустыни. Отец Серафим жил по этим заветам. Жил и учил словом, примером, добросовестным отношением к своим пастырским обязанностям. И то, что воспоминания тех, кто бывал в Глинской пустыни и знал ее старцев, хранят не столько слова, сколько впечатления от живого примера, свидетельствует о жизненности духовного завета старшего поколения глинских монахов младшим.

То, чему учили старцы, было очень просто и всем понятно. Все это каждый знает по Евангелию. Молиться, вникая в слова молитвы. Делать все так, как перед Богом. Жить с людьми, как Господь велит, забывая о себе, не думая о своих удобствах, покое. Никаких особых указаний и необычных откровений. Если кто-то вспоминает примеры прозорливости, так это или в исключительных случаях, или едва заметным намеком. Возможно, они были нужны тем, для кого говорились. Обращение к памяти старцев обязывает хранить этот опыт, черпать в нем противоядие всякому лукавству, которое легко пришивается к внешнему благолепию и фарисейскому превозношению. Самое дорогое — вера, верность, смирение, любовь к Богу и человечеству в лице любого нуждающегося — завещано людям недолгим служением скромной обители, учением ее старцев, которое заключалось, как писал Апостол Павел, *в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12).

Старец-святитель Зиновий

Владыка Зиновий является великим светильником Православия, носителем Божественной благодати, и источающееся отсюда не земное, а небесное тепло собирает вокруг него столько духовенства, столько верующих...

(Илия II, Католикос-Патриарх
всёя Грузии)

Митрополит Зиновий (в миру Захария Иоакимович Мажуга) родился 14 сентября 1896 года в городе Глухове Черниговской губернии (ныне Сумская область) в семье рабочего. В Святом Крещении его нарекли Захарией. Жизнь была очень трудной с самого детства. В возрасте трёх лет он лишился отца. Его воспитывала мать Феодосия, скончавшаяся, когда мальчику было 11 лет. После смерти матери Захария жил некоторое время у двоюродных братьев и сестер, старшая из которых — Параскева, уже тогда имевшая свою семью, заботилась о нём. Семья была бедной. Так Захарии с детства пришлось испытать и сиротство, и нужду. Но, как это часто бывает, Господь скорбями и лишениями приводит избранных к Себе. Очень внимательного ко всему и очень впечатлительного мальчика сверстники стали называть монахом, хотя, как потом вспоминал владыка Зиновий, он вроде бы не давал к тому повода. Но все чаще и чаще Захария заходил в монастырь, где ему давали различные поручения. В Глухове было несколько храмов, а в 20-ти верстах от города находились два монастыря: мужской — Глуховский Петропавловский и женский — Глуховский Успенский. Однако Божия Матерь (как потом оказалось, все основные жизненные события владыки Зиновия были связаны с праздниками Пресвятой Богородицы) привела его в обитель, устроенную в честь Ее Рождества — в Глинскую пустынь. Захария стал обучаться швейному ремеслу при монастырском Доме трудолюбия для крес-

тьянских детей, куда его определили родственники. Для Захарии это было величайшей радостью. Он уже неоднократно бывал в монастыре, был знаком с некоторыми насельниками, которые своей добротой, участливостью и попечением как бы привносили в жизнь сироты недостающую родительскую теплоту и ласку. Здесь же он закончил церковноприходское училище.

В 1912 году Захария был зачислен в Глинскую пустынь послушником. По уставу Глинской пустыни, в каком бы возрасте или какого бы образования ни был новоначальный, он должен пройти определенные ступени послушания: в гостинной (6 месяцев), в прачечной (1 или 2 года). Если послушник был истинно предан монастырской жизни, то из мойки брали уже на послушания, требовавшие специальных навыков: на кухню, в пекарню, в переплетную или в швейную мастерские — судя по дарованию послушника. А некоторых и отсылали домой.

Господь долго испытывал юношу. С Захарией произошло по слову Божию: *аще приступиши работати Господеву, уготови душу свою во искушение* (Сир. 2, 1). С самого начала пребывания в Глинской пустыни на него нахлынули испытания и искушения. Досрочно прошел он первые ступени, но у него долгое время ничего не получалось на «специальных» послушаниях: отовсюду его гнали, нигде он не мог прижиться. Юноша от всего сердца хотел служить Богу любым монашеским послушанием, но враг ополчал против него начальствующих, которые жаловались на него настоятелю. Его постоянно переводили с места на место. Несмотря ни на что, молодой послушник проявил огромную силу воли, терпел, стараясь не роптать, хотя сердце и обливалось слезами. Он молился Богу, прося у Него милости остаться в монастыре. Единственным человеком, от кого он получал поддержку и с кем мог поделиться, был старец схимонах Герасим, строгий, но справедливый наставник. Интересно и промыслительно был заключен их духовный союз. Строгость схимонаха Герасима была известна, поэтому юноша не удивился,

когда старец стал выгонять его из келлии, грозился побить палкой. Захария смиренно уверял, что старец может бить его, ругать, но он не уйдет до тех пор, пока тот не согласится стать его духовным наставником. Тогда схимонах Герасим сказал: «Теперь ты — мой духовный сын. Я со всеми так поступал, и все уходили от меня, а ты не ушел». С тех пор послушник Захария пребывал под его духовным руководством, учился продолжительной молитве, строгому воздержанию в словах, ограничению в пище.

Настоятель монастыря архимандрит Нектарий, провидя великую будущность и последующую миссию молодого послушника, терпеливо переводил его с одного послушания на другое. Захария с детства боялся лошадей и, когда его направили помощником к конюху, даже возроптал: мол, там, где он хоть что-то может, его гонят, а здесь-то он наверняка будет изгнан. Но сразу же он почувствовал любовь к лошадям, работа ему нравилась, и отношения со всеми постепенно нормализовались. Так, пройдя через многие испытания, молодой послушник терпением и любовью научился побеждать искушения.

В то время в Глинской пустыни жил юродивый монах (имя установить не удалось), который предсказывал будущее. Когда братия привели к нему Захарию, юродивый посмотрел на послушника и сказал: «Зачем вы привели ко мне эту лошадиную голову? Это большой человек. Я недостойн того, чтобы он посетил меня». Юродивый говорил притчами, и братия ничего не поняли, не понял ничего и послушник Захария. Но когда впоследствии, уже будучи архимандритом Зиновием, он был возведен в сан архиерея, то вспомнил предсказанное глинским юродивым.

В 1914 году началась Первая мировая война. Монастыри Российской империи оказывали помощь государству, как материальную, так и живой силой. В 1916 году послушник Захария Мажуга был призван на военную службу и вместе с другими молодыми иноками Глинской

пустыни направлен в действующую армию. Старец Герасим благословил его на дорогу, отечески наставил и обещал непрестанно молиться за него. На прощание он предсказал Захарии его возвращение в обитель и предупредил, что они видятся в этой жизни последний раз. Он всячески увещевал его не горевать, а молиться о нем и во всем полагаться на волю Божию.

Командующим фронтом, куда рядовым солдатом попал Захария, был дядя царя Николая II великий князь Михаил. Он хорошо знал солдатские нужды, старался облегчить тяготы походной жизни, все время был на виду и своим примером вдохновлял бойцов на ратные подвиги. Солдаты любили и уважали его. Захария в составе своего подразделения был переброшен в Белоруссию. Теснимые немцами, солдаты расположились в Пинских болотах и полгода удерживали позицию в невероятно трудных условиях. Там от постоянной сырости у Захарии заболели ноги, началась экзема, которая мучила его потом всю жизнь. Позже к этому добавился еще и тромбофлебит, вследствие чего открывались долго не заживающие трофические язвы на ногах, вызывая невероятную боль. Вылечиться от этой болезни практически невозможно, раны закрываются только на время, но потом снова открываются. По молитвам старца, Захария был определен в роту конвоиров и в военных операциях не участвовал.

После демобилизации Захария вновь вернулся в обитель. Настоятель монастыря архимандрит Нектарий, пригласив к себе в числе других и Захарию, сказал, что, вероятно, скоро всем придется оставить Глинскую пустынь и если кто из них желает, то может принять монашеское пострижение. На предложение архимандрита согласились все. В 1917 году, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, Захария принял монашеский постриг с именем Зиновий — в честь священномученика Зиновия, епископа Егейского (память 30 октября по ст. ст.). Постриг его пришелся на трудный период для Право-

славной Церкви, он тогда уже сознавал, что ему придется много претерпеть за веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Старец Герасим к тому времени, как и предсказывал, отошел ко Господу. Дальнейшее духовное возрастание молодого монаха проходило под руководством старцев — иеросхимонаха Николая и архимандрита Нектария, настоятеля обители.

В сорока километрах от монастыря, в Путивле, на реке Сейме, находились монастырские мельницы. По благословению архимандрита Нектария, монах Зиновий возил на мельницы зерно, а оттуда в обитель муку. В неспокойное время гражданской войны перевозка обозов с хлебом осуществлялась с большим риском. В округе были распространены грабежи и разбой. Обычно обоз состоял из пяти-шести повозок. Когда эти перевозки возглавлял монах Зиновий, обозы приходили невредимыми. Как вспоминал владыка Зиновий, только один раз за все время пришлось отдать мешок монастырского сахара, но весь обоз был доставлен неразграбленным. Игумен монастыря был доволен, что все обходилось без приключений. Монах Зиновий безропотно выполнял все, на что благословлял настоятель, добавляя к этому и свои молитвы к Господу и Его Пречистой Матери. Впоследствии владыка Зиновий не раз указывал на великую силу благословения в деле любого послушания. А тогда ему пришлось еще много потрудиться на пользу монастыря и братии. Он доставал продукты и соль. По благословению и молитвам настоятеля, поручения выполнялись всегда. Хотя, как он сам вспоминал, время было такое, что брат не щадил брата...

Однажды его вызвал настоятель к себе в келлию. Позвал своего келейника, который пришел с ножницами, расческой и бритвенным прибором. Монаха Зиновия посадили на стул, и келейник сбрил ему бороду и остриг волосы на голове. Как вспоминал владыка Зиновий, он ни слова не говорил и не спрашивал, смиренно сидел на стуле и ждал, что будет дальше. А дальше ему велели

идти в келлию и никуда не отлучаться. Монах Зиновий очень переживал, не мог найти себе места, не мог объяснить, чем вызваны такие меры по отношению к нему. Время тянулось медленно. Положившись на волю Божию, вечером, в назначенное время, он явился к настоятелю. Тот, ничего не говоря, снял с него подрясник и дал примерить костюм. Зиновий принялся надевать брюки и пиджак, а руки не слушались. Подумал, что, видимо, придется покинуть монастырь. Но за что? Почему ему ничего не говорят?

Потом отец Нектарий велел ему запрячь лошадей и подогнать повозку к настоятельскому корпусу. Когда монах Зиновий вернулся в келлию настоятеля, тот помолился и сказал, что, испытав его, поручает ему очень ответственное задание, которое только он может исполнить. Переодевание и изменение внешнего вида нужны для конспирации. Затем настоятель благословил Зиновия и попросил отвезти человека, вышедшего из соседней комнаты. Владея навыками кучера, проявив смекалку и сноровку, Зиновий исполнил и это поручение, хотя было нелегко: тогда по всей Украине хозяйничали различные банды и разбойничьи группы. Как выяснилось потом, он вез архиерея, который, прощаясь с ним, сказал: «Ты спас архиерея, следовательно, быть тебе архиереем». Пророческие слова эти сбылись спустя тридцать пять лет. Но до этого ему пришлось перенести еще много испытаний и трудностей, лишений, клеветы, наговоров, что развило в нем мудрость и мужество. Сила воли, настойчивость, вера и молитва помогли ему пройти этот путь без ропота.

В 1922 году Глинскую пустынь упразднили. Инок Зиновий унес с собой один из священных антиминов, на котором впоследствии совершали богослужения вне храма, под открытым небом. Молодой инок переехал на Кавказ, в Дарндовский Успенский монастырь близ Сухуми. Там он был рукоположен во иеродиакона, а 18 января 1925 года епископом Сухумским Никоном — во иеромонаха. Вскоре закрыли и этот монастырь. В 1927 году в

Сухумской епархии он стал настоятелем церкви во имя святого Георгия. С 1925 по 1930 год иеромонах Зиновий служил в Никольском храме города Сухуми, а когда и там служение стало невозможным, отец Зиновий решился на аскетический монашеский подвиг и с другими монахами ушел в горы Абхазии, основав там небольшой скит. Он пользовался высоким авторитетом среди окружающих, и многие обращались к нему за духовными наставлениями.

Подвижники жили своим трудом. Построили небольшие домики-келлии, занимались земледелием. Господь, по их молитвам, и на скалистой почве посылал хорошие урожаи, которых хватало, чтобы прокормиться. Хлеб они резали на куски, высушивали, сухари перетирали в крошку и таким образом хранили довольно долго. Поучительный случай произошел с насельниками пустыньки, о котором владыка Зиновий рассказывал своим духовным чадам в назидание. В одном из домиков жили два монаха. Однажды во время поста они нарвали травы, чтобы сварить похлебку. Но по неопытности набрали ядовитой белладонны. Поели, одному из них стало плохо, он вышел на улицу. В тот день прошел дождь, было скользко. Он подошел к обрыву, его тошнило. Поскользнувшись, инок упал с обрыва и разбился. На следующий день жившие рядом монахи нашли его тело и похоронили. Собрат погибшего дня четыре был без сознания, но потом пришел в себя. Во сне ему стал являться умерший. Не говоря ни слова, он становился в углу келлии, грустный и молящий о чем-то. Так продолжалось в течение нескольких дней. Окончательно измучившись и не зная, как объяснить это и что предпринять, инок рассказал обо всем другим монахам. Они усилили молитвы о погибшем. Но явления не прекращались.

По традиции, через 40 дней после кончины монахи служили панихиду по усопшему, а затем распределяли вещи почившего: каждый брал то, в чем испытывал нужду. Один из монахов взял подрясник. Но так как он не подходил по размеру и был порядочно изношен, то инок

принес его перелицевать отцу Зиновию (он, как мы помним, в юности обучался портняжному ремеслу и здесь, в пустыни, помогал братии). Отец Зиновий, распоров подрясник, обнаружил под подкладкой золотую монету царской чеканки, достоинством в 10 рублей. Об этом он рассказал всей братии. По общему согласию, решили послать отца Зиновия в Сухуми, чтобы продать эту монету. Часть вырученных денег он раздал нищим, остальные поделили между братией.

После этого умерший еще раз явился своему собрату-монаху. Его лицо выражало радостную облегченность. В знак благодарности он поклонился и больше уже не являлся. По уставу, монах не должен был что-то у себя хранить, все было общее, и потому спрятанная монета не давала ему покоя.

Местные власти, узнав о существовании пустыньки, разогнали ее насельников. Иеромонах Зиновий некоторое время жил в греческих селах близ Сухуми. Там он выучил греческий язык, так что мог свободно разговаривать по-гречески. Он бесплатно шил разную одежду, за что греки его очень любили и уважали.

Известен такой чудесный случай из жизни иеромонаха Зиновия в тот период. Как странник, он переходил из селения в селение, питаясь и ночуя у добродетельных и милостивых христиан. По мере возможности он благодарил их и отрабатывал свой хлеб и ночлег. Монастырские послушания научили иеромонаха Зиновия различным ремеслам и рукоделию. В одном из греческих селений в приютившей его благочестивой семье он задержался дольше обычного. Хозяин дома занимался охотой. Как-то он пришел домой и, обращаясь к отцу Зиновию, сказал, что будет проверка, а так как он не прописан, ему лучше на некоторое время спрятаться. Они договорились, что как только проверка закончится, хозяин пришлет за ним своего сынишку.

Отец Зиновий вышел из селения. Рядом был лес. Медленно продвигаясь вглубь, постоянно творя молитву, он

вдруг увидел настил из веток и листьев. Расположился, развел небольшой костер и стал молиться. Это было в ночь на 22 мая, в канун праздника в честь перенесения мощей Святителя и Чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар. В этот же день отмечается память грузинского подвижника преподобного Шио Мгвимского (VI в.). Вдруг отец Зиновий услышал шелест раздвигающихся кустов и хруст сухих веток: кто-то пробирался к месту его нахождения. Отец Зиновий подбросил в костер побольше хвороста, пламя увеличилось. Тогда шаги стихли, но спустя некоторое время раздался медвежий рев. Тут отец Зиновий понял, что он занял медвежью берлогу. Страх объял его, он стал бросать в костер сучья, стучать палкой и одновременно молитвенно призывать Бога на помощь.

Очнулся отец Зиновий от того, что сын хозяина-охотника будил его. Было уже утро. Мальчик принес ему для подкрепления молоко и сказал, что можно возвращаться. Отец Зиновий поднялся, осмотрелся кругом. Костер уже совсем остыл, в нескольких шагах от его «постели» кусты были примяты. Когда он рассказал о происшедшем, хозяин дома посмеялся и решил, что все это ему от страха показалось и привиделось. В тех местах действительно водятся гималайские медведи, очень красивые, с белым галстуком на груди, но очень злые и кровожадные. Хозяин добавил: медведь никогда не уйдет от своей берлоги, пойдет напролом на обидчика, занявшего берлогу, даже если это будет стоить ему жизни. Чтобы разубедить отца Зиновия, он предложил после завтрака прогуляться к тому месту и посмотреть на все при свете дня.

Как охотник хозяин хорошо знал повадки животных. Когда пришли к указанному месту, то увидели, что это действительно была медвежья берлога. Вокруг — свежесломанные кусты, следы медвежьих лап. Убедившись в достоверности рассказа, охотник сказал: «Да, отец Зиновий, это тебя спас Святитель Николай, только через его предстательство и защиту ты остался жив. За всю мою

охотничью практику это единственный случай, когда медведь ушел от своей берлоги, не наказав обидчика».

В горах так и не дали спокойно жить и молиться, и иеромонах Зиновий переехал в Ростов-на-Дону, где, по благословению правящего епископа Феофила, служил в Софийском храме. В 1936 году его арестовали и, не предъявляя никакого обвинения, семь месяцев продержали в ростовском распределителе.

Однажды отец Зиновий спросил у следователя, в чем же состоит его вина, какое обвинение ему предъявляют. Следователь молча показал на расу. В следственном изоляторе отец Зиновий заболел малярией. Когда лежал в лазарете, то один молодой доктор, проявил участие в его судьбе. Он два раза созывал консилиум врачей. Те приходили осматривать больного, между собой о чем-то беседовали. Молодой врач им что-то объяснял. Когда отец Зиновий спрашивал, в чем дело, то он ласково успокаивал. Как потом выяснилось, тот доказал своим коллегам, что отца Зиновия из-за малярии нельзя отправлять в Среднюю Азию, это приведет к неминуемой смерти.

Четырнадцать священнослужителей из этого распределителя отправили в Ташкент, а отца Зиновия — на Урал. Он очень скорбел и просил, чтобы его не отделяли от других, отправили вместе со всеми. Некоторое время он был на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Там он получил весточку от диакона, отца Гавриила, который сообщил о смерти прибывших в Ташкент священнослужителей. Потом и от него не стало никаких вестей.

Очень трудной была дорога до места заключения. Ехали до Перми. Кормили селедкой. Наконец упросили конвоиров, чтобы разрешили принести воды. За ней отправили молодого человека из этапированных. Поезд тронулся, а он не вернулся. Вагоны закрыли на замок. Сильно мучила жажда, в переполненных вагонах было нестерпимо душно, но никто не обращал внимания на просьбы и жалобы. Отец Зиновий молился за всех, и

Господь послал им утешение: пошел дождь. У отца Зиновия оказалась деревянная ложка, с помощью которой, через маленькое окошко, утолили жажду все находящиеся в вагоне. На следующем перевалочном пункте привезли пропавшего юношу. Оказалось, что он отстал от поезда и сам, придя в отделение НКВД, просил, чтобы ему помогли догнать ушедший эшелон. С возвращением юноши начальник этапа сделал некоторое послабление, разрешил открывать двери во время движения.

Когда прибыли к месту назначения, отец Зиновий со своим другом из Ростова раздали ссыльным все свои съестные припасы. Это вызвало уважение к ним со стороны ссыльных. Иеромонаха Зиновия все называли «отцом». Свое пастырское служение он продолжал исполнять и в заключении. Службы совершал на память, книг не было, исполнял требы: многих исповедовал, отпевал умерших. Наравне со всеми он также выполнял разную работу.

Любопытный случай произошел с отцом Зиновием на Урале. Однажды, после очередного рабочего дня, зимой, когда на улице было ниже сорока градусов мороза, заключенные возвращались в бараки. Отец Зиновий был невысокого роста и, как правило, в колонне шел последним. И вдруг видит на снегу, рядом с дорогой, кисть свежего винограда. Это было невероятно, просто чудо какое-то! Когда пришли в лагерь, он раздал виноград по ягодке всей бригаде, что морально приободрило людей.

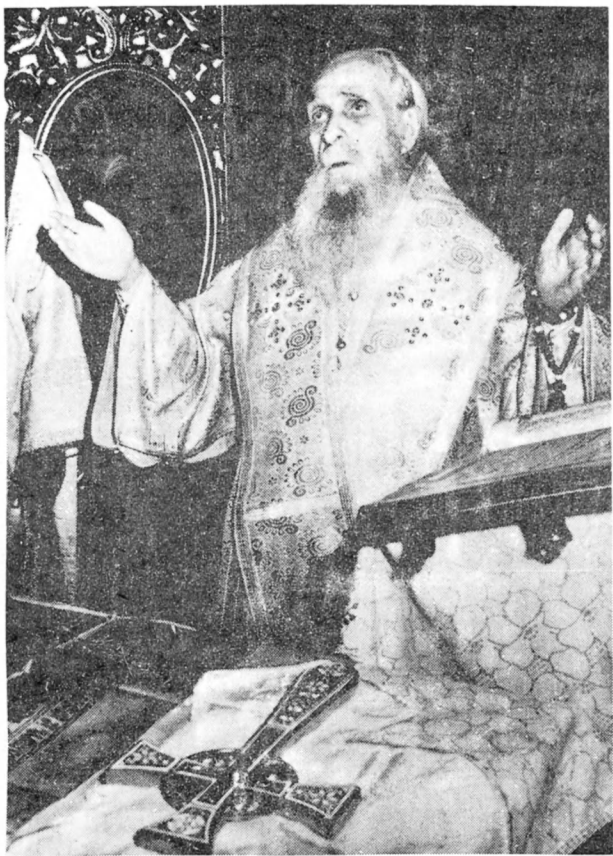
Отец Зиновий пробыл в заключении четыре года и восемь месяцев. Освободили его раньше на четыре месяца и реабилитировали. Он приехал в Сухуми, но ему там не удалось прописаться. Отправился в Тбилиси, где познакомился с Грузинским Патриархом Каллистратом. Документов, подтверждающих священнический сан, у отца Зиновия не было, но ему помог архиепископ Павлин (Крошечкин), который в связи с запросом Патриарха Каллистрата подтвердил действительность иеромонашеского сана.

С 1942 по 1945 год отец Зиновий служил в Тбилисском Сионском Успенском патриаршем соборе и в Ольгинском

монастыре во Мцхете, где он был духовником. С 1945 по 1947 год отец Зиновий — настоятель Никольского храма в селе Кирово Степанаванского района Армении. Служение отца Зиновия привлекло многих, бедный приход ожил, люди потянулись в храм. Был такой случай, свидетельствующий о силе его молитвы. Однажды, при выходе из храма, к нему подбежала женщина, видимо, занимающаяся колдовством, и закричала: «Что ты за человек? На тебя ничего не действует, что бы я ни делала».

С 1947 по 1950 год отец Зиновий был настоятелем Свято-Духовской кладбищенской церкви в Батуми. При нем храм был полностью реставрирован и пополнен многими иконами. После восстановления молитвенного общения между Русской и Грузинской Поместными Церквями отец Зиновий был поставлен Святейшим Патриархом Каллистратом благочинным русских приходов в Грузии и Армении, переданных в юрисдикцию Грузинского Патриархата (с 30 ноября 1955 года). Святейший Патриарх Каллистрат любил отца Зиновия, как родного сына. В дни своей тяжелой болезни он испытал силу молитв отца Зиновия и духовно сблизился с ним. Перед кончиной Патриарх Каллистрат завещал своему преемнику — Святейшему Католикосу-Патриарху Мелхиседеку хиротонисать отца Зиновия во епископа. К отцу Зиновию с большой любовью и уважением относились и Святейшие Патриархи Московские и всея Руси Сергей и Алексей. Отец Зиновий всем своим служением старался приводить людей к Церкви Христовой, внушал, что не национальная принадлежность, а вера в Господа Иисуса Христа, исполнение Его заповедей, добрые дела и милосердие приводят к спасению.

С 1950 года и до своей кончины отец Зиновий оставался настоятелем Александро-Невского храма в Тбилиси. За многолетнюю пастырскую деятельность он был награжден многими церковными наградами. В 1943 году Патриарх Московский и всея Руси Сергей удостоил иеромонаха Зиновия права ношения наперсного креста. В

Владыка Зиновий за Божественной литургией

1945 году отец Зиновий находился в Москве в составе делегации Грузинской Церкви, прибывшей на интронизацию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, и был тогда же возведен в сан игумена. В 1949 году награжден палицей, в 1950 году возведен в сан архимандрита. 11 июня 1952 года назначен членом Священного Синода Грузинской Церкви. В 1953 году удостоен права ношения второго креста с украшениями, в 1954 году награжден архимандритским жезлом.

29 декабря 1956 года, по указу Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всей Грузии Мелхиседека III, было совершено наречение архимандрита Зиновия во епископа. Епископская хиротония совершилась 30 декабря, в Неделю святых праотец, — в День Ангела Католикоса-Патриарха Мелхиседека. Так водительством Матери Божией старец Зиновий, русский по происхождению, стал епископом Грузинской Православной Церкви. Владыка Зиновий сердечно любил святую Иверию — земной удел Матери Божией. Он духовно сроднился с этой страной, знал ее церковную историю, свято чтит святых Грузинской Церкви и любил всех ее чад. Однако он хранил духовные связи и с воспитавшей его Глинской пустынью. А братия этой обители всегда находили приют, утешение и духовное окормление у владыки Зиновия. В октябре 1958 года он специально посетил Глинскую пустынь, чтобы совершить отпевание настоятеля обители архимандрита Серафима (Амелина; +18 октября 1958). Благоговейную память о глинских старцах-подвижниках владыка Зиновий пронес до конца своих дней. Он любил Глинскую пустынь и знал ее историю. Всегдашним напоминанием о Глинской обители для него была монастырская икона Рождества Пресвятой Богородицы (копия чудотворной иконы), которую он любил и хранил как величайшую святыню.

6 марта 1957 года епископ Зиновий был назначен вторым викарием Святейшего Патриарха с титулом «епископ Степанаванский». При Святейшем Католикосе-Пат-

риархе Ефреме, с 1960 года, назначен епископом в Тетри-Цкаро (Белый Ключ), небольшом городе близ Тбилиси с храмом во имя Святителя и Чудотворца Николая. 17 ноября 1958 года награжден правом ношения креста на клобуке, в 1972 году возведен в сан митрополита.

Высокопреосвященный Зиновий был награжден орденами Грузинской Православной Церкви — равноапостольной Нины I и II степени, орденами Русской Православной Церкви — равноапостольного великого князя Владимира I и II степени, правом ношения двух панагий, орденом Александрийской Церкви — Апостола Марка II степени и орденом Чехословацкой Православной Церкви — равноапостольных Кирилла и Мефодия II степени.

На протяжении многих десятилетий Высокопреосвященный Зиновий был живым связующим звеном между Русской и Грузинской Православными Церквями-сестрами и во многом содействовал расширению и укреплению духовных связей между ними.

Митрополит Зиновий был необычайно сердечен, радушен и гостеприимен, ему хотелось всех духовно утешить. Окружавшие относились к нему с большим уважением, благодарностью, удивлялись сочетанию в нем величия иерарха и смирения монаха. Многие хранят в памяти примеры его прозорливости. Так, Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II рассказывал, что владыка Зиновий, постригая его в монашество, предсказал ему дальнейшее патриаршее служение.

Обычно владыка Зиновий говорил очень мало и только по конкретному поводу. Его беседы, преисполненные истинного смирения и в то же время пронизанные твердой уверенностью, согревали сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению. К нему могут быть отнесены слова Христа Спасителя: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5, 19). Старец никогда не перебивал го-

ворившего и не спорил с ним, а смиренно выслушивал. Затем, как бы пуская разговор в дальнейшее русло, он высказывал правильную мысль. Его собеседник сам осознавал свою неправоту или заблуждение и делал для себя полезные выводы. Он любил людей, и каждый, даже немного поговоривший с ним, чувствовал, какая благодать исходит от этого человека.

Врач-хирург Г.А. Гзиришвили рассказывал: «В жизни каждого бывают незабываемые дни, которые остаются в памяти навсегда. Это когда встречаешься с человеком, который своим присутствием производит огромное влияние на твое сознание, заставляет тебя задуматься, открыть глаза и иначе воспринять этот мир. Вот именно такое произошло со мной, когда я впервые познакомился с Высокопреосвященнейшим митрополитом Зиновием. Я изменился, иначе стал воспринимать жизнь, относиться к богатству, бедности, к людям и даже к больным. Если мой отец научил меня хирургии, то владыке Зиновию я обязан пониманием человеческой души, страданий, переживаний больного. Если я стал хорошим врачом, то в этом большая заслуга Владыки...»

Человек степенный, он все делал без поспешности. Любил храм и ежедневно приходил на службу, вынимал частицы за всех, кого знал и о ком просили помолиться. Окружавших его священников, монахов, монахинь, мирян называл своей семьей. За стол один никогда не садился. Любил вспоминать о жизни в Глинской пустыни. Близкие Владыке люди знали, что он имел дар непрестанной молитвы и духовного прозрения. Как муж богосмудрый и украшенный многими добродетелями и духовными дарованиями он пользовался любовью Первосвященителей и иерархов Грузинской и Русской Церквей, клира и мирян. Обращавшимся за духовной поддержкой он давал не просто совет, а открывал волю Божию как человек проникательный, имеющий большой духовный опыт. Его духовный друг, глинский схиархимандрит Андроник, однажды сказал: «Владыка Зиновий прошел через всю жизнь и, как алмаз, не имеет ни единого пятна».

*Митрополит Зиновий и архимандрит Кирилл, духовник
Троице-Сергиевой Лавры, возле келлии Владыки*

Ближайшими сподвижниками митрополита Зиновия были известные своей высокой духовностью глинские старцы — схиархимандрит Андроник (Лукаш; +1974) и схиархимандрит Серафим (Романцов; +1976). Схиархимандрит Андроник с 1961 года и до самой кончины жил в Тбилиси и находился под непосредственным попечением владыки Зиновия. После кончины отца Андроника митрополит Зиновий часто посещал его могилу на Грмагельском городском кладбище и приготовил место для своего погребения рядом с ним. (По решению Священного Синода Грузинской Православной Церкви, митрополита Зиновия погребли потом в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского).

Кстати, стоит отметить, что старцы Глинской пустыни всегда поддерживали связь с обителью Преподобного Сергия, благословляя обращаться (особенно после закрытия пустыни в 1961 году) к духовнику Лавры отцу Кириллу. Когда отец Серафим (Романцов) бывал в Москве, то старался встретиться с отцом Кириллом. И владыка Зиновий при посещении столицы и Лавры считал своим долгом повидаться с отцом Кириллом. В свою очередь отец Кирилл приезжал на Кавказ, бывал у владыки Зиновия. Моменты их встреч, бесед запечатлены на многочисленных фотоснимках, хранившихся и у владыки Зиновия, и у отца Кирилла, часть из которых воспроизведены в этой книге.

Все тридцать пять лет своего служения в Тбилиси митрополит Зиновий жил в небольшом домике близ Александро-Невского храма. Впервые приходивших сюда поражали скромность и простота «митрополичьих покоев». Одна комната-келлия, в которой помещались только письменный стол, кресло, кровать и два маленьких шкафчика для книг, служила ему и кабинетом и спальней. Келлию украшали многочисленные портреты Предстоятелей и иерархов Русской и Грузинской Церквей, а также фотографии глинских старцев. У дивных, намоленных икон всегда теплились лампы. Кто заходил в

келлию владыки Зиновия, не мог не почувствовать здесь особой благодатной атмосферы. Митрополит Зиновий так любил Александро-Невский храм, что не хотел отлучаться даже на короткое время. Когда Святейший Католикос-Патриарх Давид V предложил Высокопреосвященному Зиновию устроить новую резиденцию и обещал, что его всегда будут привозить в храм, когда он только пожелает, то старец, поблагодарив Предстоятеля, с присущим ему смирением отказался. Заботами и архипастырским попечением митрополита Зиновия Александро-Невская церковь в Тбилиси превратилась в благолепно украшенный собор. Владыка особенно много заботился о храме в последние годы. По его благословению здесь были проведены большие реставрационные работы, построен новый дом в церковной ограде для хозяйственных нужд и приемов гостей.

Каждый день, утром и вечером, владыка Зиновий старался приходить на богослужение. В праздничные дни он служил сам или выходил на молебен. Только нездоровье было причиной отсутствия Владыки в храме. Но если у него были силы встать с постели, то он обязательно был с молящимися. В тех случаях, когда старец не мог по болезни прийти в храм, в келлии он прочитывал не только монашеское правило, но и все церковные службы суточного круга. Все это он выполнял самостоятельно, не прибегая к помощи келейников и священнослужителей, причем многое читалось наизусть. К тому же старец-святитель Зиновий был делателем непрестанной Иисусовой молитвы, о чем свидетельствуют и его поведение во время бесед и повседневных забот, и его исполненные опыта советы относительно прохождения подвига Иисусовой молитвы.

Сам он молился и советовал своим духовным чадам по четкам дополнительно к Иисусовой молитве читать правило ко Пресвятой Богородице: молитвы «Пресвятая Богородице, спаси нас» и «Богородице Дево, радуйся...» На вопрос одного из духовных чад, какие еще молитвы к

Божией Матери он мог бы рекомендовать, ответил, что последняя молитва включает и объемлет в себе все: «Вот вдумайтесь, — он произнес еще раз эту молитву медленно, — «Богородице Дево, радуйся...»

Частые молитвенные воздыхания и скорбные взоры к келейным иконам Божией Матери: Целительнице и Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинской — свидетельствуют о том, как старец-святитель всей душой, всем существом предстательствовал перед Богом за своих чад и молил Его подать им *вся блага* к спасению. Непрестанное молитвенное бдение и регулярное, каждую неделю, а если большие праздники попадали среди недель, то еще более частое, причащение Святых Таин Христовых, а также сердечная чистота давали молитвам старца-святителя особое дерзновение и силу, о чем и свидетельствуют многочисленные примеры из воспоминаний его духовных чад.

За свою веру и ревность по Боге владыка Зиновий был удостоен несказанной благодати Божией: его посетила в кельи Сама Владычица наша Богородица, Которая, как уже упоминалось, всячески покровительствовала ему. Об этом свидетельствуют воспоминания духовных чад владыки Зиновия. Игумен Феофилакт (Моисеев) передал рассказ Владыки о другом необычном случае, происшедшем в 50-х годах. Грузию посетил Предстоятель Александрийской Церкви. После литургии в одном из тбилисских храмов делегации выстроились для взаимных приветствий. В числе других был и старец Зиновий, тогда архимандрит. Внезапно он подошел к Предстоятелю Александрийской Церкви и попросил его уступить ему место. Это чрезвычайно всех удивило, но, учитывая обстановку, не стали выяснять причину странного поведения старца и подчинились его требованию. Владыка Зиновий говорил, что находился тогда в каком-то необъяснимом состоянии, понимал, что нарушает всякие приличия, но под воздействием некой внутренней силы не мог препятствовать своим же действиям. Прошло немного вре-

мени после того, как настойчивому архимандриту уступили место. Вдруг из верхних рядов иконостаса выпала икона и попала точно в голову отца Зиновия. Удар был очень сильным, и клобук на пострадавшем был весь разорван. Сам старец Зиновий отделался легким обмороком и испугом, без каких-либо осложнений. Очевидцами этого события были многочисленные люди, присутствовавшие в храме. Возмущение и недовольство гостей архимандритом сменились искренним удивлением и признательностью, ибо все понимали, что благодаря ему удалось избежать больших неприятностей. Никто из церковных людей не сомневался в чудесности происшедшего. Сам владыка Зиновий говорил, что Промысл Божий и Ангел-Хранитель через него обезопасили жизнь главы Александрийской Церкви.

Когда митрополит Зиновий читал Евангелие, произносил возгласы или поздравлял молящихся с праздником, то все старались услышать каждое слово своего любимого архипастыря. Если же Владыка был сильно болен и не выходил из дома, то верующие приходили за благословением к окошку его келлии. Особым праздником для духовных чад митрополита Зиновия был день его тезоименитства, 12 ноября, когда Церковь совершает память священномученика Зиновия, епископа Егейского. Многие священнослужители, иночествующие и благочестивые миряне приезжали, чтобы поздравить Владыку с Днем Ангела.

Испытания, скорби и болезни владыка Зиновий всегда принимал как от руки Божией. И словом своим, и примером он и других учил во всем видеть всеблагой Промысл Божий. Вспоминая о горестных обстоятельствах своей жизни, он с озаренным лицом говорил, что никогда не скорбел, но радовался испытаниям, непрестанно молился, благодарил свою Небесную Покровительницу за все Ее милости, особенно же за то, что Матерь Божия сподобила его проходить церковное служение в Иверии — земном Ее жребии.

Митрополит Зиновий был человеком высокой культуры. Он много читал, особенно любил книги, посвященные церковной истории, архитектуре и иконописи.

На примере владыки Зиновия — попечителя о душе народной, корня, на котором произросли многие плодотворные ветви, видно, каково должно быть отношение между пастырем и паствой. Первое, что обращает на себя внимание, — это его глубокое смиренное сознание, что он — ничто, а через него действует благодать Божия, изобильно подаваемая ему по вере приходящих и обращающихся за духовными советами и наставлениями. Так, одному духовному сыну он говорил: «Вы и сами знаете, что я из низких людей и незаслуживающий о Господе внимания, хотя с моей стороны, ради заповеди Божией, обязан требующим, по вере их, советовать в случающихся с ними затруднениях, по свидетельству святых отец». Владыка часто повторял «по вере вашей — будет вам», так как это необходимое условие в деле всякого благопоспешения. Старец-святитель очень верно поступал, приводя людей именно к Богу, а не к себе, сам же в этом духовном возрастании и соединении человека с Богом оставался как бы в стороне. Если же у кого-то возникала чрезмерная, отнюдь не духовная, привязанность к нему, то старец обличал и учил не надеяться *на князи, на сыны человеческие*, а искать помощи у Воскрешающего и мертвых душой.

Старец никому насильно не навязывал строгого исполнения уставных правил или дополнительного молитвенного подвига. Он даже не требовал этого от своих келейников. Сам же неукоснительно выполнял все, не давая себе никогда ни малейшего послабления, единственно только просил, чтобы в это время ему не мешали и не перебивали. В час или два часа ночи он в полной тишине приступал к молитвенному деланию. Если в это время просыпался келейник и просил его лечь, он говорил: «Иди спать, не отвлекай, мне еще много надо успеть сделать».

О силе молитвенного ходатайства перед Богом владыки Зиновия за других людей свидетельствует такая житейская история. Лейтенант М. решил взять брошенную, в общем-то никому не нужную избенку и использовать ее на своем дачном участке. Владыка Зиновий не благословил на этот шаг, сказал, что брать не стоит, а по-возможности, со временем он постарается помочь ему купить нужный материал. Тот не послушался, соблазнился. Но когда вывозил битый кирпич, нагрянул караул и вышел большой скандал. Начальство обвиняло лейтенанта в хищении, дело грозило неприятными последствиями.

М., сильно переживая случившееся, снова пришел к Владыке, раскаялся во всем. Владыка Зиновий ни одним словом не упрекнул ослушника и начал о нем молиться. И сразу же всякие разговоры прекратились. Начальство как будто совсем забыло о происшествии. Пригнали технику и бывшую как бы укором кучу щебня утрамбовали в землю. А офицер успешно продолжал служить. По молитвам владыки Зиновия почти криминальный случай не отразился на его карьере.

Что характерно, от Владыки никто не слышал никаких упреков. В качестве назидания он зачастую рассказывал случаи из своей собственной жизни, подходящие к разговору. Но при этом человек, пришедший с вопросами, раскаянием или недоумением, видел в этом повествовании самого себя и нащупывал пути к разрешению своих проблем. Владыка говорил так, что его собеседник исподволь понимал свою неправоту, а все услышанное звучало для него не обидно.

Один священник рассказывал, какое было ему искушение. Как только он становился на молитву, являлась страшная, безобразная голова, наводившая на него ужас. Дело дошло до того, что он не в состоянии был оставаться один и не видел уже выхода из создавшегося положения. Вот тогда ему и посоветовали обратиться к владыке Зиновию. Он очень доброжелательно выслушал священника и сказал, чтобы шел он спокойно домой, пообещав

в этот же вечер начать за него молиться. С тех пор ничего подобного не повторялось.

Если же кто обращался к старцу, то он, с мыслью о духовной пользе приходящих, строго требовал исполнения своих благословений и советов, и его отеческая снисходительность к немощам своих духовных детей растворялась благоразумной рассудительностью. В таких случаях он говорил: «Если спрашивать меня, так и слушать, а если не слушать, так и незачем приходить ко мне за благословением». В некоторых случаях старец проявлял строгость. Будучи духовником Ольгинского монастыря, он как-то не допустил до причащения Святых Таин его настоятельницу, игумению Ангелину, которая позволяла себе грубые выпады в адрес священнослужителей. Такое запрещение произвело благотворное действие, конечно, и по усердной молитве старца, так что через некоторое время настоятельница изменила свой нрав. Правда, прошло более года, и на долю отца Зиновия пришлось много переживаний и оскорблений. Как-то, не разобравшись, донесли Святейшему Патриарху Алексию, что мол отец Зиновий хочет закрыть русскую обитель. Патриарх, поверив наговору, долгое время не поддерживал братского молитвенного общения с отцом Зиновием. Но потом, правда, принес свои извинения и в знак братской любви передал в храм Александра Невского престол чудной чеканной работы, изготовленный из серебра с позолотой.

В другом случае один из келейников взял благословение на поездку в Батуми, а сам уехал в Ленинград. Владыка Зиновий, узнав об обмане, отказался в дальнейшем пускать его к себе в келлию. Тут стоит добавить, что этот келейник в Ленинграде пострадал: ему пробили голову, и он потом месяц лежал в больнице.

Чему же учил и что проповедовал с такой строгостью старец-святитель, большая часть пастырской деятельности которого после закрытия Глинской пустыни протекала на приходе? Старец-святитель учил «от святых

Старец-митрополит Зиновий

отец». Следуя заповеди Апостола: *настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. 4, 2). Владыка Зиновий учил, как понимать евангельское учение, как его исполнять и как врачевать им душевные немощи; учил и собственным примером, что больше всего влияет на сердце человека и убеждает его. Таким образом, для всех, обращавшихся за духовным советом и наставлением, он был как бы живой книгой. Основными принципами духовного окормления были усердная молитва, духовное рассуждение и долготерпение. Вся жизнь старца, все его действия, слова, советы удивительно подтверждают то, что он смело мог бы сказать вместе с Апостолом: *для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9, 22). Для одних он был как любящая мать, для других — как строгий отец, к одним был снисходителен, к другим же — строг, как неподкупный судья, исполняя наставление брата Господня: *... к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте* (Иуд. 1, 22-23). Он знал, с кем как поступать.

Старец-святитель терпеливо выслушивал человека, стараясь войти во все его скорби, нужды, и тогда уже говорил и советовал что-нибудь, руководствуясь Священным Писанием, Правилами Соборов, святых отцов, их богомудрыми писаниями, старческими наставлениями, которые он воспринял от старцев в Глинской пустыни. Он призывал к терпению, молитве, упованию на благую волю Божию и во всех скорбях и искушениях учил видеть Промысл Божий. В такой душеполезной беседе посетитель получал и утешение, и вразумление, и наставление. О том, что касалось общих назиданий на примерах его личной жизни или некоторых поучительных случаев из жизни кого-либо, об этом старец говорил в присутствии всех, пришедших к нему. А если что-либо касалось исповеди и личных вопросов каждого, то он принимал наедине.

Рассудительность старца-святителя Зиновия проявлялась не только в том, что он точно мог сказать, угодно

ли какое дело Богу, есть ли на что-то воля Божия, но и в том, что он мог ясно отличить Дух Божий от духа лстива. Примером тому может служить то, как старец сразу же видел и обличал состояние прелести в священноиноках и разъяснял им тонкое вражье действие во время молитвы.

Зная порядок духовной жизни не только по книгам, но и из собственного опыта, старец-святитель Зиновий учил своих чад и азам духовного делания — младенцев в нем, и совершенным добродетелям — преуспевающих. Первым преподавались уроки отсечения своей воли, терпения, самоукорения, послушания, что давало возможность приобрести смирение — хранилище всех добродетелей. Последним же, то есть преуспевающим в духовном делании, старец-святитель давал советы, как принимать откровение помыслов от приходящих, как утешать и ободрять их, самим же при этом крепко держаться смирения, вменяя себя ни во что.

Поскольку молитвенное делание является критерием или барометром духовной жизни человека, то на него старец-митрополит стремился направить внимание и усердие духовных чад, давая им наставления и для словесной, и для умной молитвы. Благодаря такой заботе, обращающиеся к старцу в совершенстве исполняли церковные службы и требы, благополучно миновали опасности, встречающиеся на пути тех, кто идет к вершинам умно-сердечной молитвы.

Признавая внешние подвиги, старец предостерегал от упования только на них и всех призывал и учил держаться благоразумной умеренности и рассудительности. Так, он не благословлял на некоторые чрезмерные подвиги особенно ревностных монахов, предупреждая, что они не совместимы с условиями приходской жизни в миру.

Не только духовная жизнь пасомых, но и их семейный и бытовой уклад не оставались без внимания и совета старца. Ему хорошо была знакома жизнь и простого народа, и богатых, и интеллигенции, и военных.

Такое ревностное попечение о пастве не замедлило дать плоды, которые проявились в любви и духовном

общении объединявшихся вокруг него, а также и клириков храма Александра Невского. Все священнослужители, певчие, рабочие храма составляли одну духовную семью. Мир и большая любовь царили в ней. Все отличались глубоким смирением, уступая друг другу, испрашивая прощение при малейшем оскорблении собрата. Тех, кто проходил практику при храме, новых рабочих и певчих наставляли не столько словом, сколько примером собственной жизни. Безусловно, видя такую высокодуховную жизнь прихода, все, кто приезжал или приходил в Александро-Невский храм, старались изменить свою жизнь, сохранить и взрастить те семена, которые посеял в их сердце добрый пастырь — митрополит Зиновий. Братская любовь, взаимная благорасположенность тех, кто помогал ему, кто окружал его и вообще всех его духовных чад были лучшей наградой для Владыки. И, напротив, ничто так не огорчало благодостного старца, ни о чем он так не печалился и не скорбел, как о несогласиях или вражде между людьми.

Надо еще сказать о полной нестяжательности старца. Ни подаренные вещи, ни деньги долго не задерживались у него. Обычно в течение того же дня он передавал полученное нуждающимся, соразмеряя, кому что нужней, и сам уже никогда не вспоминал об этом, все делал по заповеди Господней: *... когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3).

Несмотря на общение с огромным количеством пасомых, старец-святитель не получал вреда от каждодневных многочасовых бесед с ними и всегда пребывал невозмутимым, как бы неприступным для мирского духа. При искреннем расположении ко всем ближним, старец, однако, ни к кому не прилеплялся особенной любовью. Знакомым и незнакомым, родным и неродным — всем у него был одинаковый почет. Даже к своим внучатым племянникам, приезжавших к нему, старец относился наравне с другими странниками, тем самым показывая, что мона-

ху положено равно любить всех людей. И если своим домашним, ученикам, секретарю и келейникам старец говорил и объяснял больше, чем другим, то только потому, что они могли то вместить. Да ведь и Сам Господь к народу говорил притчами, а ученикам наедине изъяснял все (Мк. 4, 34).

Запомнилась еще одна характерная черта в отношении старца к духовным чадам — это его колоссальное терпение. Можно сказать, сутками он был на людях, выслушивая их скорби, нужды, беды, искушения и т. д., однако и тени гнева, раздражения или неприязни не было на его лице. Старец терпел при себе и тех, кого все гнали.

Хочется еще отметить и то, что старец Зиновий ничего не говорил и не делал *страха ради иудейска*. Всегда имея в виду лишь славу Божию и пользу ближних и вверяя спасение всех Отцу Небесному, Владыка был чужд всяких человеческих опасений. Все мелкие предосторожности он оставил, полагаясь на Господа своего Иисуса Христа, Матерь Божию и святого Ангела-Хранителя. Их незримому водительству вверял он и себя, и своих посетителей и, как скала посреди обуревающих ее волн, оставался непоколебим при нападении врагов, видимых и невидимых. При всей внешней легкости жизни владыке Зиновию приходилось терпеть многое: скорби и неурядицы среди окружающих, и непонимание многих, и смущение, рожденное нелепыми выдумками, и постоянные болезни, не поддающиеся лечению. Поэтому многие удивлялись его благодущию и терпению, которые воспринимались зачастую как само собой разумеющееся.

Как любящий отец, старец Зиновий позаботился и о будущем своих духовных детей. Он воспитал преемников, передал им своих подопечных: некоторых при жизни — «из полы в полу», а других после смерти.

Хотелось бы коснуться и «обратной связи», то есть отношения к старцу. Прежде всего надо отметить детскую веру к нему и к его словам, которая порой удивляла

и самого старца, и, конечно же, по такой вере приходившие получали огромную духовную пользу. Доверие к старцу проявлялось в том, что никто не скрывал своих душевных тайн или греховных дел, а если кто-то лукавил, то тут же наказывался. Другим проявлением той же безграничной веры к своему пастырю было неукоснительное стремление духовных чад к отсечению своей воли: они старались делать все только по совету и наставлению старца. При этом они всячески избегали прекословия или спора с ним, ибо знали, что за это будут строго наказаны старцем: впредь он откажется их принимать, — а также и Самим Господом, не терпящим, когда люди попирают слова священника, тем более избранника благодати Божией. Люди прилеплялись к нему всей душой, всем своим разумом и, как жаждущие олени бегут к источнику, так и они устремлялись к келлии старца, чтобы из его медоточивых уст получить целебный духовный бальзам для исцеления своих душевных недугов. Трудно во всей полноте описать тонкости духовного общения между пастырем и паствой, которые ведомы подчас только самому пастырю и Богу. Лишь по малым штрихам можно судить, какой тяжелый труд лежит на плечах пастыря, какую боль приходится ему нести. Таким истинным пастырем и был старец-святитель Зиновий, и он мог дерзновенно сказать своим пасомым: *«Вы — дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!»* (Гал. 4, 19) Велико число иноков и мирян, которые его отеческим попечением обрели верный путь к спасению души и всегда с благодарностью благословляют память старца-наставника. Молитвами владыки Зиновия, его трудами и наставлениями духовно расцвела Ольгинская женская обитель в городе Мцхета. В этом монастыре и при жизни митрополита Зиновия, и после его кончины настоятельницами были его ученицы. Он помогал, по мере сил, всем существовавшим тогда на территории Грузии монастырям и некоторым обителям в России и за ее пределами. Русские православные общины

в Грузинской Церкви обязаны старцу-митрополиту Зиновию не только внешним благоустройством храмов, но более всего духовным окормлением. Владыка Зиновий ходатайствовал и, получив разрешение от Предстоятелей Грузинской Церкви, рукоположил в священный сан многих своих духовных воспитанников, которые несут послушание на разных приходах Грузинского Патриархата. Есть и такие, которые трудятся в лоне Русской Православной Церкви. Его старческому окормлению обязаны многие члены двух Поместных Церквей — Грузинской и Русской. Он как бы продлил до настоящего времени преемственность старчества, ведущего свое начало от святого Паисия (Величковского), продолжившегося через игумена Филарета (Данилевского) в Глинской пустыни и через живое преемство ее старцев дошедшего до наших дней. Он был одним из наиболее ярких носителей духовной благодати, изобильно изливающий ее на страждущие и иссохшие сердца грузинского и русского народов в XX столетии. Даже беглый взгляд на его учеников показывает, как много общего с ним имеют его продолжатели — он насадил, а они поливают, растит же все Бог.

В последние годы Владыка реже совершал богослужения, но уклад своей жизни не менял до самой кончины. Все, кто знал его, радовались этому и, хотя реже видели его, по-прежнему чувствовали силу его молитв. Между тем, владыка Зиновий все чаще и чаще говорил о своей кончине. Иногда — прикровенно, а иногда прямо: «Скоро пойду к отцу Андронику». Готовясь к переходу в вечность, владыка Зиновий принял схиму с именем Серафим — в честь великого подвижника земли Русской преподобного Серафима Саровского. 1 августа 1984 года, в день памяти преподобного Серафима, владыка Зиновий после литургии почувствовал слабость в ногах. С тех пор он уже не покидал свою келлию, но 19 декабря того же года, в день памяти Святителя и Чудотворца Николая, он сам пошел в храм и даже вышел на молебен после литургии. Это

было последнее его служение в храме. До самой кончины он оставался в своей келлии, где непрестанно молился. За день до кончины ему было благодатное видение: келлию его посетило множество детей, при виде которых душа его наполнилась радостью. Пока трудно сказать, что означало это видение. Сейчас мы можем только свидетельствовать, что у могилы старца не затухают свечи. Его духовные дети чтут своего старца и верят, что он не забыл их в своих молитвах.

Владыка Зиновий заранее предсказал день своей смерти. Попросил, чтобы в этот день с ним остались, кроме его келейников, глинские монахи — игумены Филарет (Кудинов) и Вениамин (Селеванов), которые были с ним при храме Александра Невского после закрытия пустыни в 1961 году. Перед кончиной митрополит Зиновий был соборован, часто причащался Святых Таин. Глинские священномонахи совершили все необходимое, и 8 марта 1985 года, во время чтения канона на исход души, владыка Зиновий мирно отошел ко Господу.

Эти строки, посвященные памяти Высокопреосвященного митрополита Зиновия, хотелось бы закончить словами псалмопевца Давида, которые возгласил Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Илия II перед погребением Владыки: *в память вечную будет праведник* (Пс. 111, 6).

Он поистине *подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь ему готовится венец правды, который даст... Господь, Праведный Судия, в день оный* (2 Тим. 4, 7-8).

Приведем еще стихи неизвестного автора, посвященные старцу-святителю:

Из российского края
Кротким голубем ты
В этот храм святой прилетел.
Окрыленный душой,
Презрев тлен суеты,
Благ Небесных себе восхотел.

Ты теперь воспарил
В Горний, радостный мир,
Ныне — вышних Небес гражданин.
Помолись там о нас,
Не забудь и прости,
Схимитрополит Серафим.

Схиархимандрит Серафим (Амелин)

Схиархимандрит Серафим (в миру Симеон Дмитриевич Амелин) родился в 1874 году в семье крестьянина Курской губернии. О том, как отец Серафим оказался в Глинской пустыни, известно со слов его брата Тихона Дмитриевича, который, овдовев, в старости тоже переселился в обитель.

Симеона дома звали Сеней. Мальчиком он уже бывал в Глинской пустыни, где жил и подвизался их дядя. Когда умерла мать, отец стал настаивать на том, чтобы Симеон женился. Тот же думал о другом и, чтобы избежать ссоры с отцом, который не намерен был считаться с желанием сына, ушел из дома, оставив записку: не беспокойтесь, не ищите и назад не ждите. Он стал послушником Глинской пустыни. Позже приехал отец, пошумел сначала, но потом утих. Ему понравилось в обители и на прощание он сказал Симеону, что, мол, если подался в монахи, так уж и живи, не уходи отсюда.

Итак, в 1892 году юный Симеон Амелин стал послушником Глинской пустыни, где проходил различные монастырские послушания, в том числе в типографии и в иконописной мастерской. Через некоторое время он возглавил мастерскую. Местные жители помнили об этом, и, когда в 40-60-е годы обитель возрождалась, они шли прямо к отцу Серафиму: несли иконы, пострадавшие от плохого хранения или попросту порезанные, расколотые. При непосредственном участии отца Серафима иконы как бы заново рождались, хотя условия для реставрации были самые примитивные.

Но вернемся к начальным годам пребывания Симеона Амелина в монастыре. При постриге, совершенном наместником обители архимандритом Исаией, его нарекли Серафимом, в честь вновь канонизированного святого — преподобного Серафима Саровского. В 1905 году его рукоположили в сан иеродиакона, а в 1915 году — во иеромонаха. После закрытия обители в 1922 году он поселился в ближайшем селении Шалыгино. Некоторое время был приходским священником в храме села Ковенки Сумской епархии.

Отец Серафим был свидетелем трагедии Глинской пустыни. Он видел, как избивали монахов, уничтожали скиты, храмы, изымали ценности, оскверняли могилы. Не только видел, но и сам пережил изгнание, арест, ссылку, издевательства. Но Господь сохранил его жизнь и здоровье до глубокой старости, словно бы для того, чтобы сподобить восстанавливать святую обитель, пусть не в полном объеме, чтобы, хотя бы «размером с ноготь», видеть, знать, что в ней снова затеплились лампы, снова творится молитва. Это все было предсказано схимонахом Архиппом перед смертью в 1896 году и передано келейнику Аристоклию: «Вы еще много лет проживете и перенесете много горя, окажетесь не однажды в тюрьме, но все-таки скончаетесь в Глинском монастыре, который к тому времени не будет как этот, большой, но станет таким», — и указывал при этом на ноготь мизинца.

После разрушения зданий, разграбления имущества, оставался нетронутым один лишь новый лазарет, который приспособили под жилье; храм превратили в клуб. Когда же в 1941 году началась война, то новые «хозяева» покинули территорию монастыря. Вскоре сюда вернулись двенадцать монахов с архимандритом Нектарием, которые до того жили уединенно в близлежащих лесах и деревнях; они вернулись в свой поруганный дом. Правда, отец Нектарий вскоре тяжело заболел и спустя несколько недель мирно преставился, завещав наместничество старшему из отцов, которым по жребии и стал иеромонах

*Схиархимандрит Серафим (Амелин), настоятель Глинской
пустыни (+1958)*

Серафим, возведенный потом в сан игумена. С верой в помощь Божию и в защиту Предстательницы рода человеческого отец Серафим принял это тяжелое бремя без какой бы то ни было материальной поддержки извне. Но вместе с малым, духовно единым, старческим братством, он возродил прежний киновийный устав игумена Филарета и строгую монашескую жизнь.

В 1948 году отец Серафим был возведен в сан архимандрита, и он оставался на посту настоятеля обители до самой кончины.

Всеим своим видом, спокойствием отец Серафим вносил в души окружающих мир и удивительное чувство защищенности от всяких огорчений. Спокойствие исходило от него потому, что он всецело был предан воле Божией, в нем жила уверенность, что Господь не допустит ничего вредного. Однажды одной из посетительниц он показывал альбом с видами прежней обители. Старые фотографии запечатлели ухоженные храмы, уютные уголки интерьера, дальний и ближний скиты. Она его спросила, что же помогало ему переносить боль при виде общей разрухи, при виде кучи мусора на месте взорванного храма. Он спокойно и кратко ответил: «На все — воля Божия!» Ни раздражения, ни осуждения варваров, неумеющих ценить ни свои, ни чужие святыни, ни горестных сожалений не было в его тоне. Воля Божия, благая и совершенная, проявилась и в том, чтобы благолепие сменилось *мерзостью запустения*. Один лишь Бог знает, что подготовит душу для вечности — благолепие или же потрясение, не позволяющее душе пребывать в беспечности.

Отец Серафим говорил очень мало, не разбрасывался словами необдуманно. Если говорил, то этому верилось. Странно было допустить, чтобы он сказал что-то для приличия. Он всегда знал, кому что нужно. Но совет не исходил из его уст. Нуждающемуся в наставлении все становилось ясно, когда он только видел батюшку, его спокойствие и несуетность, когда он замечал, как с ним обращаются окружающие, каковы условия быта. Конеч-

но, особое впечатление оставалось от богослужений в Глинской обители. Все это очень остро воспринималось человеческим сознанием и становилось потом как бы путеводной звездой всей жизни.

Много сил и энергии вложил отец Серафим в восстановление обители. Нечего и говорить, как трудно было в период военной разрухи ремонтировать сохранившиеся здания, оборудовать единственную церковь, устроить новую трапезную и подсобные помещения. Обитель, просуществовавшая после открытия в 1942 году еще 20 лет, во многом обязана его уму, рассудительности, умению понимать людей, воздействовать на них своим убедительным и спокойным словом, способностью находить общий язык с властями. Был период, когда осложнились отношения с местным начальством. Оно требовало отказать богомольцам в пище и крове. Отец Серафим, как обычно, спокойно говорил: «Мы бы рады так поступить, нам было бы проще: не варить, не готовить столько, но куда же они пойдут? В ближайшей деревне нет столовой, нет гостиницы. Как же людей оставить без крыши и без куска хлеба?» Власти когда соглашались, когда нет, но как-то утихали, умиротворялись, больше не предъявляли требований. Конечно, все происходило не без помощи Божией, по молитвам отца Серафима.

Смирение отца-настоятеля проявлялось во всем. Спокоен и невозмутим он был и тогда, когда его хвалил с амвона владыка Евстратий. Отец Серафим как бы подчинялся необходимости, слушал громкие фразы и, казалось, не слышал их.

В Глинской пустыни отец Серафим занимал небольшую келлию с двумя окошками. Она служила ему и рабочим кабинетом, и спальней, и местом уединенной молитвы. В будни отец архимандрит редко выходил в храм. Много болел в последнее время. Но в его келлии хорошо было слышно богослужение. Да и все другое время он непрестанно пребывал в молитве.

Сколько бы разных свидетельств мы ни приводили о старце, главным остается свидетельство о свете, которым

сияло его лицо. От всего его облика оставалось впечатление редкой одухотворенности, которое выражалось в ощущении полноты жизни, удивительного мира, тишины, в стремлении ничем этого состояния в себе не нарушить. При общении с отцом Серафимом можно было радостно молчать, что бывает крайне редко с другими людьми. Молчать в полной тишине и, главное, чувствовать, что это не просто отсутствие шумов, звуков, а то состояние, о котором сказано, что «молчание — тайна будущего века». Отец Серафим не был раздражительным, что зачастую свойственно людям пожилого возраста. Даже не приходило в голову, что он может повысить голос, сделать замечание начальственным тоном. Ни малейшего намека на желание дать понять, с кем говоришь. И, в то же время, никакого заискивания, ложного угодничества перед теми, кто облечен какой-либо властью. Все это как бы штрихи к образу отца Серафима. Более ярко, живо, объемно представить свойства его характера, его душевное устройство помогают воспоминания Г.Пыльневой, которая бывала в пустыни в 50-е годы и довольно близко знала отца настоятеля. Она пишет: «Если святые отцы говорят, что «много великих и славных, но тайны открываются смиренным», то в данном случае встреча с отцом Серафимом приоткрывала тайну реальности, возможности на нашей земле нездешнего **света** и **красоты** смирения. Того света, о котором святой Апостол Иоанн Богослов говорил в первой главе своего Евангелия. В какой это мере было здесь, не берусь судить, но он **был** — этот **свет**, и тьма нашей жизни, нашей пустоты, мелочности, рассеянности, наших страстей и слабостей не поглощала его. Думаю, что многие это ощущали. После уже, когда обитель снова закрыли, рассказывали об одном милиционере, который приезжал в обитель с каким-то очередным указанием «сверху». «Что за старик! — удивлялся он отцу-настоятелю. — Еду дорогой, злой-презлой, думаю: сейчас разнесу всех. Но вхожу к нему, ничего особенного он мне не говорит, все такое простое, всем известное, а я и при-

крикнуть не могу. Будто подменили меня. Покорно соглашаюсь с ним, а ведь хотел все вверх дном перевернуть, чтобы боялись и долго помнили».

В присутствии отца Серафима, даже если не видела его, а просто знала, что он — здесь, близко, становилось совершенно ясно, что существует мир, где все **иначе**. Иные ценности, иные цели, иное содержание каждого дня. Не отрываясь от обычной земной реальности, можно жить в ином мире, жить тем «свышним миром», о котором в храме звучит ектения. Но одно дело об этом слышать в храме и совсем другое — видеть человека, который так живет. Как ни разнообразны пути, которыми Бог открывает душе Свое Царство, но, наверное, самое доступное, самое действенное — это откровение через другого человека. Не случайно на Афоне говорили, что человеку не понять, а тем более — не захотеть для себя **иной** жизни в мире, если он не видит сияния, хотя бы самого слабенького, но сияния **того** света на лице живущего в одно время с ним человека. Наверное, можно сказать, что необыкновенное ощущение незримого света вводит нас в мир иной, где все по-другому, и ты начинаешь понимать, что привычное большинство ценит совсем не то, что нужно ценить. Что чины, положение в обществе, привилегии, звания, обеспеченность, выгодные связи, умение хорошо устроиться, т. е. меньше дать, больше взять от жизни, добиться значимости (хотя бы в собственных глазах), суметь «сотворить себе имя», или, как теперь говорят, уметь заявить о себе, самовыразиться, — все это самообман, это (если быть до конца честным) — измена своему христианскому долгу, который в Евангелии сформулирован четко и ответственно: *отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мной* (Мк. 8, 34; Лк. 9, 23). Ни единого слова об этом не сказал отец архимандрит. Но именно это ощущение возникало от общения с ним. Конечно, хотелось бы все это подтвердить конкретными фактами, не довольствуясь только абстрактными рассуждениями, но все факты слились в один — факт суще-

ствования обители, где было основанием старчество, завещанное глинским монахам прежними поколениями старцев.

В тиши любого уголка, устроенного заботами отца Серафима, всегда была возможность молиться, работать, молчать и радоваться свету, чувству защищенность молитвами старцев. Все внешнее таяло, уходило в небытие. Пропадала озабоченность, испарялась усталость, не возникало стремление к переменам, отдыху, пестроте меняющихся событий. Нигде, никогда больше мне уже не приходилось испытывать такого чувства **полноты жизни**. Был мир — полный, глубокий. Миром, глубоким покоем веяло от отца Серафима, и он как бы окутывал окружающих незримым облаком, защищая от всех неожиданных огорчений. Мир этот держался его полной преданностью воле Божией...

Обычно, когда позволяли силы, отец Серафим приходил в мой уголок (занималась реставрацией) проведать, нет ли в чем нужды. Приходил всегда с гостинцем. Раз принес несколько редисок: «Это огородник от своей любви прислал». Огородником был добродушный отец Иаков, но он вряд ли знал о моем существовании. А гостинец, любой, хоть бы и щепка из печки, меня радовал как вещественное выражение внимания и доброжелательности. Не такого внимания, от которого растет внутреннее сомнение, а такого, которое ободряет, придает силы.

Если отец Серафим был на ногах и меня посылали к нему с каким-либо вопросом или поручением, то он, решив все нужное, благословив, искал глазами на столике, что бы мне дать. Как-то лежали у него фрукты. Он предложил мне, но я сказала, что ему это очень нужно, я же могу есть все, что готовят на кухне, без всякого вреда для себя. Он согласился, сказав обычное: «Добре». Потом мне говорили, что нельзя отказываться, надо «для благословения» все брать. Но будет ли что-то съестное действенное того внимания, доброжелательности и понимания, которые так нужны всегда и так дороги?»

Теперь трудно представить себе, что прежние духовные центры, такие, как Глинская пустынь, например, могли воспитать разных по характеру послушников (к моменту закрытия Глинской пустыни в 1922 году все будущие старцы были еще молодыми) настолько глубоко и основательно, что они пронесли через все испытания веру в Бога и доброе отношение к людям. Что же касается отца Серафима, то и в 50-х годах он сумел создать вокруг себя атмосферу искренности, уважения друг к другу, включая и младших, недавно влившихся в братство иноков. Сказать неправду он не мог ни при каких обстоятельствах. Никто не слышал от него жалоб на местное начальство, отдававшее часто нелепые приказания. В отце Серафиме не чувствовалось и намека на какую-либо ответственность, экзальтированность, игру.

Отец Серафим обладал и даром прозорливости. В последний год, прощаясь с некоторыми из близких, он уже предупреждал, что расстанутся они навсегда. Чувствуя близость кончины, он очень переживал о братстве обители, искал себе замену, приглашал занять свое место архимандрита Зиновия (впоследствии митрополита Тетрицкаройского).

В день памяти великих Московских святителей, 18 октября 1958 года, отец Серафим созвал братию, сделал наставление, благословил всех и с миром отошел к Господу, держа в руках святой крест.

Архимандрит Серафим был погребен возле алтаря монастырского храма.

Старец Андроник

Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш) родился 12 февраля 1888 года в селе Луппа Роменского уезда Полтавской губернии в семье крестьян — Андрея и Акилины. Его отец служил сельским почтальоном и был нрава жестокого, вспыльчив и раздражителен. Мать, напротив, была смиренной, глубоко верующей и

набожной женщиной, верной христианкой и заботливой женой. В семье росло пятеро детей: Филипп, Иоанн, Варвара, Алексей и Василий.

Акилина провидела в Алексее его светлое пред Богом будущее. Окрестив его в честь святого Алексия, человека Божия, она неустанно заботилась о воспитании сына. Семя упало на добрую почву и уже в детстве дало всходы: мальчик потихоньку вставал ночью, становился на колени, скрестив ручки на груди, и с удивительным для его лет усердием молился о маме, отце, братьях и сестре. Он отличался кротостью и непоколебимым спокойствием, которые сохранил до преклонных лет.

Начальное образование Алексей получил в сельской церковно-приходской школе. Знания давались ему с трудом, и после окончания школы отец устроил его работать кучером. Мальчик был настолько серьезным, что отец часто давал ему самые ответственные поручения. Следуя закону Божию, он повиновался родителям во всем. Но еще в отроческие годы Алексея стала тяготить суета этого мира. В своих мыслях он часто погружался в тот мир, где непрестанно славится имя Божие, думал о монастырях и иноческой жизни. С годами в нем окрепло желание стать монахом.

Однажды в воскресенье, возвращаясь из храма после литургии, Алеша встретил странника, который, провидя монашескую настроенность юноши, рассказал ему о многих русских обителях, их уставах и обычаях. Он подчеркнул, что в Глинской пустыни соблюдается строгий устав — Афонский, служба там продолжительная, существует старческое окормление, официально закрепленное уставом. На следующее воскресенье странник дал ему адрес Глинской обители и рекомендательное письмо к своему знакомому монаху. Мать, узнав о решении сына уйти в монастырь, едва сдерживая слезы, сняла свой маленький нательный крестик и благословила им Алексея, втайне от отца.

В 1906 году Алексей впервые переступил порог Глинской обители. Братия произвели на него огромное впечат-

Схиархимандрит Андроник (+1974)

ление. Старец впоследствии вспоминал: «Овеяло меня великой радостью, дух мой встревожился, и умом я с воздыханиями обратился к Царице Небесной, прося принять меня в стадо равноангельных иноков, которое Она стяжала к непрестанному славословию Сына Своего. Дал Матери Божией таинственное обещание служить Ей, все переносить, терпеть неисходно до конца своих дней, после чего ощутил радость на сердце и надежду на Ее милосердие. Братия провели Алексея к отцу Иоанну, к которому у него было письмо. Отец Иоанн в то время нес послушание келейника настоятеля, к нему-то и повел он юношу. Алексей, поклонившись до земли, просил настоятеля принять его в число братии, изъявляя согласие на безропотное перенесение всех трудностей и лишений, только бы быть при доме Господнем. Настоятель благословил зачислить его в число братии.

Новому послушнику дали послушание в гостинной, где он пробыл три месяца. После этого ему благословили носить подрясник и руководствоваться наставлениями старца иеромонаха Аристоклия (в схиме — схиигумен Антоний, скончался в Глинской пустыни в 1946 году). Затем Алексею назначили послушание в прачечной. Там он проявил себя неустанным тружеником, молчаливым и смиренным послушником. Через девять месяцев его перевели на монастырскую братскую кухню, где он нес послушание два года. Затем его облекли в рясофор и дали послушание на игуменской кухне, где готовили для гостей.

Через три года Алексея перевели в Спасо-Илиодоров скит, что в трех верстах от обители. Жизнь там была особенно строгая, женщины не допускались на территорию скита. И в таком тихом уединении, на послушании келаря, Алексей приобщался к подвижнической жизни. За стеной его келлии жил монах, который почти все ночи проводил в молитве. Алексей слышал, как он делал земные поклоны, и это еще больше возбуждало в нем дух ревности по Боге. В скиту Алексей прожил три года.

Отсюда его призвали на действительную службу. Три года и шесть месяцев провел он в Польше, был рядовым солдатом, дисциплинированным, тихим, кротким и трудолюбивым. После учебных занятий он выполнял обязанности доверенного денщика при командире.

Демобилизовавшись, послушник Алексей сразу вернулся в родную обитель и принял послушание на пасеке. А через некоторое время началась Первая мировая война. В 1915 году вместе с другими молодыми иноками Глинской пустыни Алексей был мобилизован. При первой же боевой операции его вместе с остатками взвода взяли в плен, затем отправили в лагерь, из которого перевезли в Австрию, где Алексей пробыл три с половиной года. В лагере группа сектантов-баптистов хотела обратить Алексея в свою веру, но он сохранил чистоту Православия.

Привыкший трудиться, он работал настолько старательно, что это обратило на него внимание конвоиров, которые иногда давали ему лишнюю порцию хлеба. Осенью 1918 года он получил освобождение.

В Глинской обители, куда послушник Алексей вернулся после плена, настоятель архимандрит Нектарий определил ему послушание весовщика при монастырской мельнице, что была недалеко от Путивля, на реке Сейме. В тот период он мог щедро одарять бедных и нищих, измученных войной людей, приходивших к нему за помощью. Спустя некоторое время Алексей Лукаш принял монашеский постриг с именем Андроник. Он по-прежнему исполнял послушание на мельнице.

Годы, проведенные в обители, оставили в иноке Андронике неизгладимый след и способствовали его духовному совершенствованию. Здесь было положено начало высокодуховной подвижнической жизни. Вместе с солнцем он вставал на послушание, которое совершал с великой ревностью, старательно и споро. А ночь проводил в постоянных молитвах со множеством коленопреклонений. В пищи и питии был воздержан, из имущества дер-

жал только самое необходимое: церковную и рабочую одежду, жесткую постель, на которую он ложился на очень короткое время, не раздеваясь. Впоследствии, где бы он ни был, всегда твердо исполнял свои монашеские обеты. Вся его жизнь была направлена к одной цели — спасению своей души и души ближнего.

В 1922 году, когда упразднили обитель, монах Андроник переехал в Путивль, где к тому времени поселилась его мать. В 1925 году епископ Павлин, викарий Курской епархии, взял монаха Андроника к себе в келейники, и он переехал в Курск. Там он был посвящен в сан иеродиакона, хотя, по своему смирению, отказывался от этой чести. Через некоторое время иеродиакон Андроник вместе с епископом Павлином переехал в город Пермь.

Временно находясь в Москве, владыка Павлин в 1928 году рукоположил отца Андроника во иеромонаха, также против его желания. В 1929 году, во время болезни, иеромонах Андроник принял великий ангельский образ — схиму, с тем же именем Андроник (в честь преподобного Андроника Московского). Вскоре его выслали на Сахалин.

Этот период жизни старца запечатлел в своем стихотворении, которое так и называется «Старец Андроник (А.А.Лукаш)», Александр Солодовников.

Охотское море колыхается мерно,
Преступников в лагерь везет пароход.
Великое горе, великую скверну,
Людское крушение «Джурма» везет.

И тесен, и темен, и сыр, и угрюм,
И полон молчания трюм.
Но вдруг от одной поразительной вести
Народ встрепенулся и шепот возник:
В углу, на корме, раздает свои вещи —
Одежду и обувь — какой-то старик.
Какой-то старик, неизвестный, безликий,
О, как узнаваем он в этих словах!

Простец добродушный и старец великий,
Среди суетливых воров — схимонах.

Он не дрожит перед бедой,
Он всех подбодрит шуточкой.
Старик с опрятной бородой,
В какой-то старой курточке
В лагере чистит уборные,
Кто выполнит дело позорное?
Выполнит весело, тщательно, честно
Только один этот старец, известно.
Да еще скажет: «Ведь я не один.
Или не ведаешь? А Дамаскин?»

Но вот он — санитар в больнице,
С ним хорошо больным,
Он очень помогает им.
Да только ли больным?..

В бараке, в полутемных сенцах
Он исповедует. Епитрахилью — полотенце.
На тебя легко ложится его рука.
Но сердце ведает,
Как может дух омолодиться
От старика.

Однажды в лагерь привезли едва живого архиепископа Назария, который вскоре скончался. Отец Андроник в то время был санитаром и чем только мог, помогал другим. Повязав на шею полотенце, на котором углем начертал крест, что и заменило епитрахиль, он совершил отпевание почившего, предал его тело земле, похоронив архипастыря в отдельном гробу. За это в 1936 году Патриаршим Местоблюстителем Блаженнейшим Митрополитом Сергием отец Андроник был награжден наперсным крестом.

После освобождения его взял в работники начальник лагеря. В 1944 году начальник получил назначение в Новосибирск. Вместе с его семьей туда переехал и отец Андроник. В этой семье отец Андроник был как родной, хозяева его любили. Он готовил им обед, ухаживал за

огородом и животными, растил и воспитывал детей. За-
мечательным фактом смирения отца Андроника является то, что он жил в сарае со скотиной. Там он отгородил себе маленькое место для краткого отдыха, несмотря на уговоры хозяев жить в доме, где ему выделили отдельную комнату. Один Бог был свидетелем тех подвигов, которые старец совершал в своем сарайчике. Когда он узнал, что Глинская пустынь вновь открыта, то приложил все усилия, чтобы вернуться в родную обитель. Это произошло в 1948 году.

В пустыни иеросхимонах Андроник стал благочинным и духовником братии. Но к нему на исповедь шли не только монахи. И это не случайно: любовь старца к ближним, его искреннее сочувствие им привлекали к нему многих людей. Очевидец рассказывал о таком случае: приехала в Глинскую обитель откуда-то издалека женщина и просила ее исповедовать. Что она говорила отцу Андронику, — это тайна исповеди, но только после всего услышанного он стал плакать, приговаривая: «Как же ты могла так оскорбить Господа?» Его сокрушение о ее душе, ее грехах поразило женщину. Отойдя от аналоя, она сказала: «Приеду домой, перезимую, Бог даст, а весной телку продам, чтобы приехать сюда еще раз».

Будучи благочинным, отец Андроник собирал братию и паломников на общее послушание. Причем, делалось это незаметно, ненавязчиво. Например, если надо было поработать в огороде, то отец Андроник первым брал лопату или грабли и начинал трудиться. Он же, не смущаясь, мог пригласить всех, кто был свободен, идти с ним чистить стойла и вывозить навоз. В лес ли, на заготовку ли дров для обители, посадку ли огорода, уборку или какое другое послушание — везде отец Андроник был первым и своим примером воодушевлял всех.

Достигнув в полной мере любви, старец имел такой душевный мир, что не нуждался ни в чем. Непрестанно вздыхая о Царствии Божием, он проявлял необыкновенное сострадание ко всем, заботился, в первую очередь, о

Старец Андроник на послушании

других. Вот один из примеров. Как-то ему прислали посылку с грушами. Один в келлии он почти не бывал, и, конечно же, каждый присутствующий получил по груше. Свою отец Андроник отложил. Кто-то еще вошел, угощать уже было нечем, и отец Андроник протянул свою грушу. Пришедший воспротивился: «Вы-то сами, небось, и не попробовали...» Батюшка разрезал грушу: «Вот, попробую, и ты пробуй». Половина исчезла. Еще кто-то постучал, разделили оставшуюся часть. Еще один гость пришел, — и уже ничего не осталось отцу Андронику.

По молитвам старца, много удивительного происходило в святой обители. Как-то долго стояла жара, и отец Андроник стал всех собирать на молебен в поле. Богомольцы поставили в поле список чтимой иконы Рождества Пресвятой Богородицы, зажгли свечи. Отец Павлин читал ектений, отец Андроник просил у Господа дождя. Просил теми же словами, что в Требнике: «Даждь дождь земле жаждущей, Спасе!» — с уверенностью обращаясь к Богу, Который рядом, тут же присутствует, Который не может не услышать и не исполнить просьбы. На небе не было ни единого облачка, от земли пышит теплом, как от неостывшей золы, увядшая зелень обвисает тряпкой... Помолившись пошли в храм, и едва переступили порог, как начался дождь.

Послушник Сергей заболел крупозным воспалением легких. Болезнь обострилась настолько, что врачебное вмешательство не помогало, состояние его все ухудшалось, и ожидали уже кончины. Старец Андроник совершил над больным соборование, причастил послушника и стал за него молиться. На третий день послушник Сергей встал совершенно здоровым. Впоследствии спасенный принял монашеский постриг с именем Ипполит, после закрытия обители жил на старом Афоне в Пантелеимоновом монастыре. Подобных историй было много. Запомнился такой случай. Из какой-то деревни принесли образ Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Икона была порезана ножом. Отец Андроник, увидев ее, пал на колени: «Прости, Владычица, тех, кто дерзнул так

сделать!» Ни жалоб, ни возмущения на хулителей святых, ни угроз Судом Божиим, но — молитва за сотворивших беззаконие.

Однажды батюшка сам сильно заболел: у него было кровоизлияние в мозг. Болезнь была тяжелой, и уже теряли надежду на выздоровление. Его пособоровали и причастили Святых Таин Христовых. В таком безнадежном состоянии он три дня ничего не вкушал. В это же время инок Адриан, который нес послушание на скотном дворе, внезапно заболел и через три дня скончался. Об этом отцу Андронику сказал келейник, и батюшка ответил: «Господь послал Ангела Своего по мою душу, а на пути указал другую, чтобы я еще пожил для людей». После этих слов батюшка попросил водички, ему стало гораздо легче, он покушал, вскоре окреп и выздоровел.

Отец Андроник отличался необыкновенной кротостью и смирением. Архиереев он почитал, как Самого Христа, и, когда правящие епископы посещали Глинскую обитель, сам им прислуживал: подносил еду, топил печки, протирал полы.

В 1955 году сумский епископ Евстратий возвел отца Андроника в сан игумена, на что подвижник возражал, говоря, что схима превышает все награды и что она есть предел всех наград.

Старец старался не отлучаться из пустыни и всегда говорил, что монах, вышедший из монастыря даже на короткое время, уже не вернется таким, каким ушел. Но однажды настоятель благословил его поехать в епархию с некоторым делом. Отец Андроник ценил послушание и часто был в этом примером, поэтому он смиренно исполнил поручение. Как-то епископ Евстратий после беседы со старцем попросил, чтобы отец Андроник благословил его и перекрестил, как благословляет всех остальных... Батюшка, выполняя долг истинного послушника, благословил архиерея. Затем Владыка попросил батюшку, чтобы тот, когда будет ложиться спать, благословлял и его сторону.

Однако старец мог и воспротивиться епископу, если того требовали обстоятельства. Когда правящий архiereй запретил кормить из монастырской кухни паломников, отец Андроник, будучи членом старческого совета обители, выступил против такого распоряжения, пояснив, что не братия кормит богомольцев, а богомольцы кормят монахов, ибо они все шлют и везут сюда. Братия поддержала старца, и общая трапеза продолжалась.

Отец Андроник любил принимать участие во всех послушаниях. В праздники после служб и трапезы он не отдыхал, а прочитывал несколько глав Евангелия, акафисты, затем спешил на кухню и чистил картошку для общей трапезы, назначив одного из братий на чтение Житий святых, чтобы не было празднословия и братия назидалась словом Божиим. Он помогал даже чистить отхожие места, когда это требовалось, не брезговал, хотя был чрезвычайно чистоплотен и аккуратен.

Своих духовных детей из братии он принимал в любое время и был весьма внимателен к каждому. С вечера батюшка прочитывал пять глав Евангелия, одну четку с тридцатью поклонами, клал отдельные поклоны Спасителю, Матери Божией, Ангелу-Хранителю, святому Архистратигу Божию Михаилу, святому Пророку и Крестителю Господню Иоанну, святому Апостолу Иоанну Богослову, преподобному Андронику, святым Апостолам Петру и Павлу, Андрею Первозванному, Луке, Марку, Матфею, святым пророкам Илие и Моисею, святым праведным Иоакиму и Анне, Захарии и Елисавете, Симеону Богоприимцу и пророчице Анне, святителям Христовым — Василию, Григорию, Иоанну Златоусту, Николаю, Алексию, Феодосию, Иоасафу, Гермогену, Петру, Арсению, Стефану, великомученикам Пантелеимону, Георгию, Иоанну Воину, Димитрию Солунскому, Нестору, Гурию, Самону и Авиве, великомученицам Варваре, Екатерине, Акилине, Татиане, Вере, Любви, Надежде, Софии, Параскеве, святым равноапостольным Нине, Марии Магдалине, Фекле, преподобной Марии Египетской, мученице

Фомаиде, преподобным Серафиму Саровскому, Сергию Радонежскому, Иоанну, Тихону Калужскому, Афанасию Великому, Пахомию Великому, Варлааму, Иоасафу, Аveniру, Мартиниану, Иоанну Многострадальному, Александрию, человеку Божию, Симеону Верхотурскому, Иову Почаевскому, благоверным князьям Александру Невскому и Владимиру, царю Константину и царице Елене.

После этого батюшка полагал поклоны за настоятеля, своих духовных чад, близких, за умерших братий, за родных. Затем ложился спать на короткое время. Вставал он в два часа ночи или раньше и уже не ложился, говорил: «Томлю томящего мя». Он совершал свое пятисотное правило неспеша, делая поклоны с благоговением и вниманием. После пятисотного правила по четкам, он читал еще четки святым угодникам, а потом переходил на чтение Евангелия, Псалтири с помянником и акафиста. Еще батюшка очень любил читать «Службу по вся дни», она с ним была и в ссылке, и в лагерях.

По обязанности благочинного отец Андроник в ночное время ходил проверять сторожей. А если кто из послушников просыпал или заболел или кого не оказывалось на полунощном богослужении, батюшка сам ходил по келлиям, узнавал, почему отсутствует брат. Батюшка не отказывал в напутственном благословении и молитве всем без исключения паломникам. Назначал время вне службы в храме, они собирались, и он сам совершал молебен о путешествующих, соборовал и причащал паломников и братию.

Когда Глинскую пустынь снова закрыли в 1961 году, отец Андроник поехал в Ставропольскую епархию к своему бывшему келейнику. А позже, когда отец Павлин уехал учиться, батюшка переселился в Тбилиси, на попечение митрополита Тетрицкаройского Зиновия, тогда уже иерарха Грузинской Православной Церкви. Схиигумен Андроник помогал в храме Александра Невского: служил, исповедовал, помогал на проскомидии, читал записки, даже оставался за сторожа. Позже владыка

Зиновий нашел ему домик в городе, в котором он и дожил до перехода в вечность. Батюшка всегда пребывал с памятью о смерти и держал себя в страхе Божиим воспоминанием вечных мук. За свою богоугодную жизнь он был удостоен от Господа дара прозорливости. Одна посетительница Глинской пустыни вспоминала, как хотела пожаловаться отцу Андронику на трудности жизни без духовного руководителя. Старец в то время спешил, кого-то провожал и, проходя мимо нее, как бы между прочим сказал: «Руководителей сейчас нет. Книги, книги читай!»

В 1963 году схиигумен Андроник, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, митрополитом Зиновием был возведен в сан архимандрита. Но после дня поставления в течение одиннадцати лет он до самой смерти, по своему смирению, больше ни разу не надевал митру.

С любовью батюшка посещал храм святого Александра Невского, в котором служил владыка Зиновий, приобретая Святых Христовых Таин в субботу, воскресенье и в праздничные дни. По окончании литургии и треб батюшка не садился отдыхать, но уединялся и читал Святое Евангелие. После обеда, до наступления вечернего богослужения, отец Андроник находился в часовне, что в церковном дворе. Дверь его была открыта для посетителей. Там он исповедовал, утешал, давал полезные советы, наставления. Батюшка не смущался никакими вражьиими кознями, поучал он примерами из Божественного Писания и Житий святых отцов. Очень оберегал всех от гордости и осуждения. В своей беседе с одним из духовных сыновей он рассказал, что знал монаха, который был очень тих, смирен и кроток, но когда осудил кого-то, благодать отошла от него.

Староста храма святого Александра Невского рассказал один случай, который дает представление о том, как молился отец Андроник. Перед совершением литургии он обычно с вечера оставался в храме и уже до утра не смыкал глаз, все это время молился. В одну из таких

ночей в конце 60-х годов староста остался дежурить за сторожа. Ночью он увидел, что храм наполнен молящимися. У него мелькнула мысль, что он проспал и без него открыли двери. Посмотрел на часы, было 2 часа, искал ключи, — они лежали на месте. В великом страхе он еще раз посмотрел внутрь храма. Отец Андроник молился и творил поклоны перед праздничной иконой, а вокруг было множество народа, все также совершали молитву. Староста, объятый страхом, застыл в оцепенении. Как только старец кончил молиться, храм опустел. Наутро, в большом волнении, он поведал о случившемся, не в состоянии объяснить все, что он видел. Но зная о богоугодной жизни старца и силе его молитв, можно заключить, что Церковь Небесная сослужила великому подвижнику во время его молитвенных подвигов на земле.

Нескольким своим ученикам-инокам отец Андроник говорил, что каждый час следует бодрствовать и пребывать в молитве, ибо Господь сказал: *«Бдите и молитесь»* (Мф. 36, 41), — и: *«Непрестанно молитесь»* (1 Фес. 5, 17). Когда молишься, следует помышлять о смертном часе, боясь огня вечного. Пусть не страшит нас мысль о трудностях и тяжести жизни, ибо путем многих скорбей мы можем войти в Царство Небесное. Не место освящает человека, а человек — место; где монах — там и монастырь, живите по-монашески, и будет вам монастырь. Разумно проводите жизнь, живите чисто, кайтесь, молитесь, чтобы не постигли нас внезапная смерть и страшный гнев Божий. Многие легли спать и не встали, так и мы ложимся и не знаем, встанем ли утром. Не уклоняйтесь от исполнения молитвенного правила.

Приходили к старцу иноки из других монастырей, в том числе и из Лавры Преподобного Сергия, с различных концов России приезжали пустынники. Батюшка с радостью принимал всех, неослабно и без лености поучал их, чтобы добрыми делами, послушанием, кротостью и смирением исполняли заповеди Господни. Многие студенты Московских Духовных Семинарий и Академии

посещали старца. Им он говорил: «Учитесь закону Божию, имейте сердце и душу чистыми. Одежда души — истинная вера, молитва, слезы, воздыхание и покаяние — чтоб всегда была с вами, и Господь вас не оставит».

Отец Андроник говорил: «Живи ниже травы и тише воды — и спасешься!» Для него все люди были святые, за всех он переживал и молился. Один священноинок вспоминал, что отец Андроник, когда исповедовал, то на нем разрешал не только кающегося, но и отпускал грехи монахов и пустынников и перечислял всех людей скорбящих. Он говорил, что они скорбят и плачут и на молитве просят его молиться о них. Когда он молился за сына одного врача (тот наложил на себя руки), то явился бес и ударил батюшку, боль долго не стихала. Бесноватые кричали, что сожгут его.

Поучая проходящих, батюшка не уклонялся от исполнения своего молитвенного правила, кроме того он читал святоотеческие книги и Жития святых, часто в беседах приводил примеры из жизни святых угодников и мучеников. Старец сам выписывал из святоотеческих творений и Священного Писания назидательные места, размножал эти записи и раздавал своим духовным чадам. Отца Андроника побуждала говорить забота о людях, желание кого-то предупредить, предостеречь от неверного шага, заставить задуматься. Иногда он помогал себе жестом, например, как рассказывали молодые послушники, мог постучать по лбу пальцем, «вбивая» нужную мысль. И все это делалось с большой заботой, участием, доброжелательностью. Что-то могло прозвучать резко, но не грубо, ласково, но не ласкательно, даже нежно, но без приторности. Во всем было чувство меры и понимание того состояния, в каком пребывает человек. Он свободно пользовался сравнениями, пословицами, поговорками. Все это особенно живо в памяти слышавших его назидания. Приведем некоторые душеспасительные советы старца.

«Чадо мое о Господе, знай себя и будет с тебя. Будь глухой, немой и слепой в духовном смысле — и спасешься.

Убей в себе гордость, пьянство, убийство (даже словом), прелюбодейство, блуд и содомский грех, сребролюбие, честолюбие, зависть, ненависть к своему ближнему.

Повинуйся своему наставнику, как Христу, и вопреки не смей ни говорить, ни делать, также и своему старцу и духовнику; во всем будь послушный, кроткий и молчаливый. Будь доволен монастырской трапезой и монастырским уставом. Смири себя до конца своей жизни, по сказанному Господом: *«И на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес моих»* (Ис. 66, 2).

Не пей вина, в нем же есть блуд, и всякий смертный грех рождается от него. Не вкушай мяса, где бы его ни предлагали.

Ежедневно открывай помыслы перед своим старцем. Говей не реже как через шесть недель, по нужде можно и чаще. Послушание исполняй со страхом Божиим и большим вниманием, писано бо есть: послушание — рай, а ослушание — ад.

Не судите, и не будете судимы (Лк. 6, 37). *Какой мерой мерите, такую же отмерится и вам* (Лк. 6, 39).

Каждый послушник должен неотложно исполнять правило по усмотрению старца. Монаху должно быть не слушателем только заповедей, но исполнителем их.

В церкви не говори.

Спи мало, в меру, и будут помогать тебе Ангелы.

Не знакомься с мирскими и не подражай фарисею, который все делал напоказ человекам.

Не тщеславься и не смейся.

Не ешь до сытости. Ежедневно умеряй себя.

Если посетишь кого-либо из братии, то не оставайся долго в его келлии.

Понуждай себя в рукоделии, и будет обитать в тебе страх Божий. Возлюби труд, и скоро пошлется тебе спокойствие от Бога.

Не надевай одежды, которая приводит тебя в тщеславие.

Уста твои да говорят всегда правду.

Не ропщи и не позволяй себе оскорбить кого-либо. Если кто укорит тебя в каком-нибудь грехе, которому ты не причастен, смири себя перед укоровшим и наследуешь нетленный венец.

Наблюдай за помыслами, потому что для тех, которые соглашаются с блудными помыслами и услаждаются ими, нет надежды на спасение; напротив же, те, которые не соглашаются с ними, но противятся со всевозможным усилием, молясь против них, получают венцы от Бога.

Постом умиряется тело, бдением очищается ум, безмолвием приносится плач, плачем доставляется иноку совершенство и очищение грехов.

Не имей близких и частых сношений с мирскими, не имей знакомства с женщиной, не имей свободного общения с отроком. Соль берется от воды, но, когда соприкасается с водой, тает и пропадает; так и инок: он рожден от жены, но, если прикасается к жене, тает, погибает и умирает смертью душевной, если не покается.

С женским полом прекратить всякие отношения, кроме родной матери.

Монах не должен даже слушать злоречия, не должен говорить худое о ком бы то ни было, не должен соблазняться кем-либо.

Необходимо заботиться о стяжании (делания) умной молитвы.

Монах должен ежедневно утром и вечером исследовать самого себя, что сделано им согласно и несогласно воле Божией; поступая таким образом, монах должен проводить всю жизнь в покаянии, так жил авва Арсений.

Если не будем осторожно вести себя по внешнему человеку, то не сможем сохранить и внутреннего.

Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй в ней никого, кроме себя, и говори, что это случилось со мной за грехи мои.

Злоба злобы не уничтожает, но если кто делает тебе зло, тому ты делай добро, чтобы добрым делом уничтожить злобу.

Бога без Бога познать не можем, кто более Бога познает, тот более смиряется, боится и любит Его.

Бог хочет от инока-подвижника полное нестяжание — до малой вещи, ибо и малая вещь, вызывающая пристрастие, может повредить и отлучить ум от поучения в Иисусе и плача.

Имеющий страх Божий имеет сокровище, исполненное благ; страх Божий хранит человека от греха.

Монах, не радеющий о своем спасении, есть ругатель Божий; лучше было бы монаху сгнить во чреве матери, если он не печется о своем звании.

Помни последняя своя и во веки не согрешишь. Пока жив, спасайся, время не теряй, плачь, молись, смирайся, будь готов и знай, что когда оставишь свет, будешь позван на ответ.

Боюсь трех вещей: когда умру, как умру и где обрящуся.

Как чин монашеский честнее мирских, так странствующий монах должен служить зеркалом для монахов местных.

Кто терпеливо переносит презрение, бесчестие и убыток, тот может спастись.

Хранящий в душе своей памятозлобие подобен тому, кто хранит огонь в соломе.

Претерпевайте пребывание в келлии, безмолвствуя, охраняя ум от греховных помыслов, молясь непрестанно, возлагая надежду на Бога, и Он даст вам разум Свой (духовный) и просветит ум.

Всякое дарование Божие обращается нам во вред, когда от него не Божией, но собственной славы ищем.

Превосходнейшая из добродетелей — никого не презирать.

Если желаешь получить Царство Небесное, возненавидь все земные имения, потому что если будешь слястолюбив, сребролюбив, то невозможно жить по Богу.

Как дерево, пересаживаемое часто, не может принести плода, так и инок, переходящий с места на место.

Злое похотение извращает сердце и изменяет ум. Удаляй его от себя, чтобы не огорчился в тебе Дух Святой.

Помышляй всегда и говори себе, что не останусь в этом мире дольше этого дня, и не будешь согрешать. И днем, и ночью болезнуй о своих грехах.

Прежде всего приносите молитву непрестанную, не прерывая ее, и за все, случающееся с вами, благодарите Бога.

Наблюдай установленные часы для молитвословий и не пропускай ни одного из них, чтобы не подвергнуться за это суду.

Хранись, чтобы ум твой не осквернился воспоминанием прежних согрешений и чтоб не обновилось в тебе ощущение их.

Помышления свои открывай не всем, но только тем, которые могут спасти твою душу.

Никого, ни по какой причине, не обличай в его недостатках.

Не употребляй божбы ни в том, что сомнительно, ни в том, что верно.

Люби смирение. Оно покроеет тебя от грехов. Будь готов отвечать «прости меня» на всякое слово, которое услышишь, потому что смирение разрушает все козни врага.

Во всем своем поведении соблюдай скромность. Не будь сластолюбив и предан объедению, чтобы не возобновились твои прежние согрешения.

Не нарушай посты иначе, как по величайшей болезни.

Не страшись бесчестий, наносимых человеком.

Господь доколе хранит твою душу, доколе ты хранишь свой язык. Не умножай слов, многословие удалит от тебя Дух Божий.

Не возвышай голоса. Находясь в обществе братии, сохраняй молчание; если понадобится тебе обратиться к ним с чем-либо, тогда скажи им об этом коротко, со смирением.

Не приклони слуха, чтобы услышать зло о ближнем, будь другом человеков, и стяжешь Жизнь Вечную.

Люби бесчестие, нежели почести; люби телесные труды более, нежели упокоение тела; люби ущерб более, чем приобретение.

Великое дело научиться молчанию. Молчание — подражание Господу нашему, Который *ничто не отвеща, яко дивится Пилату* (Мк. 15, 5).

Пока побеждает тебя грех, хотя и в мелочах, не признавай себя бесстрастным.

Кому дарована свобода, в памяти того уже не возобновляются прежние согрешения. Не признавай себя свободным, доколе прогневлешь в чем-либо Владыку твоего. Не может быть дарована свобода человеку, пока он желает чего-либо, принадлежащего миру.

Верующий, что для святых уготовано Царство, старается хранить себя от малейших и ничтожнейших уклонений от закона Божия, чтобы сделаться сосудом избранным. Верующий, что тело его воскреснет в день общего Воскресения, заботится очистить его от всякой скверны.

Нет в мире ничего такого, что могло бы отлучить от любви Божией сердце, в которое она вселилась.

Любящему человеческую славу невозможно достичь бесстрастия; зависть и рвение живут в нем.

Подвизающийся познает значение греха и всю горечь его; небрегающий о подвижничестве prepares себе муку.

Возненавидь мирские беседы, чтобы сердце твое сделалось способным узреть Бога.

Люби молиться часто, чтобы просветилось сердце твое.

Не люби лень, тогда страх Божий вселится в тебя.

Возненавидь возжелание яств, чтобы блудная страсть не возбранила тебе вход в землю обетованную.

Вспоминай о геенне и ненавидь дела, влекущие в нее.

Приговаривая предстать Ему — и будешь творить волю Его.

Во всякой погрешности приноси покаяние — и не подвергнешься недоумению в час смерти.

Кто ищет славы Божией, тот старается уничтожить в себе всякую нечистоту.

Страсти рождаются от нерадения.

Милостыня руководствует к любви. Благодать к ближнему — мать чистоты.

От многих попечений и рассеянности рождаются страсти.

Жестокосердие — отец гнева.

Душевный пост состоит в отвержении попечений.

Плачем изгоняются из души все страсти.

От славы человеческой мало-помалу рождается гордость.

Воздержание чрева укрощает страсти; возжигает их прихотливое употребление пищи. Основание всех добродетелей — смиренномудрие, основание всех страстей — чревообъядение.

Венец добродетелей — любовь; венец страстей — оправдание грехов своих.

Не надейся на крепость свою, и помощь Божия всегда будет содействовать тебе.

Храни слух твой, чтобы не навлечь брань самому на себя.

Постоянно совещайся с отцами — и всю жизнь свою проведешь спокойно.

Чистота сердца доказывается нерассеянной молитвой.

Любовь свидетельствуется неосуждением ближних.

Боголюбное сердце чуждо мстительности.

Безмолвие состоит в том, чтобы не отвлекаться ни в чем от служения Богу.

Нищета духовная — принадлежность сердца незлобивого.

Мир души — от повиновения ее сил уму.

Кротость является в терпении.

Милость сердца обнаруживается прощением обид и оскорблений.

Целомудрием сохраняются в целости добродетели.

Духовный разум — и победитель, и хранитель.

Когда, наконец, увидишь, что во время молитвы совесть не обличает тебя ни в одном виде греха, тогда это будет признаком, что ты точно получил свободу и по воле Всесвятого Бога взошел в святой покой Его.

Приносящие истинное покаяние не занимаются уже осуждением ближних, они занимаются оплакиванием своих грехов.

Если тебя поносят и ты скорбишь от этого, то нет в тебе истинного плача. Если тебя кто прославляет и ты принимаешь похвалу, то нет в тебе страха Божия. Если скажут о тебе что-то несправедливо и ты смутишься, то нет в тебе страха Божия.

Кто оправдывает себя, тот отчуждает себя от покаяния. Кто осуждает грешников, тот разрушает в себе покаяние.

Начало всех добродетелей и начало премудрости — страх Господень. Страх Господень — слава, благодать великая. Страх Господень искореняет из души все грехи и всякий вид лукавства.

Гордость и высокоумие низвергли диавола с Неба в преисподнюю; смирение и кротость возносят человека с земли на Небо.

Рыба, вынутая из воды, умирает; так уничтожается и страх Божий в сердце монаха, допускающего частые выходы из келлии.

Страх Господень делает человека свободным и спасает его от грехов, от уготованных грешникам вечных казней и от злейшего дракона.

Страсти: блуд, похотение греховное, сребролюбие, уныние, злоречие, гнев, ненависть, тщеславие и гордость — это главные ветви зла. Все страсти, если попущена им будет свобода, действуют, возрастают, усиливаются в душе, наконец, объемлют ее, овладеют ею и отлучат ее от Бога; это те тяжкие бремена, которые возлегли на Адама после того, как он вкусил от древа; эти страсти убил на Кресте Господь наш Иисус Христос. Это те ветхие мехи, в которые не вливается вино новое; это те пелены, ко-

торыми обвязан был Лазарь; это бесы, посланные Христом в стадо свиней; это ветхий человек, которого повелевает Апостол христианину совлечь с себя; это волчцы и терния, которые начала извергать Адаму земля после того, как он был извергнут из рая».

Мы привели собственные изречения отца Андроника, помещенные в его дневнике. Вся же рукопись включает назидательно-нравоучительные высказывания многих отцов Церкви и поучительные случаи из их жизни.

Отец Андроник, когда его спрашивали, что делать, если меня раздражает тот-то, обижает этот, отвечал: «Не видь, не слышь». Этим он призывал обратить внимание на себя, начать с себя, в себе увидеть причину духовной слабости. Батюшка говорил, что нет хуже гордости, она хуже блуда и сребролюбия, ибо через нее светлые Ангелы сделались бесами. Так же и люди в своей гордости уподобляются демонам. Спросили демона, чего он боится, он ответил: «Смирения». Богу приятнее смирение грешника, чем гордость праведника. На вопрос, что должен делать монах в своей келлии, отец Андроник отвечал: «Плакать. Посади дерево, не поливай — оно засохнет. Так и монах, сидя в келлии, к молитвенному правилу должен добавить слезы. Под деревом разумею молитву, а под поливанием — слезы, которые надо просить у Господа: «Даждь ми слезы и память смертную». Иначе нас ожидает ад». На вопрос о том, что есть страх Божий, старец сказал: «Ничего не делать по своей воле, на всяком месте ощущать присутствие Божие, потому и делать все как перед Богом, а не перед людьми».

Молитва из помянника отца Андроника: «Спаси, Господи, и помилуй ненавидящих, и обидящих мя, и творящих ми пакости, и не остави их погибнути мене ради, грешного... Спаси, Господи, и помилуй, их же аз безумием моим соблазних и от пути спасительнаго отвратих, к делом злым и неподобным приведох, Божественным Твоим Промыслом к пути спасения паки возврати. Отступивший от православныя веры и погибельными ересьми ос-

лепленные, светом Твоего познания просвети и Святых Твоей Апостольской Соборной Церкви причти». Старец рекомендовал каждому монаху и мирянину читать 17-ю кафизму и, по окончании ее, помянник, начиная с приведенных выше слов прошения к Господу о спасении обидчиков.

В последний период жизни схиархимандрит Андроник часто говорил ученикам: «Вручаю вас Матери Божией. Она вас не оставит. Она вас избрала, Она и спасет вас!» Так же он и мирянам говорил, что вручает их Матери Божией.

В келлии отца Андроника были только несколько икон и книг, по которым он молился. Одевался он очень просто, денег у себя не держал, все сразу раздавал нуждающимся. Он и другим внушал не хранить деньги: *где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 20). По слову Христову, полагал он свое сердце в небесные сокровища, туда же возносил и ум свой. Память смертная, как верный страж, охраняла сердце праведника от привязанности к временному и тленному, вселяя в него жажду вечного. Шестдесят восемь лет подвизался угодник Божий в иноческой жизни и блаженную кончину встретил Промыслом Божиим вне родной обители.

В ноябре 1973 года, во время чтения утренней молитвы «Боже, очисти мя, грешного...» старец стал говорить невнятно и сбивчиво, вскоре у него пропала речь и отнялась левая сторона. Многие полагали, что ему осталось жить несколько часов, но Божиим Промышлением он еще должен был пожить на пользу своих духовных чад. Митрополит Зиновий навещал его ежедневно. Через 25 дней речь его восстановилась, но левая сторона так и осталась парализована. Не имея возможности посещать храм, отец Андроник непрестанно молился в келлии, ежедневно причащался Святых Христовых Таин. На 1-й седмице Великого поста отец Андроник почувствовал облегчение и даже смог пропеть ирмос «Помощник и Покровитель...» Но на 3-й седмице его состояние ухудшилось, и он пере-

стал принимать пищу. 17 марта 1974 года, в воскресенье, в половине шестого утра, отец Андроник впал в забытие. Это состояние продолжалось до 10 часов вечера, когда он внятно произнес слова «милость Божия все покроет», а затем начал кого-то благословлять. По-видимому, за его строгую, подвижническую жизнь Господь сподобил его узреть отшедших своих собратий по духу. После этого он пришел в себя и тихо сказал: «Я буду умирать», — затем закрыл глаза и уже ни с кем не говорил, хотя все понимал и был в полном сознании. Силы старца слабели, и 21 марта, в четверг, в начале шестого часа утра отец Андроник в мирной и безболезненной кончине предал дух свой Богу.

21 марта гроб с телом почившего схиархимандрита Андроника был поставлен в соборе во имя благоверного князя Александра Невского, где митрополитом Зиновием была совершена великая панихида. Тело старца находилось в соборе до 26 марта. У гроба совершались панихиды и читалось местными и приезжими священниками Святое Евангелие.

26 марта архимандрит Иоанн (Маслов) с собором клириков совершил литургию Преждеосвященных Даров. Чин погребения схиархимандрита Андроника совершил митрополит Зиновий с собором клириков. Игумен Иларион (Приходько) сказал прощальное слово, в котором подчеркнул, что отец Андроник был большим тружеником, человеком широкой души, глубокой веры. Его сердце было исполнено сострадательной любви к каждому человеку, он жил не для себя, но для народа, поэтому к нему вполне приложимо наименование — печальник душ человеческих. В воспоминаниях архимандрита Павлина описан случай исцеления больной женщины от крышки гроба старца во время отпевания его в церкви.

30 апреля, в 40-й день по преставлении к Богу схиархимандрита Андроника, могилу старца посетил Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всей Грузии Давид V. На кладбище Святейший Патриарх Давид по-

ложил на могилу праведника красное яйцо и, обращаясь к отцу Андронику, сказал: «Отец Андроник! Христос Воскресе! Мы знаем, что ты теперь в Царстве Небесном. Что отличало тебя в этой жизни? Ты не имел врагов, и потому все любили тебя. Ко всем открыто было твое любящее сердце. Молись за нас, чтобы и нам разделить радость твоего блаженства».

Устные предания хранят сведения о тех, кто получил благодатную помощь после смерти старца по его молитвам. Так, монахиня Красногорского монастыря Мария рассказывала, как сильно скорбела после смерти отца Андроника. В это время ей приснился удивительный сон. «На третий день после погребения, — вспоминала матушка Мария, — вижу во сне отца Андроника в окружении Ангелов. Подбежала я, смотрю: батюшка в золотой одежде служит у престола. Он подошел ко мне, ударил по голове крестообразно и сказал: «Чего же ты плачешь, передай братии и всем, что я вижу и слышу, пусть все говорят мне, я буду всем помогать. И тебя я слышу, не скорби. Пусть все мне говорят».

Многие и до сего дня стекаются со всех концов на могилку отца Андроника. Больные берут землю, и земля эта, по молитвам батюшки, дает им утешение и исцеление.

Схиархимандрит Серафим (Романцов)

Схиархимандрит Серафим родился 28 июня 1885 года в деревне Воронок Курской губернии в семье крестьянина Романа Романцова. В святом крещении ему дали имя Иоанн. Он окончил церковно-приходскую школу, а в 1910 году, после смерти родителей, поселился в Глинской пустыни. С 1914 года служил в армии, участвовал в Первой мировой войне. В 1916 году получил ранение, после выздоровления вернулся в Глинскую обитель.

Когда Иоанна приняли на послушание, то определили на кухню и велели обращаться со всеми вопросами и недоумениями к некому старцу. Сходил он к нему раз-

другой и загрустил. Что-то не заладилось в их взаимоотношениях, чего-то очень не хватало. Обижаться не на что, а вот душа не раскрывается. «Ты что, Ваня, такой скучный стал?» — спросил его как-то собрат, тоже исполнявший послушание на кухне. Не утерпел Иоанн и все ему рассказал. Тот предложил сходить к его старцу. Просто пойти послушать и поговорить, если захочет. Старец очень ему понравился. Такому он всю душу наизнанку вывернул бы. Конечно, он рассказал о том, что его беспокоит. Как же теперь быть? «Пойди к своему старцу и расскажи все, как есть. Если он тебя с миром отпустит, приходи ко мне». Шел Ваня и очень волновался: вдруг тот обидится? Старец выслушал и просто сказал: «Такое бывает. Что же, раз душа не лежит, иди. Я хочу тебе только пользы. Иди с миром».

В 1919 году Иоанн Романцов принял монашеский постриг с именем Ювеналий, и для него начались годы постижения науки из наук — монашеской жизни. Он терпеливо переносил искушения, под руководством мудрых старцев приобретал навык послушания и смирения, с усердием совершал подвиг молитвы. «Горячая молитва, — говорил он потом не раз, — ограждала меня во всех трудных обстоятельствах». В 1920 году он был рукоположен во иеродиакона. В 1922 году, после закрытия Глинской пустыни, отец Ювеналий поселился в Драндовском монастыре в честь Успения Божией Матери (Сухумская епархия).

Драндовский монастырь по численности и значению — второй в Абхазии после Новоафонского. Собор Драндовского монастыря построен в XI веке и освящен в честь Успения Божией Матери. При реставрации монастыря в XIX веке была обнаружена икона Божией Матери в полный рост, с молитвенно сложенными руками и опущенной головой, в народе ее называли «Скорбящей». Существуют списки с этой иконы. В Драндовском монастыре была типография, где издавались листки назидательного содержания для народа. После закрытия монастыря

на Новом Афоне часть новоафонских монахов переехала в Дранды. Там была образована сельскохозяйственная община, в которую вступали монахи, и это отсрочило закрытие Драндовской обители. В 1926 году епископ Сухумский Никон рукоположил отца Ювеналия во иеромонаха и постриг в схиму с именем Серафим. Когда закрыли и этот монастырь, отец Серафим некоторое время жил у своих знакомых около Сухуми, потом — с отшельниками в горах Абхазии. Их пустынька находилась примерно в 200 километрах от Сухуми. Усилиями самих подвижников (их насчитывалось в то время около 30 человек) там была построена церковь. Позже и это место было разорено, а монахи разогнаны.

С 1928 года отец Серафим жил в Киргизии. За веру был репрессирован и в течение почти десяти лет находился в местах лишения свободы. Из того периода его жизни известно только, что перед очередным этапом он встречался на распределительном пункте в Ростове с другими глинскими подвижниками — отцом Андроником и отцом Зиновием.

В 1947 году он вернулся в Глинскую пустынь и был назначен ее духовником. Если возникал какой-то вопрос, то говорили на украинский манер: «Иди до духовника». Он часто брал на себя и административные функции, оставляя особенно сложные вопросы для совместного решения с отцом Серафимом (Амелиным) и отцом Андроником. Отец Серафим, настоятель архимандрит Серафим (Амелин) и отец Андроник составили как бы основное старческое ядро обители, к ним притекали многочисленные паломники. Однако отец Серафим (Романцов) был более заметен для богомольцев. Он распределял приезжих по квартирам, во все вникал, часто исповедовал, и к нему стояли бесконечные очереди «на совет». Люди ждали днями, лишь бы исповедоваться у старца и получить совет и наставление. Отец Серафим, добрый по складу характера, был строг в назидании. Он служил благодарственные молебны для всех

приезжавших в обитель, а также отправлявшихся в обратный путь. Батюшка давал наставления и советы везде — по дороге, на послушании, в келлии. Советы его никогда не были системой запретов, а указания не напоминали мелочной опеки. Кто калялся, он прощал с любовью, снисходя к человеческим немощам. Но при снисхождении оставалось главное — ощущение, что человеку хотят помочь, удержать от уныния, однако заповедь оставалась непреклонным законом: не смог теперь, старайся в будущем. Он поддерживал, укреплял и направлял как иноков, так и мирян в период труднейших испытаний для Православной Церкви, когда тернистыми путями лишений и испытаний доказывались вера и преданность Господу нашему Иисусу Христу. Он принимал молящихся и по одному, и всех вместе: в зависимости от надобности и смотря по обстоятельствам. Отец Серафим был прозорлив, видел души приходящих, молился за них. По воспоминаниям людей, знавших батюшку, многие получили исцеление от хлеба и воды, полученных из его рук. Он был неутомим. С 4 часов утра до поздней ночи — на ногах. Ежедневно, утром и вечером, бывал на богослужениях в храме. В келлии исполнял свое монашеское правило, читал молебны и принимал людей. Но никто никогда не слышал от него ни жалоб, ни раздражения, ни высказываний, что он устал от всего или тяготится, ни единым движением он не выражал какого-либо недовольства. Он не думал об отдыхе и не считался с собой. Ночами старец отвечал на письма. На столе у него всегда возвышалась стопа писем, которые он просматривал и раскладывал на несколько кучек. Из тех, что содержали просьбы помолиться, он переписывал имена в синодик. Письма с просьбой о совете тщательно обдумывал, иногда откладывал, чтобы снова к ним вернуться, никогда не торопился с ответом, если было что-то серьезное. Отец Серафим старался помочь, утешить или наставить по мере своих возможностей. Очень не любил пустого многословия, затемняющего смысл, как и притворного словес-

Схиархимандрит Серафим (Романцов; + 1976)

ного смирения. Отец Серафим сам или с помощью духовных чад переписывал отрывки из произведений святителей Феофана и Игнатия, а также других духовных писателей и отсылал нуждающимся в поддержке духовным чадам вместе с ответом на письмо. В то время, когда духовная литература уничтожалась, это была своего рода лепта пастырского духовно-просветительского воспитания народа. На многих письмах в конце стоит его собственноручная приписка: «Давайте всем читать». На основе писем, переданных духовными чадами старца, постараемся рассказать, как отец Серафим руководствовал людей, доверивших ему свои души, к чему направлял их душевные силы.

Человеческая жизнь наполнена всякого рода трудностями и переживаниями. В одном из писем отец Серафим говорит о необходимости терпеливо переносить скорби, они дают нам возможность видеть «горечь греха и сладость благодати», т.е. отличать хорошее от плохого. Но в то же время нужно не самому делать выводы о пользе скорбей, а слушать советы опытных старцев, открывая им свои помыслы: «Не следует скорбеть, когда видим проявление наших немощей... В искушениях человек научается видеть все стороны своей души, как хорошие, так и плохие. Естественно, каждый стремится к хорошему, но не каждый может отличить хорошее от плохого, пока не научится на опыте, а чтобы приобрести опыт, требуется немалое время. Человек должен непременно испытать горечь греха и сладость благодати. Для этого очень хорошо и даже необходимо иметь руководителя в этом многотрудном пути. Я вам благословляю открывать свои помыслы опытному. Это весьма полезное дело. Роптать, конечно, не следует, но если уж пороптал, то покайся и не скорби. Ангелам свойственно никогда не падать, сатане свойственно падать и никогда не каяться, а человеку свойственно падать и вставать, т.е. согрешать и каяться». Приведенный отрывок из письма ясно указывает, куда нужно направлять ваш взор, чтобы видеть

ориентир к спасению. Это, конечно же, в первую очередь, покаяние, сокрушение о своих грехах, исповедь. Ведь мы знаем из Священного Писания о силе и благотворных плодах покаяния. И никогда не надо унывать. Господь только и ждет, чтобы мы обратились к Нему с сокрушением. Примером тому служит и история с благоразумным разбойником, который, проведя жизнь в грехе, перед смертью нашел в себе силы покаяться, получил прощение и первым удостоился пребывать со Спасителем в раю.

В другом письме, давая совет о перенесении скорбей с благодарением, отец Серафим пишет: «...Мы должны все переносить с детской покорностью — и приятное, и неприятное, и за все прославлять благого Бога, т.е. пришла какая скорбь или болезнь, будем говорить: «Слава Тебе, Господи». Умножились ли скорби и болезни, опять: «Слава Тебе, Господи». Безотрадные скорби и болезни усилились и ведут ко гробу, и опять: «Слава Тебе, Господи». Ибо по смерти вечно будем жить и радоваться во светлостях святых. А потому, что бы ни случилось с нами, за все будем благодарить Бога и говорить: «Слава Тебе, Господи». Болезнями и скорбями Господь врачует греховные раны нашей души. Переноси все трудности с благодарением к Господу, Он никогда не дает человеку крест, который тот не смог бы понести, и Своей благодатью укрепляет нас к преодолению трудностей. А ропотом и отчаянием мы отталкиваем от себя божественную помощь и, будучи сами не в состоянии нести бремя своих грехов, все более и более удаляемся от Бога. Поэтому отец Серафим и призывает в другом письме к перенесению скорбей, как от руки Божией посылаемых и с надеждой на Бога: «Великий старец преподобный Серафим, к которому вы имеете особую любовь и благоговение, так говорил: «Не имеющий скорбей не имеет спасения», — а поэтому нам надо взять свой крест скорбей и трудностей житейских и понести его безропотно, благодаря за все Господа. Господь не возлагает на нас Своего Великого Креста, но заповедует взять каждому свой собственный, т.е. быть готовым пере-

нести столько страстей, внешних и внутренних искушений, сколько на каждого наводит наказующее, очищающее и вместе с тем милующее Провидение Божие. Так и настройтесь, чтобы всегда говорить, всем существом своим чувствовать: «Все для меня делает Господь». Так и во всей жизни: припадении страстей и при всяких искушениях вражиих, в болезнях, в скорбях, в бедах и напастьях — во всех трудностях жизни говорите: «Все для меня делает Господь, а я сама не могу ничего сделать, ничего стерпеть, превозмочь, победить. Он — сила моя!»

О скорбях отец Серафим пишет в большинстве своих писем. Это связано с тем, что люди обращались к нему в минуты душевных потрясений, в трудных житейских обстоятельствах. Во все времена человек ведет непрестанную внутреннюю борьбу, а тут, и это надо учитывать, речь идет о переписке 50-70 годов XX столетия. В одном из писем отец Серафим проводит мысль, что скорби бывают в основном по двум причинам: либо от наших злых навыков, либо от зависти бесов, которые не могут спокойно смотреть на спасающегося. Но сила Божия превышает всего, поэтому если нам и попускаются испытания, то они служат самым верным лекарством, исцеляющим наши греховные немощи. «...Известился я, — пишет старец, — что многие скорби обдержат вас, и паче от зависти бесов и от злых навыков. Душевно сострадаю вам и прошу Всевышнего, дабы наделил вас благодушным терпением и кротостью. Помните и веруйте, что все бываемое от Господа бывает, и влас главы нашей не погибнет без Его святой воли. Этот тернистый путь скорбей и терния есть путь всех избранных Божиих. Сказано: *образ примите злострадания и долготерпения пророков и всех святых*. Да вот и святые Божии, которых весь мир не достоин, и те подвергались скорбям таким, о которых мы, грешные, и помыслить не можем. Вспомните Иова, плачущего на гноище, Предтечу, алчущего в пустыне, Петра, распятого на кресте, Саму Преподобную Матерь Спаса нашего, стоящую у креста Своего Божественного

Сына. Нам ли сетовать и роптать на наши, сравнительно с теми, ничтожные скорби? Но вот много таких людей, которые бедствуют, по-видимому, без всякой причины. За что они страждут? За что, например, страждут невинные и безгрешные младенцы и другие прочие? Ответ на этот вопрос тот же, какой Иисус Христос дал Апостолам, когда спросили Его о слепце: *ни сей не согрешил, ни родители его, но да явятся дела Божии на нем* (Ин. 9, 3). Кто бы как ни страдал, при благодушном терпении и благодарении Богу много пользы получает от своих страданий. Страждет телом, зато не будет страдать душой. Страдает какое-то время, зато будет блаженствовать вечно. Но все же Богу возможно ли без этих тяжких страданий спасти нас? Да, Богу все возможно, Бог творит, что нам полезно. Этого требуют закон Его любви и правда. Нет человека без греха. Мы все рождаемся во грехах, во грехах живем, во всех есть семена злобы. Скорби, посылаемые нам от Бога, хотя и горькие, но это — верное лекарство, которое исцеляет наши греховные немощи, останавливает в нас действия злых наклонностей. *«...Хвалимся в скорбех, — говорит Апостол, — ведяще, яко скорбь терпение соделоваеет, терпение же искусство... упование же не посрамит»* (Рим. 5, 3-5). Нет ни одного страдальца, который бы терпел случайно и понапрасну, и нет ни одного бедствия, которое бы не принесло страдающему пользы, не содействовало бы к лучшему. Это лучшее иногда сбывается на земле, но большей частью оно там, на Небе, ибо *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Сказано: *егоже бо любит Господь, наказует* (Притч. 3, 12), — и еще: *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19). Давайте терпеть и спасемся: *претерпевый до конца — той спасен будет* (Мф. 10, 22). Итак, простите меня в том, что сам еще неключим и не стяжал и малого навыка к терпению, а убеждаю вас в этой добродетели. Не я убеждаю вас, а слова нашего Подвигоположника Господа Иисуса...»

Большое внимание отец Серафим уделял хранению мира душевного, что так же связано с надеждой на Господа, на Его всепрощающую милость и любовь, связано с сознанием своей собственной немощи, с пониманием того, что без Его помощи и поддержки мы не в состоянии делать даже малых дел на пользу нашей души. «...Не исполнили желания по немощи, со спокойным духом скажите: «Помилуй мя, Господи, яко немощна есмь». Не исполнили благие желания от лености и нерадения, опять со спокойным духом скажите: «Господи, не вниди в суд с рабом Твоим». Пришли дурные мысли – снова со спокойным духом скажите: «Господи, избави меня от сих». Рассердились на кого или осудили за что, паки с тем же покойным духом обратитесь к Господу и скажите: «Согреших, Господи, прости меня, горделивую и нетерпеливую». Вдруг, как туча, нашли тоска и отчаяние, паки к Господу обратитесь и скажите своей унылой душе: «Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя, уповай на Бога». И таким образом во всех случаях старайтесь сохранять сердце свое в спокойствии от смущения, как от неприязненного духа. Это рецепт от болезней душевных и телесных на все время жизни Вашей».

Давая назидательные наставления, как поступать, чтобы находиться в душевном равновесии, отец Серафим в одном из писем раскрывает и причины расстройств: «Болею сердцем моим о том, что у вас в одно время бывает и брак, и погребение, т.е. и радость, и печаль, так что в одно время налагаете на себя и то, и другое, и сразу разрушаете все, и после чувствуете досаду, и смущение, и хулу, и отчаяние, и негодование на все и всех, начиная с некоторых конкретных лиц и до Бога, потому невозможно и покойным вам быть».

В других письмах отец Серафим пишет о значении, хранении и стяжании сердечного мира и призывает молиться за обидчиков, дает конкретное указание на то, чего надо придерживаться, чтобы достичь мирного состояния: «Мир душевный выше всего, выше поста и молитвы.

За обидчиков молись, они твои друзья, через них тебе Господь дает венцы, а если ропщешь, то лишаешься венцов... Избегай любопытства, пересудов и всего лишнего, не относящегося к тебе. Каждый день готовь себя к искушениям, и скорбям, и всякого рода обидам, клеветам и тому подобному; знай — это к тебе милость Божия идет. За претерпение всего встанешь в ряды мучеников и без других подвигов сподобишься Царствия Небесного. Помни главное: 1) Считай каждый день последним и проводи его в страхе Божиим и с сокрушением сердечным. Сокращай суету, избегай празднословия. Памятуй о Боге и взывай к Нему с покаянием. 2) Не суди и не осуждай никого, иначе себя осудишь. Не разбирай чужих мыслей, дел, и кляуз, и сплетен, проходи мимо; это враг старается рассеять тебя и отвлечь от молитвы. 3) Знай Бога, храни Его заповеди, слушай духовного отца. От ближних принимай в душу только доброе, что согласно с заповедями Божиими».

Относительно смирения, отец Серафим советовал «приобретать в душу свою смирение Христово, без которого человек беден и никогда не может быть покоен в духе, без которого вся великодаровитость человека есть навозная куча». «Потому усердно желаю вам, — говорит он, — приобрести эту дивную добродетель и просить ее себе у родившегося Христа, Спасителя нашего, Который Своим смирением разрушил всю силу вражью и просветил всю Вселенную».

По поводу несения своего жизненного креста и об отношении к ближним отец Серафим в одном из писем говорит: «Итак, не печалься, предайся воле Божией, Он не оставит того, кто на Него надеется. Самые страшные бури послужат верному рабу Христову в великую пользу. Пусть эти бури послужат для тебя предуготовительным, опытным учением к перенесению более страшных и опасных будущих бурь. А эти бури последуют непременно, потому что так установил Премудрый Промысл Божий, чтоб многими скорбями входить нам в Царствие Небес-

ное, которое мы потеряли, да и сейчас теряем, снимая с себя иго Христово — скорби, ища преждевременного утешения и наслаждения. Смертоносен крест для того, кто креста своего не преобразил в крест Христов, кто с креста своего ропщет на Божественный Промысл, хулит его, кто предается безнадежии и отчаянию. Таковые снимаются с креста своего только для того, чтобы снизойти душами в вечный гроб, в темницу ада... Выпей мужественно горькую чашу обстоятельств на работе и среди родных, так как ее подает тебе Отец Всеблагий и Премудрый. Подумай: ведь не фарисей, не Каиафа, не Иуда приготовили ее тебе, не Пилат и его воины подают тебе эту чашу, и *чашу, юже даде Мне Отец, не имам не пити?* Старайся всеми силами не огорчать мать и сестер, старайся снисходить к их немощи, это будет для них утешением, а для тебя наградой... Ограждай себя страхом Божиим. Бог всемогущ, любящих Его Он спасает от искушений, а лукавых предает погибели. Старайся непрестанно устремлять помышления к Богу, и Он сохранит тебя среди клокочущего моря страстей. Оберегай себя от праздных и растлевающих душу бесед. Кто вроде бы ищет Бога, но вместе с тем любит плотскую волю сердца и руководствуется плотским мудрованием, тот храм своей души оскверняет. Никогда не ищи правды у людей, т.е. не требуй ее от них, но найди правду в самой себе и покажи ее на деле».

Приведем пастырское изъяснение отца Серафима пути к спасению: «На спасительном пути нужно хранить совершенное незлобие, благое смирение и благое послушание, во всякой вещи и деле необходимо руководствоваться словом Божиим. Жизнь духовная действуется верой, а вера свидетельствуется делами. Когда хотите побеждать бесов, уступать должны человекам. Оскорбит ли кто? Уступи ему, и наступит мирная тишина, избавляющая душу от смущения. В духовной жизни не воздается злом за зло, но зло побеждается благочестно. Добро творите обидящим вас, молитесь за творящих вам напасть,

и всю печаль возложите на Господа. Он заступник и утешитель страждущим. Духовное богатство приобретается в терпении. Терпение же испрашивается непрестанной молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — и помилует. *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13; 12, 7). Милостивые помилованы будут и ублажатся. *Им же судом судите — судят вам. В ню же меру мерите, возмерится и вам. Якоже хотите да творят вам человецы, и вы творите им такожде. Любите друг друга, якоже Аз возлюбих вас* (Мф. 7, 2; 7, 12. Ин. 13, 34-35). Христос говорит: *«Аще любовь имете между собою — Мои ученицы есть... Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят»* (Мф. 5, 8). Итак, очистим чувства и узрим в неприступном свете блистающего Христа. И за праздное слово воздать надобно будет ответ в День Судный. *Блюдайте убо, како опасно ходите. Нельзя служить вкупе Богу и миру. Спасайтесь о Господе».*

В другом же письме отец Серафим увещевает совершать спасение без уныния, но и без ложной надежды: «Прошу вас не унывать, но и о своем спасении не обнадеживаться, что, дескать, Господь Бог не ради праведников, но ради грешников с Небес на землю сошел, дабы их спасти, посему и вас и меня, грешного, спасет... Мы не так ныне живем, как праведные отцы и матери, за то должны в мысли своей осудить себя и сказать: «Горе нашему нерадению, горе нашему ленивству, горе нашему нетерпению, горе нашему непослушанию» — и проч. ... Фарисей больше нашего и молился, и постился, но без смирения, и весь труд его ни во что, потому вы ревнуйте более мытареву смирению, которое обычно рождается от послушания...»

Приведем выдержки еще из одного письма отца Серафима, касающиеся пастырских советов о молитвенном делании и памяти о Боге: «... Среди докучливых, а иногда и устрашающих искушений, добро же всегда иметь Господа перед собой и в Его присутствии находиться в непрестанной молитве, при себе удерживать это возжеленное присутствие Сладчайшего Господа. Надо также

помнить, что в умном делании, или непрестанной молитве Иисусовой, скрыты тайны Царствия Божия, и эти тайны открываются постепенно только тому, кто находится в непрестанном покаянии, истинно кающемуся (видит себя хуже всех). Самое правильное в этом умном делании, особенно в настоящее время и в наших условиях, это все происходящее с нами принимать как от руки Божией, с благодарностью и покорно претерпевать всякие скорби. Если же мы будем относиться к этому великому деланию нерадиво и без страха Божия, небрежно, невнимательно, неблагоговейно и будет забвение о благоутробном и если будут произрастать в нас раздражение, гневливость, досадование на близких, осуждение и прочие недобрые плоды нашей гордости: тщеславие, самолюбие, спокойно гнездящиеся под кровом нашей молитвы, — то такое наше молитвенное делание будет в опасном положении, не на правильном пути. Скажу же коротко, что для каждого живущего в мирской обстановке лучше всего и безопаснее проходить первый образ умной молитвы, т.е. непрестанно произносить, если никого нет, вслух слова молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Старайся на всяком месте иметь в устах это сладчайшее Имя Иисусово. Его всегда ищи, о нем всегда помышляй. Возлюби это, насколько можешь, и получишь от Господа разум и силу... чтобы победить вражью силу, и сподобишься неизреченного в этот и в будущий век».

Некоторая часть писем касается частных, семейных обстоятельств адресатов. И тогда советы старца подкрепляются назидательными примерами из Священного Писания и житий подвижников Божиих. В другой части писем дословно цитируются главы Библии, приводятся слова молитв, после чего отец Серафим дает краткое их пояснение и разбор.

О чем бы отец Серафим ни вел письменную беседу, он придерживался правила святых отцов — не ругать и не хвалить. Если человек был расстроен, старец старался успокоить, ободрить, утешить напоминанием различных

случаев, говорящих о милости Божией. Если кто-то в потоке самооправдания не хотел мириться с трудностями жизни, охотно осуждал и винил все и всех, такому отец Серафим строго и серьезно указывал на непозволительное в его настроении. Обычно для того и другого случая старец приводил слова святых подвижников, строки из псалмов, Евангелия, сочинений святых отцов. Делал это для уверения обращающихся в том, что Церковь жива одним духом во все века. Он давал нравоучительный совет или назидал возгордившихся, но во всем прослеживается его собственное смирение, несмотря на строгость и требовательность тона. Да и подпись в конце писем свидетельствует о том же — «недостойный Серафим». Таким образом старец подчеркивал, что дело не в нем самом, что он только несет свое послушание, что, только уповая на помощь Божию, он дает духовные советы и нравственные назидания своим пасомым.

Приведем несколько коротеньких изречений-советов, которые отец Серафим давал своим духовным чадам.

«Люби всех, чтобы у тебя все были святы. Люби всех — и сам, и все твои спасутся. Знай себя, бойся себя и хватит с тебя». Он каялся всегда. Куда бы ни шел, всегда читал молитвы «Достойно есть...» и «Господи, прости меня, великого грешника». Был, как Ангел, все делал с улыбкой. От добра и ради добра он был строг. Но к каждому знал подход. Делился со всеми, раздавал все, что у него было.

В заключение приведем отрывки из воспоминаний одной из многих духовных дочерей отца Серафима — монахини Марии. Как-то она тяжело заболела, и ее отправили лечиться в родной город Таганрог. Она лежала дома недвижимая и просила угодников Божиих и молитв старцев об исцелении. Однажды после усердной молитвы больная увидела в окно, что в калитку вошел отец Серафим. Он перекрестил дом и ушел. Часа через четыре ее пришла проведать другая монахиня, принесла просфору от отца Серафима, которую батюшка передал больной. Он ехал из Москвы в Сухуми. На таганрогском вокзале

его встречали духовные дети. Когда отец Серафим вышел на перрон, то спросил, как больная, где ее дом, и перекрестил ее сторону. Сопоставив время благословения старца и его явления во дворе больной, монахини поняли, что это произошло одновременно. Через несколько дней батюшка явился монахине Марии во сне и спросил: «Я тебя звал, почему ты не едешь ко мне?» Утром пришло письмо от отца Серафима. Он писал: «Погрузись на поезд и отправляйся в Сухуми. Я буду тебя встречать». Врачи запретили ей двигаться, но матушка боялась нарушить благословение старца. Ее погрузили в поезд, и отец Серафим сам встретил ее. На другой день батюшка собрал две сумки по 10 кг и благословил матушку Марию вместе с его послушницей отнести в горы все необходимое подвизавшимся там монахам. Матушка исполнила послушание и, к своему удивлению, никакой болезни в дороге не чувствовала.

Как-то отец Серафим вызвал монахиню Марию и сказал: «Ты поедешь к владыке Зиновию в Тбилиси». Когда матушка приехала в Тбилиси и увидела владыку Зиновия, чемодан выпал у нее из рук: она узнала в нем того старца, который ей приснился однажды в больнице. В то время она была очень плоха и почти умирала. После молитвы она уснула, и во сне ей явился преподобный Серафим Саровский с неким старцем, который дал ей просфору с изображением Иверской иконы Божией Матери. Преподобный Серафим сказал: «Иди и служи у этого старца на Афоне». Этим старцем и был владыка Зиновий. Когда матушка вошла к нему в келлию, он сказал: «Станешь служить в Иверском приделе Божией Матери».

Отец Серафим жил в Глинской пустыни на втором этаже двухэтажной «башни-столпа», за что его называли «столпником». Келлия была маленькая — три на три метра. В ней были 2-3 иконы, полка, кровать, стол, два стула, в углу — умывальник.

В тот период отец Серафим несколько раз приезжал хлопотать по делам обители в Москву. И здесь его окру-

жал народ, во множестве стекавшийся в комнатку, где он останавливался. Держался батюшка просто и был неприхотлив. Если надо было ехать на другой конец Москвы, то он ехал, как все, не требуя такси, помощника, не жалуясь на хлопоты или неудобства. Для него их не существовало, он думал о деле, ради которого приехал, и о людях, которых не хотел бы стеснять. В электричке садился в уголок, тихо и молча сидел, делая вид, что дремлет, как обычный старичок. В городе ходил в плаще или пальто, подобрав полы рясы и спрятав волосы в шляпу. Делал это не потому, что стеснялся своего священнического вида, а для того, чтобы не навлечь неприятностей на тех, у кого останавливался, чтобы люди потом не переживали из-за нареканий родственников или соседей. Если чего-то не знал, никогда не стеснялся спросить.

В разговоре отец Серафим старался не столько сам говорить, сколько отвечать на заданные ему вопросы. Если спрашивали о пустяках, то он, только чтобы не обидеть, говорил через силу. Учил молиться всегда, как только позволяют условия. Принимая множество людей, он мог оценить каждого, разобраться и дать совет по любому вопросу, сообразуясь со Священным Писанием и творениями святых отцов. В зависимости от душевного состояния каждого человека, его жизненных условий, он индивидуально налагал молитвенное правило. Одним добавлял к ежедневным обязательным молитвословиям акафисты и каноны или советовал чаще читать Псалтирь, а другим, наоборот, благословлял сокращать до минимума утренние и вечерние молитвы, но с условием, чтобы в течение дня или по дороге на работу и обратно нашли время и прочитали все остальное. Говоря о великой пользе молитвы в ночное время, отец Серафим в то же время предупреждал, чтобы этим не злоупотребляли и соразмеряли свои силы. Ни непосильных правил, ни трудных послушаний отец Серафим не давал, соотносил их со способностями и возможностями человека. Он го-

ворил, что в пустыньке в горах Абхазии вместо пятисотницы было обязательным вычитывать 30 четок: 20 — Иисусова молитва и 10 — «Пресвятая Богородица, спаси нас, грешных».

О духовных дарованиях и трудах отца Серафима был осведомлен и Святейший Патриарх Алексий, который в 1957 году наградил его наперсным крестом. А в 1960 году отец Серафим был удостоен сана игумена.

В 1961 году, когда закрыли Глинскую пустынь, отец Серафим приехал в Грузию, которую знал с молодых лет и где были знакомые и близкие люди, они помогли устроиться. Сначала он жил в Очамчири, у одного прихожанина церкви села Илори, потом перебрался в Сухуми. Там отец Серафим был духовником в кафедральном соборе. Пока были силы, он приходил на службу, помогал священникам исповедовать, читал записки и вынимал частицы. С появлением отца Серафима в храме прибавилось народа, больше приходило на исповедь, больше стало приезжих. Приезжали к нему и монахи Глинской пустыни, рассеянные по всей стране. Он принимал всех, помогал устроиться и всем, чем мог. Те, кто в то время бывал у старца, вспоминали, что на исповеди отец Серафим был очень строг, но его строгость не вызывала давящего страха. Монахов, особенно молодых, отец Серафим предостерегал об опасности всевозможных представлений во время молитвы, «чудесных откровений», «явлений» и т.п. из того, что аскеты называли **прелестью**, т.е. обманом, ложными чудесами, которые принимает гордый человек как бы в подтверждение своей исключительности. Поверить в истинность неистинных «явлений», «ощущений», «благодатных откровений» опаснее всего потому, что гордое сердце верит только себе и не принимает ни обличений, ни предостережений, ни указаний на опасность положения. Прельщенный может кончить даже нервным расстройством.

Об Иисусовой молитве отец Серафим говорил: главное в ней — чувство покаяния. Нельзя относиться к молитве

как к средству достижения необыкновенных духовных состояний. Чтобы в душе гасли подобные желания, отец Серафим советовал прежде всего внимать словам молитвы и только потом (тем, кто приобрел этот навык) возможно соединить произнесение слов с ритмом дыхания. Вообще же отец Серафим был против всех искусственных приемов. Когда говорили о желании соединить Иисусову молитву с сердцем, ввести ее в сердце, как написано об этом у делателей молитвы Иисусовой, то отец Серафим обращал внимание на то, что сердце предварительно должно быть очищено от страстей, особенно от гордости, а это — труд всей жизни. Если же взяться за преждевременное соединение ума и сердца в молитве Иисусовой, то можно вызвать обострение, т.е. усиление страстей, «впасть в помыслы» (как называют это святые отцы) и кончить психическим расстройством. Вина здесь не молитва, а самомнение неопытного и непослушного «молитвенника». Когда отец Серафим замечал, что с вопросами об Иисусовой молитве к нему обращаются люди, склонные к гордости, которым особенно грозит самообман, то он советовал читать молитву мытаря, с обязательным вниманием к словам, в покаянной настроенности.

Вообще, на вопрос о молитве отец Серафим отвечал по-разному, учитывая обстановку, привычки, опыт, возраст, условия. Кто любил читать акафисты и каноны, отец Серафим благословлял читать, когда позволяют условия. Он и сам любил акафисты, особенно Успению Божией Матери. У себя в келлии, да и там, где останавливался, по возможности он служил вечерню, утреню, обедню. Особенно чтил устав и самоволие не одобрял. Кто хотел и мог, с благословения отца Серафима, вычитывал пятисотницу, чтобы приобрести навык к Иисусовой молитве. Так как отец Серафим некоторое время жил с пустынниками, интерес к духовной жизни — реальной, трезвой, строгой и деятельной — сохранился в нем на всю жизнь. К пустыни он иногда возвращался в воспоминаниях. Рассказывал разное, в зависимости от категории

слушателей: как защищали огород с кукурузой от медведя, связав пустые консервные банки так, чтобы шум отпугивал зверя, как толкли сухари и из этой крошки быстро варили «суп», засыпая ее в кипяток, как менялся образ молитвы, в зависимости от обстоятельств. Вообще, отец Серафим не считал очень важным и нужным особенно строгие, трудные телесные подвиги, вроде ношения власяниц, вериг, очень строгого поста и т.п., так как в наше время все поражено гордостью — и воспитание, и окружение, и все понятия. При таком бедственном состоянии подвиги не только не принесут духовной пользы, но и повредят, усиливая и обостряя гордость, что может кончиться духовным расстройством. Обычно отец Серафим старался заострить внимание на необходимости смирения.

Монахов Глинской пустыни, рассеянных после закрытия обители, отец Серафим жалел, опекал, прививал им чувство единства, охотно встречал их в Грузии, советовал посещать святыне места, где бывал неоднократно и сам. Когда его просили, он благословлял молиться с четками не только монахов, но и мирян, предупреждая, что правило, данное при этом, надо исполнять. Обычно после исповеди налагал определенную епитимью — поклоны (допустим — 40), которые можно было разделить на части, но выполнить нужно было обязательно. Вообще, он говорил просто, серьезно, твердо.

Отец Серафим любил во всем простоту, искренность, ясность. В жизни он держался настолько просто, что многие удивлялись его скромности, его боязни кого-либо затруднить, побеспокоить. Когда его видели в сухумском соборе, когда он ходил по святым местам Абхазии (он бывал не раз в Сигнахи, Команах, на Иверской горе), не каждый в скромно одетом старичке узнавал духовника обители, к которому тянулись нескончаемым потоком богомольцы со всех концов страны. Он так же просто и незаметно помогал нуждающимся, например, женским монастырям в Грузии, о существовании которых, каза-

лось, забыли местные жители. И из Глинской пустыни, при его содействии, шли посылки для монастырей, отдельным монахам, затерянным в миру. Помогать в этом деле он благословлял спокойных, понимающих, послушных и неболтливых людей. Им не надо было говорить, что милостыню творят тайно. Когда у отца Серафима просили благословения на брак, он серьезно и строго предупреждал, чтобы ни при каких обстоятельствах не убивали своих детей. Так прямо, без всяких иностранных слов требовал обещания выполнить это условие.

Для интеллигентов, интересующихся духовной жизнью и просящих благословения на Иисусову молитву, у отца Серафима был совет начать с книги епископа Феофана «Письма о духовной жизни», которая помогает разобраться в этой «науке из наук», предостерегает от ошибок, указывает на необходимые ориентиры в советах святых отцов (из «Добротолюбия»). Отец Серафим считал, что интеллигенции особенно важно иметь руководителя, так как большинство запуталось в сложностях своей и общественной жизни, им труднее, чем кому бы то ни было. Простым людям он советовал избегать всяких ссор, хранить мир, доброжелательность, послушание Церкви, усердие к молитве. Когда спрашивали про книгу «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, отец Серафим не советовал ее читать, как и те книги, которые могли смутить верующих неправославной направленностью (т.е. возбуждающие игру воображения, концентрирующие на этом внимание). Чаще других отец Серафим советовал читать книги святителей Феофана и Игнатия, праведного Иоанна Кронштадтского.

Большое внимание отец Серафим уделял и такому духовному деланию, как откровение помыслов. Понятие о пользе откровения помыслов укоренилось в Глинской пустыни еще во времена игумена Филарета. Кто знал по опыту силу откровения помыслов, тот пользовался малейшей возможностью делать это. В Глинской пустыни многие монахи ежедневно ходили для этого к старцам.

Отец Серафим советовал и в миру не забывать об этом делании, правда, не всякому открывать душу, а тому, кто понимает его необходимость и пользу и способен терпеливо и доброжелательно выслушивать, т.е. к человеку единомысленному и умеющему молчать.

Последние годы своей многотрудной жизни, как уже было сказано, отец Серафим провел в уделе Божией Матери. Жил он в Сухуми Абхазской епархии, которая с середины 40-х годов входила в состав Грузинского Патриархата. Неоценимы его заслуги и перед Грузинской Церковью, направленные на общее дело укрепления Православия. За ревностное служение Святой Церкви митрополитом Сухумским и Абхазским Илией (в настоящее время — Святейший и Блаженнейший Илия II, Католикос-Патриарх всей Грузии, архиепископ Мцхетский и Тбилисский) отец Серафим в 1975 году был возведен в сан архимандрита.

До конца жизни отец Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума, крепкую веру в Бога и глубокое молитвенное чувство. Он обладал даром непрестанной Иисусовой молитвы и особым талантом принимать исповедь.

18 декабря 1975 года, во время всенощного бдения в канун праздника Святителя Николая, отец Серафим почувствовал себя плохо. Когда он слег, то все время вслух читал Иисусову молитву, если уставал, то просил других продолжить ее чтение. В течение двух недель он ежедневно причащался Святых Христовых Таин. Будучи в полном сознании, старец смог проститься с многими братьями по духу. Он тогда же сказал: «О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати...» С 31 декабря старец Серафим уже ни с кем не говорил, а днем 1 января 1976 года он мирно предал свой дух Богу. Канон на исход души читал игумен Исаия, бывший послушник Глинской пустыни. «Весть о кончине схиархимандрита Серафима облетела многие места нашей Родины, она наполнила глу-

бокой грустью сердца духовных чад отца Серафима», — писал в некрологе доцент Московской Духовной Академии архимандрит Иоанн (Маслов).

2 января гроб с телом схиархимандрита Серафима был поставлен в кафедральном соборе Сухуми. Три дня не прекращались чтение Евангелия и служение панихид. И все это время собор был заполнен духовными детьми отца Серафима, которые пришли проститься со своим наставником и молитвенником. 4 января, в Неделю пред Рождеством Христовым, митрополит Илия в сослужении многих клириков совершил Божественную литургию и чин погребения почившего старца. Владыка произнес сердечное надгробное слово, в котором охарактеризовал старца как истинного христианина, смиренного труженика и благодатного молитвенника. Погребен схиархимандрит Серафим на Михайловском кладбище в Сухуми.

«Для многих православных ощутима потеря отца Серафима, — пишет в некрологе отец Иоанн. — Но мы утешаемся мыслью, что он не умер, а лишь отошел в тот мир, о котором тайнозритель говорит: *«Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они упокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними»* (Откр. 14, 13)».

Архимандрит Таврион

Тихон Батозский (так звали старца в миру) родился в 1898 году в небольшом городке Краснокутске Харьковской губернии. Он был десятым и последним ребенком казначея городской управы. Отец был властным и крутым, но все же семья жила дружно. Начальное образование дети получили в приходской школе. Однажды, будучи уже старцем, отец Таврион вспоминал детские годы: «Случалось так, что мои братья готовили уроки, читая вслух, и я, лежа на печи, все слушал. Позднее, в школе, на уроках истории я частенько залезал под парту и рисовал, потому что очень любил это занятие. Однажды

учитель заметил меня и вытянул за ухо». Но убедившись в том, что мальчик знал материал, знал даже то, что еще в школе не проходили, он позволил ему рисовать на своих уроках.

Закончив школу, Тихон в 1911 году убежал из дома и отправился на поклонение только что прославленному святителю Иоасафу Белгородскому. В Белгороде тринадцатилетний беглец, устав, уснул на ступеньках неподалеку от раки святителя. Святитель Иоасаф явился отроку во сне и повелел идти в Глинскую пустынь, что тот и исполнил. Однако Тихону недолго пришлось жить в монастыре: отец начал розыск, а наместник, узнав обо всем, в сопровождении монаха отправил мальчика домой.

Отец заставил продолжить образование в городе Дергачи. Тихон смирился, но постоянно думал о пустыни, чувствовал, что его место там. В рождественские каникулы 1913 года Тихон привез родственникам подарки: крестики, иконки. Когда все рассматривали их, юноша на коленях стал умолять отца отпустить его в монастырь. Домашние уже давно поддерживали такое желание Тихона, но на этот раз и отец не смог отказать сыну. И в том же году Тихон Батозский был принят послушником в Глинскую пустынь.

Первым послушанием Тихона стала работа в иконописной мастерской. В 1920 году он вместе с многими братьями был привлечен к трудовой повинности. В 1921 году, за год до закрытия Глинской пустыни, уже будучи монахом, он вместе с епископом Рыльским Павлином (Крошечкиным) приехал в Москву. Таврион сдружился с владыкой Павлином, когда тот был еще молодым монахом. Выходец из крестьян, он окончил Московскую Духовную Академию и стал прекрасным проповедником, добрым и отзывчивым к чужому горю пастырем. Епископ Павлин был наставником молодого монаха Тавриона.

В Москве Таврион поселился в Новоспасском монастыре. Он продолжал заниматься иконописанием; выполняя поручения епископа Павлина, активно участвовал в

церковной жизни. В 1923 году Таврион, по указу святителя Тихона, был рукоположен во иеродиакона. В 1925 году Новоспасский монастырь был закрыт и иеродиакон Таврион переехал к епископу Павлину в Курск. В том же году он был рукоположен во пресвитера и получил благословение на ежедневное служение Божественной литургии. В 1926 году двадцативосьмилетнего иеромонаха возводят в сан игумена витебского Маркова монастыря. Однако и этот монастырь вскоре был закрыт. Игумен Таврион вернулся в Москву. К тому времени Русская Церковь, не имея разрешения на созыв Собора, уже почти два года не могла избрать своего главу — Патриарха. Владыка Павлин, неравнодушный к судьбе Церкви, выступил инициатором выборов Патриарха путем тайного сбора подписей. Игумен Таврион принял в этом деле активное участие: он один из тех, кто ездил по России с подписными листами. Мнение епископата было достаточно ясным: за митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) поставили подпись 72 человека. Однако после расстрела двух помощников епископа Павлина и ареста сорока епископов (в том числе митрополитов Сергия и Кирилла) дело продолжаться не могло.

В декабре 1927 года митрополит Сергей направил епископа Павлина в Пермь, возведя его в сан архиепископа. С ним отправились отец Таврион, ставший уже архимандритом, и келейник Владыки иеродиакон Андроник (Лукаш), также бывший глинский монах. В Перми архимандрит Таврион был назначен настоятелем Федосиевской церкви.

Отец Таврион деятельно помогал архиепископу Павлину в борьбе с обновленчеством. В конце 1930 года владыку Павлина назначили на Калужскую кафедру. С ним переехали в Калугу и глинные монахи.

С лета 1931 года для отца Тавриона начались долгие мытарства на островах архипелага ГУЛАГ. Сначала —

*По воспоминаниям архимандрита Иоанна (Чувызгалова).

строительство Беломоро-Балтийского канала, затем — Березниковский гигант советской химии под Соликамском и, вероятно, шахты Инты. Общие бараки, тяжелый, непосильный труд — таков быт и такова жизнь тех лет. Вера во всеблагий Промысл помогла выстоять. Позже отец Таврион вспоминал: «Тащишь, бывало, тачку... а на сердце радость — сегодня Пасха».

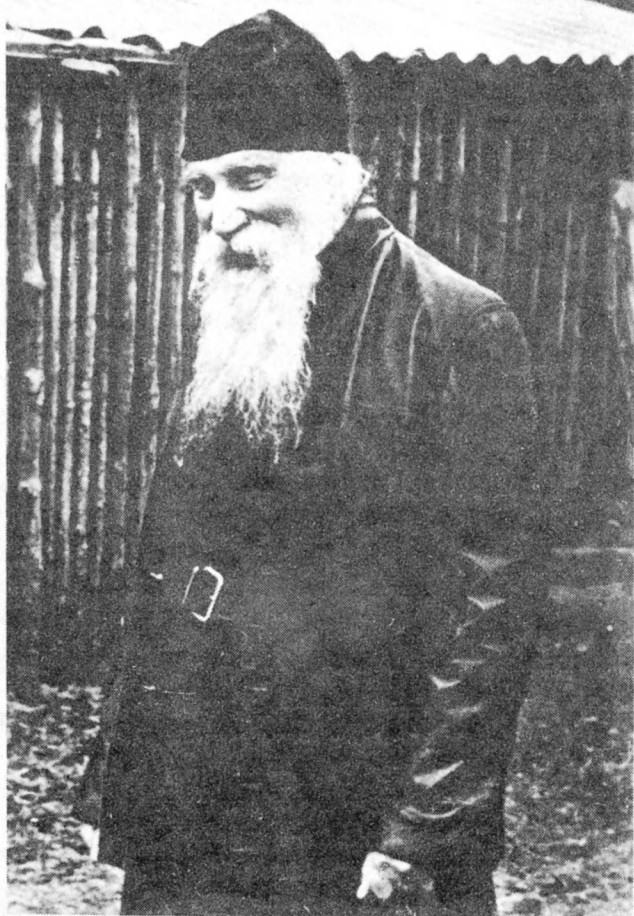
В 1935 году, после освобождения, архимандрит Таврион поселился в Калуге, но вскоре переехал в Курск. Попытка навестить находящегося еще в Мариинском лагере архиепископа Павлина закончилась неудачей. После заключения отцу Тавриону не разрешали служить в церкви, поэтому он стал работать в светских учреждениях: в Калуге был художником, в Курске преподавателем в художественной школе.

Жизнь в доме, где поселился отец Таврион, шла почти по монастырскому уставу: поднимались в три часа и начинали день с молитвы. После литургии шли на работу.

27 декабря 1940 года архимандрит Таврион был арестован во второй раз и приговорен к пятнадцати годам лишения свободы. В Туринском лагере Свердловской области отец Таврион стал оформителем. Жил прямо на сцене клуба. Как и в первое свое заключение, отец Таврион и на этот раз в лагере служил литургию.

После освобождения (по одним источникам — в 1947-м, по другим — в 1953-м году) старца сослали в Казахстан, в Кустанайский край. Везли в товарном вагоне вместе со ссыльными поволжскими немцами. В дороге пыталась покончить с собой разлученная с мужем и детьми женщина. Старцу удалось ее спасти.

Голая степь — место ссылки — встретила поселенцев дождем. Для жилья они вырыли себе землянки. В своей келлии-землянке старец каждый день служил литургию. Позже в местечке Федоровка соорудили церковь, тоже в землянке, установив сверху крест. Время ссылки, по воспоминаниям отца Тавриона, было для него самым тяжелым.

Архимандрит Тазрион (+1978)

В 1956 году обвинение с отца Тавриона было снято, и его восстановили в правах. 25 мая того же года архиепископ Иоанн (Лавриненко) принял отца архимандрита в штат Пермского кафедрального собора.

В это время старшая братия Глинской пустыни обратилась к Патриарху с просьбой перевести отца Тавриона в обитель, в помощь больному настоятелю архимандриту Серафиму (Амелину), который тогда был уже в преклонных годах. Патриарх благословил переход отца Тавриона в обитель, но с его появлением возникли разногласия среди насельников: одни поддерживали стремление отца Тавриона вернуться к прежнему строгому уставу Глинской пустыни, другие тяготились не трудами, а невозможностью отдохнуть ночью, если полунощницу перенести на 12 часов. Молодых монахов было мало и на пожилых лежал основной труд. Из-за этих разногласий в обители не стало мира. Это побудило совет старцев просить Патриарха перевести отца Тавриона. Настоятелю удалось снова всех умиротворить.

Некоторое время отец Таврион жил в Почаевской лавре, а затем стал секретарем Уфимского епархиального управления. В это трудное время он старался упрочить положение церквей, противодействовал их закрытию, подбадривал верующих. Такая деятельность была не угодна местной власти, и отца Тавриона сняли с должности.

С 1961 года отец Таврион служил в храме села Некрасово Ярославской епархии.

В 1962 году Патриарх Алексей хотел рукоположить архимандрита Тавриона во епископа Курского. Совет по делам религий, учитывая «высокую активность отца Тавриона на религиозном фронте», высказался против хиротонии, и рукоположение стало невозможным. С 1964 года архимандрит Таврион служил в селе Некоуз Ярославской епархии. В 1969 году архимандрит Таврион стал духовником клириков Рижской епархии и братии рижского Троице-Сергиевого монастыря, а также священни-

ком монастырской Спасо-Преображенской пустыни. Отец Таврион приехал к рижскому владыке Леониду (по его приглашению) с общиной своих духовных чад: монахинь и пожилых женщин. Он прожил в пустыни до конца своих дней. Ко времени его поселения в пустыни ее постройки были уже ветхими. Стараниями старца и сестер пустынь начала восстанавливаться. В то время Церкви трудно было что-либо строить, но отец Таврион старался использовать любую возможность. Однажды, пригласив в пустынь официальных лиц, отец Таврион добился разрешения на постройку бани. Позднее к ней добавили второй этаж, где разместили гостиницу для паломников. Под предлогом, что нужен сарай, выстроили трапезную и кухню. Словом, большинство помещений в пустыни появилось при отце Таврионе.

Отец Таврион ежедневно служил литургию, это было средоточием его духовной жизни. Служил он особо: на «Святый Боже», после пения первый раз хором, батюшка поворачивался к молящимся и призывал петь всем вместе; оканчивал пение хор. После чтения Евангелия отец Таврион перечитывал текст на русском языке и толковал его. Тайные молитвы он читал вслух. Иногда батюшка в течение литургии трижды переодевался: начинал служить в облачении цвета дня, Евхаристический канон совершал в красном, а причащал в белом облачении. Много внимания он уделял и благолепию храма. Круглый год его украшали живые цветы.

Однако главным в своей жизни и в жизни обители старец Таврион считал служение ближним. Он говорил, обращаясь к молящимся: «Обитель была создана еще в то время, когда требовалось просвещение народа и укрепление веры православной в этом крае. Значит, первая обязанность наша — духовное удовлетворение ваших религиозных запросов. Многие из вас приходят как бы в последней надежде для своего здоровья и для мира совести. Мы это понимаем. Значит, от нас зависит умиротворить вашу совесть, обнадеежить вас в добром здравии. И

мы предлагаем вам то, что Господь уполномочил для вас делать. Поэтому вы для нас уже неизгладимы в мыслях, в нашем сознании...» Старец каждого встречал как дорогого и желанного гостя, стараясь укрепить и ободрить.

С приходом отца Тавриона в эту пустынь, не имевшую славного прошлого, основанную только в конце XIX века, туда потекли люди со всех концов страны. Летом ежедневно причащалось до двухсот человек, а в престольный праздник — Преображение Господне — храм не мог вместить всех желающих и литургию совершали под открытым небом.

В будни утреннее правило в пустыни начиналось в пять утра, затем читались часы и начиналась исповедь. Когда на солею, чуть сутулясь, выходил отец Таврион, народ стягивался поближе к батюшке. В совместной молитве люди начинали чувствовать, что они действительно братья и сестры, которых объединяет добрый пастырь, наставник, печальник и молитвенник. Всех паломников старец благословлял ежедневно исповедоваться и причащаться Святых Таин. Пища для них всегда была постная: суп, каша и чай, хотя и три раза в день. Монашествующие причащались не столь часто и поэтому ели отдельно. Перед отъездом, согласно обычаю, паломники подходили к отцу Тавриону за благословением. Старец обычно кратко наставлял и благословлял на дорогу.

В поучениях отца Тавриона была тема несения каждым человеком своего креста, тема тщательного, заботливого исполнения дела, на которое он поставлен. Отец Таврион также призывал всех очиститься покаянием, просветиться Христовым учением, чтобы избавиться от греховной скверны и нести свет Христов в мир. Батюшка приводил слова Христа: *вы свет мира, вы соль земли!* — и пояснял: «Не подумайте, будто это означает, что надо красивыми словами блистать. Нет! Жизнью, поступками надо рассказывать о своей вере. Надо каждому из нас приняться за дело, надо самого себя исправлять. Познать свои таланты, усовершенствовать их. На всяком пути,

при всяком положении для нас открыто широкое поле деятельности в благовестии Христовом! Живи по-христиански — вот и благовестие!»

Отец Таврион подчеркивал важность церковной молитвы: «...Наша молитва в церкви могущественна. Этой молитвой существует вся Вселенная». Прихожанам не нужно было много рассказывать о себе, отец Таврион видел и понимал человека без лишних слов, ибо обладал даром прозорливости. Так игуменни монастыря Магдалине еще задолго до ее игуменства он сказал об этом назначении. Тот, кто однажды побывал у старца Тавриона в пустыни, стремился приехать туда еще раз. Многих отец Таврион вдохновил на служение Церкви: нередко после общения с ним приезжавшие к нему становились священниками и монахами. Каждый, памятуя и о старце, старался нести людям свет Христов.

Ценя отца Тавриона, Патриарх наградил его патриаршим крестом и двумя орденами святого равноапостольного князя Владимира II степени.

Прожив жизнь исповедника, архимандрит Таврион и умирал как мученик. Врачи обнаружили у него рак пищевода. От операции восьмидесятилетний старец отказался. За полгода до смерти он с трудом глотал пищу. С Пасхи 1978 года отец Таврион уже не мог служить ежедневно, а в День Святого Духа слег окончательно.

Старец любил повторять, что «место истинного христианина на Голгофе, которую он должен пережить как венец своей жизни — умереть на своем кресте, ибо если мы со Христом умрем, то с Христом и воскреснем». Достойно пронеся через всю жизнь свой нелегкий крест, отец Таврион, причастившись Святых Христовых Таин, во время чтения отходной молитвы тихо почил 13 августа 1978 года, в 6 часов 40 минут утра. Накануне природа как бы плакала, проливая на землю капли дождя, а после кончины старца выглянуло солнце, погода стала ясной, красота и умиротворенность были поистине необыкновенными.

Похороны старца стали еще одним свидетельством почитания отца Тавриона верующим народом. 15 августа рижский владыка Леонид совершил чин погребения в сослужении двадцати двух священников из Московской, Рижской, Ленинградской и Пермской епархий, из Псково-Печерской и Троице-Сергиевой обителей. Множество народа приехало проститься со старцем Таврионом. Молились о почившем в Спасо-Преображенском соборе.

Скорбь о кончине старца в телеграммах выразили Патриархи Московский Пимен и Грузинский Илия II; митрополиты: Таллинский Алексей, Ярославский Иоанн и Тетрицкарыйский Зиновий.

Погребен архимандрит Таврион на кладбище пустыни, рядом с Преображенским храмом.

И крупички не растерять...

В воспоминаниях, дневниках, письмах сохранились некоторые сведения и о других глиньских подвижниках, отдельные штрихи из повседневной жизни обители до ее разорения в 1922 году и в 60-е годы XX века. Дошли до нас и горестные известия о тех муках и страданиях, что выпали на долю глиньских монахов в период репрессий. Хотелось бы сохранить для потомков даже крупички знаний о святой обители.

О времени до первого закрытия пустыни записаны рассказы иноков обители, поступивших в нее при настоятеле отце Исаии. Наиболее подробное воспоминание оставил архимандрит Геннадий. Когда он в молодые годы почувствовал желание стать монахом, то отправился в Киев. После деревенской тишины, знакомой ему с детства, он впервые увидел шумный многолюдный город. Юноше хотелось поговорить о своем желании с кем-нибудь из знающих монастырскую жизнь, и он решил рассказать отцу Пимену, гостинику Киево-Печерской Лавры, о своих впечатлениях и мечтах. Отец Пимен предупредил его, что монашеская жизнь не так проста,

как думают миряне. В миру враг спасения действует через других людей, а в монастыре, особенно в пустыни, надо вести войну непосредственно с невидимым врагом, который более жесток и коварен, чем самый озлобленный человек. Без помощи Божией одолеть его невозможно. Григорий (так звали отца Геннадия в миру) сказал, что в тишине подземных келлий (в пещерах) будет слышнее зов Божий и острее чувство близости к Господу, что пустынная обитель ему кажется более удобным местом для спасения. Отец Пимен с этим согласился. Григорий вспомнил, что у регента своей приходской церкви видел недавно новую картину, на которой изображена обитель, расположенная в лесу, неподалеку от реки. Она ему очень понравилась, и он хорошо запомнил ее название: Глинская пустынь. Теперь он решил поехать туда.

Когда Григорий приближался к обители, был канун праздника Пятидесятницы. Народ шел и ехал на праздник в пустынь. Лесок, скрывавший обитель, кончился, и Григорий увидел на фоне зелени белые ворота с надвратным храмом. Они показались ему вратами рая. Он подошел поближе и упал на колени. В этот момент раздался первый мощный удар колокола. Звон поплыл над лесом, призывая всех к всеобщей великого праздника святой Пятидесятницы. Проходя святыми вратами, Григорий увидел надпись: *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37). Ему показалось, что эти слова обращены, в первую очередь, к нему. Собор был весь в зелени. Ветви клена, липы, березы украшали его. Григорию хотелось найти уголок, где поменьше народа, но все укромные места были заняты. На западной стене он увидел изображение недавно прославленного преподобного Серафима, молящегося на камне в лесу. На следующий день юноша заметил, что множество паломников стремится получить благословение старца Домна, ученика схиархимандрита Илиодора. К нему обращались за советом, просили благословения на какое-либо важное для себя дело. Григорий также подошел к нему и рассказал о своем жела-

нии. Старец, благословляя его, сказал: «Давно пора. Думаю, что тебе еще не поздно». Обрадованный Григорий на следующий день обратился к гостинику отцу Парфению с просьбой дать ему какое-нибудь послушание. Так он попал в число кандидатов в послушники. Ему сначала поручили читать записки на проскомидии, а через неделю назначили в новой гостинице помогать отцу Геронтию убирать комнаты, ставить самовар, разносить пищу паломникам.

Через полгода отец Парфений собрал всех кандидатов и повел к настоятелю за благословением. Настоятель отец Исаия принял всех в кельии игумена Филарета, почитаемого в обители как духовного отца всей братии, почившей и здравствующей. Отец Исаия спросил имена пришедших, поинтересовался и тем, чем они занимались дома, что привлекло их в монастырь. Потом взял Евангелие и дал прочитать каждому по несколько строк. Григорию предложил прочитать о работниках в винограднике господина, целый день нанимавшего тех, кто остался без работы. Слова Евангелия: *идите и вы в виноград Мой* (Мф. 20, 4) — поразили Григория так, что он потом всю жизнь их помнил как призыв, обращенный именно к нему.

Благословляя принятым послушникам носить рясу, скуфью и четки, настоятель сказал: «Дети мои, трудитесь, молитесь и поститесь. По мере возможности подражайте жизни и подвигам святых отцов, как любимые дети благочестивых родителей. Всегда помните и в жизни руководствуйтесь словами пророка: *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его и в законе Его поучится день и ночь* (Пс. 1, 1-2). После этого каждому послушнику благословили обращаться к старцу. Григорий пошел к старцу иеромонаху Пионию, который был экономом обители. Старец пригласил его к чаю, чтобы поговорить, спросил о родителях и благословил написать им письмо, чтобы попросить

прощение и благословение на узкий монашеский путь, обещая никогда не забывать их в своих молитвах. После беседы со старцем Григорий почувствовал себя легко и отрадно, понял, что он не один на неведомом трудном пути и может теперь своему духовному отцу поведать все мысли, тревоги, открывать совесть и жить с полным доверием старцу.

Однажды настоятель и эконо́м проходили по монастырю, и отец Пионий предложил отцу Исаии посадить сад на свободном участке земли в южной части монастырской территории. Отцу Исаии хотелось разбить здесь виноградник. Отец Пионий сомневался, ведь нигде в Курской губернии не разводят виноград. Позвали Григория, который прежде жил на юге и работал на винограднике. Он подтвердил, что виноград может созреть и здесь, если создать ему хорошие условия. Настоятель благословил его съездить домой и приготовить саженцы. Григорий привез их и посадил. Через три года, на удивление братии и паломников, в праздник Преображения Господня в обители освящали свой виноград.

В дни великих праздников настоятель благословлял иноков посещать место явления иконы Рождества Пресвятой Богородицы, ходить на кладбище или на источник. Можно было пойти и в дальний, Спасо-Илиодоровский, скит. Каждому старец благословлял сделать что-то конкретное.

После октябрьского переворота Григорий, ставший архимандритом Геннадием, был в заключении и «пропал без вести», вероятно, в 30-х годах.

В горах Киргизии

В начале XX века епископ Верненский и Семиреченский Александр (Кульчицкий) освятил мужской монастырь в селе Кутурга близ Пржевальска. Сюда в 10-е годы для миссионерской деятельности из Глинской пустыни были направлены иеромонахи Серафим, Феогност,

Ираклий, Пахомий и Анатолий. Известна фамилия только отца Ираклия — Матях. О других иноках никаких сведений не сохранилось.

Летом 1916 года произошло восстание киргизов, и они напали на Кутургинский монастырь. А.С.Нагибина рассказывает, что слышала от верненских монахов рассказ отца Ираклия о разыгравшейся в монастыре трагедии. Киргизы ворвались в обитель и стали требовать ценности. Но у монахов никаких сокровищ не было. Захватчики кричали, шумели и, наконец, велели к определенному дню приготовить ценности, какие есть, угрожая расправой в случае неисполнения приказа. Тогда часть монахов ушла из монастыря: кто в горы, кто в ближайшие селения. Отец Ираклий и монахи преклонного возраста остались. К назначенному дню все они исповедались и причастились Святых Таин. Киргизы приехали утром, принялись стучать в двери саблями. Монахи не открывали и молились.

«На меня напал страх, — вспоминал отец Ираклий, — видимо, мне не время было умирать, неготовый был. Я побежал на колокольню, стал искать, где спрятаться. Метался-метался и подлез под тес, лежавший близ железной кровли. Киргизы, выбив двери, зашли в монастырь и учинили разгром: побили иконы, забрали церковную утварь — чаши, подносы, кресты. Потом во дворе началась казнь. Я лежал под крышей, и мне все было видно. Было очень жарко. Кровельное железо так накалилось, что я чуть не сгорел, очень хотелось пить, но пришлось все терпеть. Монахам саблями отрубали носы, уши, руки, ноги. Сделают человека, как самовар, он кровью исходит. Не знаю, как я это все вынес. Потом одного старца повесили за ноги вниз головой и начали сдирать с него кожу. Содрали и сунули ее ему в рот с криком: «Держи!» Он висит вниз головой, держит собственную кожу. Все окровавлено. Не пощадили никого, всех порубили. Под вечер, к заходу солнца, киргизы сели на лошадей и уехали. А я все под крышей лежу. Потом появились люди из селений и ушедшие монахи стали подходить. Тогда я попытался

выбраться из своего убежища. Свалился на пол колокольни: у меня ни руки, ни ноги не двигаются. Пить хочу, катаюсь по полу, чтобы хоть немного отойти. Наконец скатился вниз. Меня братия увидели, напоили водой, плачем все. К утру раненные умерли, и мы их похоронили. Приехало начальство из города, монастырь решили закрыть». (В настоящее время там располагается сельхозтехникум). Монахи ушли, кто куда. Отцы Ираклий, Серафим, Феогност, Пахомий и Анатолий пошли в город Верный и поселились в районе Медео на горе Мохнатой. Поставили келлии, вырыли подземную церковь. В 1917 году после закрытия верненского Иверско-Серафимовского женского монастыря, уступив скит на Медео монахиням, они перешли в Аксайское ущелье на гору Малый Кызыл-Жар. (По другой версии, ушли на новое место в 1916 году из-за многолюдства, ища более уединенной жизни). На горе поставили келлии на расстоянии приблизительно 100 метров одна от другой. Вырыли три пещеры: в одной хранили продукты, в двух других молились. (Пещеры существуют и поныне).

Отец Серафим (ему было тогда около 50 лет) был духовником скита. Человек строгой жизни, образованный, он занимался иконописью, имел хороший голос. Когда отец Серафим был еще юношей, его матери было откровение во сне, что он будет мучеником.

Между скитами на Медео и Кызыл-Жарским было сообщение: ездили через горы на лошадях. В горах монахи сеяли овес, косили сено, разводили пчел, возможно, вырезали из дерева крестики и церковную утварь. У источника рядом со скитом отец Серафим сажал гвоздики, которые в небольшом количестве можно найти и сегодня. На другой стороне ущелья, через речку, находилась пасека, где жил старый пасечник-вдовец со своими детьми. Монахи любили бывать у пасечника и беседовать с ним.

В августе 1921 года все пятеро пошли в город на праздник целителя Пантелеимона. Двое из монахов — отец Ираклий и отец Пахомий остались ночевать в го-

роде, а отец Феогност, отец Серафим и отец Анатолий возвратились в горы. Когда они подошли к скиту, то увидели, что двое красноармейцев (русский и дунганин) пасут табун лошадей. Вечером красноармейцы зашли в келлию к отцу Серафиму, который угостил их чаем с медом. Отец Серафим затем пошел и сказал отцу Анатолию: «Пришли пастухи, пьют чай, молчат и кругом смотрят, как звери; вся моя душа трепещет». На рассвете красноармейцы вернулись в келлию отца Серафима, который в это время молился, и дважды выстрелили в него. Потом пошли в келлию отца Феогноста, который в это время спал, и застрелили его в упор. Отец Анатолий, услышав выстрелы и крик отца Серафима, бросился бежать на пасеку. Прибежал чуть живой, без одежды, едва не утонул в реке. Красноармейцы обшарили келлии, видно, искали деньги, и ни с чем ушли.

Отец Ираклий, ночевавший в городе, видел во сне, как на скит напали эфиопы. Утром с пасеки в город пришли люди и рассказали о случившемся. Монахи, монахини и несколько прихожан пошли в скит, но не смогли попасть гуда трое суток: река разлилась и снесла перекидной мостик. Переправились через реку только на четвертые сутки. Отца Феогноста нашли лежащим в келлии с четками в руках. Отец Серафим лежал на поляне, на том самом месте, где сейчас могила мучеников. По-видимому, он был ранен и умер от потери крови. Вырыли могилу, покрыли ее досками и, завернув монахов в мантии, без гробов, похоронили. Поставили кресты и посадили рядом четыре ели.

Убийц нашли, но военный трибунал судить их отказался. Сказали так: «Они убили монахов, а монахов мы и сами убиваем». Впоследствии эти двое порешили какого-то чиновника. Их судили и приговорили к расстрелу.

Провидя свою кончину, отец Серафим говорил духовным чадам: «Меня здесь похоронят, а вы каждый год ходите ко мне на могилу». Монахини и прихожане исполняли это послушание. Старец-пасечник, что жил по-со-

седству с монахами, завещал своим детям: «Тех, кто идет на поминки, поить чаем, наливать мед и давать столовые ложки — пусть ложками мед едят и батюшек поминают». В 50-е годы верующие после праздника целителя Пантелеимона пошли, по обычаю, на поминки и зашли, как всегда, на пасеку. Пасека к тому времени стала государственной, но потомки пасечника еще там оставались. На горе, со стороны пасеки, построили дач. Пасечники удивились приходу верующих и все спрашивали, разве они не были еще в этом году на могилах? Оказывается в одну из ночей они слышали, как со стороны могил доносилось церковное пение, и сквозь ели видели свет на горе, думали, костер. Решили, что паломники пришли в этом году дней на десять раньше обычного, и обиделись, что они не зашли на пасеку. Поскорбели, а наутро налили бочонок меда — все равно накормим — и сами пошли на могилы. Но не нашли никаких следов, свидетельствующих о том, что там кто-либо был. Тогда вспомнили, как их родственники рассказывали, что и прежде не раз слышалось церковное пение на могилах.

Митрополит Иосиф очень интересовался этим вопросом. Не раз в разговорах повторял, что на месте погребения мучеников произошло чудо, а что за чудо, не говорил. Люди, совершавшие паломничество на это место, единодушно признают, что там есть особое присутствие благодати Божией*.

Но вернемся к тем далеким годам, когда произошли трагические события в уединенном скиту. Отец Пахомий, отец Ираклий и отец Анатолий после всего случившегося в скиту не остались. Со временем келлии монахов были разобраны на дрова и сожжены угольщиками. В настоящее время на месте келлий — ямы. Отец Ираклий затем жил в Талгаре у И. Д. Дмитриева. Поселиться в доме он отказался, построил себе келлию в саду. К нему иногда

* Данное повествование составлено группой по сбору сведений о жизни иеромонахов Серафима и Феоноста, которая входит в Комиссию по подготовке материалов о святых при Алма-Атинской епархии.

приходили вернинские монахини — Александра, Феодора, Евфалия, Мария и Магдалина. Отец Ираклий часто надолго уходил в горы. В 1928 году Дмитриева арестовали и со всей семьей отправили в ссылку на Аральское море. Незадолго до ареста отец Ираклий перешел в село Ананьево близ Пржевальска и поселился в саду у семьи А. М. Дубинина. Он принял схиму и жил там до кончины. В 1936 году отец Ираклий мирно почил.

Отец Пахомий обосновался в алма-атинских горах. На отшельников в то время устраивались частые облавы. Однажды его поймали, впоследствии он погиб.

Отец Анатолий, самый младший из монахов (в 1921 году ему не было и тридцати лет), ушел в Сухуми. Жил там также в горах. Достоверно неизвестно, когда он умер. По одним источникам был убит в 20-е годы, по другим — умер в начале 80-х годов.

Духовник схиигумен Антоний

Когда в 1942 году, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, обитель открыли, ее духовником был назначен схиигумен Антоний (в монашестве Аристоклий). Под его руководством начинал монашескую жизнь старец Андроник. Все время, пока пустынь была закрыта, отец Антоний жил в окрестных селах и городках. Иногда ездил причащать, соборовать. Как-то оказался он в селе Береза, что около Глухова. Один мальчик прибежал к соседке со своим младшим братом, чтобы увидеть бабушку. Отец Антоний сказал ему, что скоро откроется Глинская пустынь и пригласил туда мальчика с братом. И действительно, в 1943 году этот мальчик, будущий отец Симеон, поступил в обитель. Послушание ему дали на кухне. К старцу Антонию он ходил редко, так как было много работы. Однажды он пришел к нему, было это в 1945 году, и стал просить прощение за то, что редко ходит, а отец Антоний взял его за руку и сказал: «Об этом не беспокойся. Слушай внимательно мое завещание: 1) не

давай женщине волю — змию голову отрубишь; 2) не принимай доносчика — зло прекратишь; 3) о нерешенном спроси первого встречного, и Бог через него тебе ответит».

Молодой послушник не понял сказанного, но хорошо запомнил. Впоследствии он говорил, что сотни раз вспоминал наставления старца и этим руководствовался. «И, слава Богу, до сего времени Бог мне помогал», — писал отец Симеон. В конце своих воспоминаний он добавил, что отец Антоний, когда был еще молодым иеромонахом, два раза ходил пешком в Иерусалим.

Жизненный путь схиигумен Антоний окончил в пустыни в 1946 году.

Монах Адриан

На скотном дворе трудился худой, маленького роста, тщедушный монах Адриан. Он так и жил вместе со скотом. Огромные и своенравные быки слушались его беспрекословно. На водопой он их не гнал, а провожал, помахивая тоненькой хворостинкой. На быках пахали. Если кто-то обижал животных, то отец Адриан шел к отцу настоятелю и просил, чтобы он сделал замечание обидчику. Поразительно то, что сам отец Адриан не видел и не мог знать, кто как работал и как обращался с его быками, но говорил бывало:

— Отец архимандрит, Соловей (бык светлой масти) жалуется, его били.

— Да что ты, отец Адриан, как же бык может жаловаться?

— Жалуется, я вижу, он мне жалуется.

— Хорошо, иди, я спрошу, кто обижал быка.

Настоятель спрашивал и узнавал, что быка действительно били.

За свою простоту и любовь ко всякому созданию Божию, монах Адриан удостоился блаженной кончины. В один из дней ему стало не по себе, и через три часа он мирно отошел ко Господу.

Из воспоминаний архимандрита Михея (Хархарова)

Отец Михей жил в Глинской пустыни в свои молодые годы. Потом ему пришлось исполнять другие послушания, связанные с назначением на приходское служение. Его духовным отцом был отец Серафим (Романцов), с которым он поддерживал связь до кончины старца.

Об архимандрите Исаакии

В 1913 году со старого Афона из-за смуты, поднятой «имяславцами», выслали многих русских монахов. Отец Исаакий (в схиме Исаия), настоятель обители, охотно принимал их в пустыни, построил им келлии в скиту во имя праведных Богоотец Иоакима и Анны, чтобы они могли жить в уединении. О молодых монахах отец Исаакий заботился сам, следил, чтобы они преуспевали в духовной жизни. Он не только не поощрял стремления к роскоши, но считал щегольством даже желание приобрести себе, например, блестящие калоши или блестящий пояс. Не оставлял он без внимания и такие «мелочи» в поведении, как равнодушное помахивание четками или «играние» ими на ходу. Заметит такого монаха и сразу же вызовет к себе, сделает внушение.

Как пекли хлеб

Отец Серафим (духовник) рассказывал, как в дореволюционное время в обители пекли хлеб. В большой чан засыпали сразу 5 пудов муки (80 кг), вливали нужное количество воды, и 9 человек начинали месить тесто. Месили веслами. Старший ставил свое весло в центр, остальные расставляли по кругу. Старший читал по четкам сорок раз Иисусову молитву, во время которой 40 раз тесто мешали веслами в одном направлении, потом 40 раз — в другом направлении. Перемешанную массу все вместе

40 раз поднимали и опускали, чтобы тесто уплотнилось. В нужный момент добавляли закваску, давали подняться тесту и пекли в больших формах хлеб. Он получался очень вкусным, ароматным. Богомольцы любили брать с собой монастырский хлеб в благословение, так как он был «замешан» на молитве.

Обычай давать на дорогу довольно солидный кусок хлеба сохранился в обители и в послевоенные годы, когда монахи уже могли печь «чистый» хлеб. В годы войны, вскоре после открытия обители в 1942 году, хлеб пекли, в основном, из картошки с небольшим количеством ржаной муки. Сварят мелкую картошку в мундире, изомнут, добавят муки немного и пекут. Хлеб был тяжелый, но — вкусный. И такого давали по небольшому кусочку.

Встреча с гипнотизером

Отец Серафим (Романцов) был еще молодым послушником, когда началась Первая мировая война. Из монастыря взяли несколько человек на фронт, и его в том числе. Вскоре он был ранен и попал в госпиталь. Там среди раненых объявился гипнотизер, который старался действовать на всех, кто лежал рядом. Своими пассами он усыплял раненых, но на молодого послушника никак не мог повлиять. Отец Серафим говорил, что лежал и читал Иисусову молитву. Видя, что усилия гипнотизера пропадают даром, отец Серафим убедился, что это — не просто влияние на скрытые возможности человека, а давление дьявола, который легко одолевает незащищенную душу и не может проявить свои силы, если человек молится.

Невозмутимость Владыки

Одно время владыка Павлин жил в Москве в Новоспасском монастыре. Отец Андроник — келейник Владыки — рассказывал, как его однажды пригласили слу-

жить в один из храмов. Там на горнем месте висела большая лампада. Во время чтения Апостола иподиаконы, снимая амофор, нечаянно задели лампаду и все масло вылили на архиерея. Владыка Павлин не только не возмутился, но и вида не подал, не сказал ни одного слова в укор, только попросил полотенце, вытерся и спокойно продолжал литургию.

После смерти святого Патриарха Тихона владыке Павлину поручили объездить всех архиереев и получить письменное согласие на избрание Патриархом митрополита Кирилла, которого в завещании почивший Патриарх назначил Первым местоблюстителем. Владыка Павлин поручение выполнил. Когда он возвращался в Москву, то его в поезде арестовали, отобрали списки, вскоре посадили и тех архиереев, которые поставили свои подписи. Отец Андроник добровольно поехал с ним в ссылку. Там была действующая церковь, где владыка Павлин иногда молился, изредка служил. Жили они бедно, питались скудно. Иногда и хлеба не было. Отец Андроник во всем себе отказывал, чтобы только Владыке можно было что-то дать. Однажды к ним зашел нищий. Отец Андроник уже несколько дней не брал в рот ни крошки, берег последний кусочек хлеба Владыке. А тут нищий просит ради Христа. «Дай!» — слышится голос Владыки. Смущенный отец Андроник предупреждает: «Остался последний кусочек, завтра Вам нечего будет есть». Владыка повторил: «Дай».

Утром чуть свет в окно кто-то стучится. Отец Андроник видит, что пришел староста церкви и принес большой, только что испеченный хлеб. Владыка улыбался: «Ну вот, не дал бы нищему вчера, не получил бы сегодня каравай».

На Кавказе

Отец Серафим (Романцов) охотно вспоминал о том времени, когда он жил на Кавказе. Он ушел в горы вместе с отцом Николаем (тоже из глинских монахов). Устро-

ились в хатке, построенной в пустынном месте. Разделили ее перегородкой, чтобы не мешать друг другу разговорам. Для того, чтобы прокормиться, вскопали огород, посадили кукурузу. Употребляли в пищу каштаны. У некоторых монахов были пасеки. Чтобы иметь деньги для самых необходимых нужд, занимались ремеслом: резали ложки и продавали в селениях. Во время рукоделия старались не увлекаться посторонними мыслями, поэтому читали Иисусову молитву почти вслух. Чаще всего читал, как бы вздыхая, отец Николай: «Господи Иисусе Христе...», — давая знак (он был старшим) внимать себе и словам молитвы. Обед они готовили поочередно, никогда не обсуждая заранее, что варить, ни после — хорошо ли получилось. Поели, поблагодарили Бога и принялись за дело. Всегда у них был мир и согласие.

В Средней Азии

Отец Серафим вместе с отцом Николаем приехали в Среднюю Азию спастись от тропической малярии, которой заболели в горах Кавказа. Остановились у знакомого благочестивого человека, который предложил поселиться на пасеке. Отец Серафим остался, а отец Николай уехал в Ташкент. Кто-то донес, и отца Серафима арестовали. В тюрьме он встретился с князем Голицыным. Тот поинтересовался, за что посадили отца Серафима. Монах сказал, что не знает за собой никакой вины. Князь стал расспрашивать о том, как живут пустынники, что делают, чем питаются. Когда отец Серафим ответил на все его вопросы, князь заметил: «Мы хоть на свободе хорошо жили — в достатке, в довольстве, а монахи знали одни лишения, а теперь их и свободы лишили...» Когда отец Серафим отбыл свой срок, то поехал в Ташкент, снова встретился с отцом Николаем, который по просьбе верующих совершал разные требы, тем и кормился. Стали приглашать и отца Серафима. Когда владыка Гурий прибыл в Ташкент, то отец Серафим пришел к нему на

прием, и Владыка предложил ему место духовника в соборе, на что отец Серафим согласился. Тогда многие хотели креститься, и отцу Серафиму приходилось это исполнять, как и другие требы.

Военное время

Архимандрита Исаакия сменил архимандрит Нектарий. При нем в 1922 году обитель закрыли. Через двадцать лет он же хлопотал об открытии обители. Все эти годы отец Нектарий жил надеждой, что обитель будет открыта, и собирал, берег для нее все, что мог: церковную утварь, книги, деньги, вещи... Он поселился в ближайшей деревне Шалыгино, знал, кто из прежних глинских монахов жил поблизости. В 1942 году он стал настоятелем вновь открытой обители. Трудно ему было, как и всей немногочисленной братии. Шла война. Партизаны приходили ночью и требовали продуктов. Монахи делились, чем могли. Имели же они очень мало. Был у них небольшой огород, маленькое поле. Они сами сеяли хлеб, выращивали овощи. Земля песчаная, требует удобрения. Завели скотину. Монахи не могли себе позволить выпить молока, надо было платить налоги. Когда война кончилась, стало спокойнее, но скудость была еще долго. Монахи шили и рясы, и мантии, и подрясники из холста, который сами красили. Вместо обуви носили лапти. Освещались копилками. Для службы сами делали свечи из воска, приносимого крестьянами, берегли каждый огарочек. Для топлива монахи копали в болоте торф. Рядом был лес, но рубить его не разрешали, можно было только собирать сучья и корчевать пни, за что надо было еще чистить лес, собирать лекарственные растения, кору бересклета (каучуконос).

Но понемногу жизнь налаживалась, стали помогать богомольцы. Монастырь завел десять коров, и братии стали давать молочное два раза в год: на Рождество и на Пасху. Сначала давали только больным, потом и всем.

Молоко собирали понемногу из остатков от налога, хранили в кадке в погребе, а к праздникам оно становилось простоквашей. Сначала питались только раз в день, потом два раза: неизменный борщ с кашей в обед и картофельный супчик, заправленный крупой, на ужин. Работы было много, но никто не роптал. Быт был очень скромным, если не сказать — скудным. Но воспринималось это, как будто бы так и надо.

Вместо эпилога

Прошло тридцать два года, как в обители, в который уже раз, погасли лампы, затихли слова молитвы. И все-таки снова теплится надежда на возрождение Глинской пустыни. С завершением юридических формальностей, глядишь, вернутся сюда монахи, а за ними потянутся паломники со всех городов и весей, как бывало когда-то. Какой будет для них дорога, ведущая в монастырь? Похожа ли на ту, что описывает в своих дневниках уже упоминавшаяся нами Г. Пыльнева.

«Летом 1954 года у меня были первые институтские каникулы. После трудного года и напряженных занятий, после экзаменов, началась бессонница. От утомления, волнений, усталости мы спешили в Глинскую пустынь, где тетушка уже была прошлым летом.

И вот мы приближаемся к границе России и Украины. Богдан Хмельницкий на низком постаменте у станции Хутор Михайловский открывает дорогу на Украину... К вечеру мы добрались до станции Терещинской, где надо было пересечь на местную «кукушку», которая так медленно ползла, что некоторые мужички, бросив вещи в вагоне, шли рядом по насыпи. До Глухова мы добрались, когда было уже темно. Все приехавшие кое-как разместились в «зале» вокзала — душной, прокуренной комнате с жесткими деревянными диванами. Поднялись рано утром. Был базарный день и потому по дороге, пока еще прохладно, тянулись в город подводы, гнали гусей,

везли свиней, подгоняли телок. Хозяин ближайшей хатки посоветовал идти пешком. Подумали — и пошли. Многие из местных жителей приветливо интересовались: «До монастыря?» — и, убедившись, что не ошиблись, расцветали улыбками, желали доброго пути... С каждой минутой уплывала в бесконечную даль столица с ее шумом, сутолокой, раздражением всех на все, прежняя жизнь казалась уже нереальной, затерянной в прошлом.

По дороге мы несколько раз останавливались отдохнуть. Кажется, последняя остановка была около одной из хат в Сосновке. Мы постучались, попросили продать молочка, если есть. Хозяйка в первую очередь поинтересовалась: «Вы до монастыря?» Мы охотно сказали «да», радуясь возможности свободно признаться в своем намерении пойти «до монастыря». Это ведь был 1954 год, когда еще не все забыли, какие могли быть последствия от таких признаний. Хозяйка дала нам молока, даже горячего. И хлеба добавила, пригласив в хату отдохнуть, подкрепиться. Расспрашивать, откуда мы, она не решилась. Провожая, отказалась от платы. Ее радушие запомнилось и потом отзывалось в душе благодарностью, потому что шло не только от ее доброты, но и от радостного чувства общения людей одной веры. В ближайший праздник эта женщина пришла в Глинскую пустынь, мы узнали друг друга и встретились так, будто век были знакомы...

Накануне праздника Преображения Господня была длинная монастырская всенощная. Служили, кажется, все священноиноки, а возглавлял эту торжественную всенощную ижевский владыка Ювеналий. Он приехал в обитель за несколько дней до праздника... В обители служат чинно, читают все, не пропуская ни слова. Особенно длительным кажется чтение кафизм. В храме в это время все сидят, прямо на полу, он чистый, теплый... Электричества не было, и обычные стеариновые свечи вставляли в паникадило, предварительно спущенное... Хор был прост, но пели хорошо — спокойно, достаточно слаженно, просто,

Братия Глинской пустыни 50-х годов в день посещения сумским архиереем Владыкой Евстратием

соответственно обстановке. Говорили мне, что напев — афонский. За окнами уже давно темно, на поля и леса спустилась ночь. В храме читают канон. Подходят прикладываться к праздничной иконе монахи, начиная со старших. В конце идут старички-паломники, а уж после них и мы. На душе светло, тепло и тихо.

Утром всех поднимает и собирает звон «колокольни» (вместо колоколов использовали кусок рельсы и несколько железных предметов, которыми звонарь умело выводил мелодию). Среди прибывших много монашек. Все почти стоят с узелками яблок. Местные жители пришли с букетами цветов, чаще всего георгинов, связанных в тугой пучок. В храме стоит густой аромат сада, который почему-то не замечался на всенощной. Многие исповедуются. Все уголки заняты: исповедуют и справа, и слева от царских врат, ниже клиросов.

После литургии весь народ расположился на «площади», выложив на траве узелки с яблоками и цветы. В храме было не так заметно, какими яркими пятнами

пестрели одежды крестьянок-украинок. Некоторые, кто живет поближе, пришли утром в свежих, выглаженных ярких атласных фартуках с нашитыми по краю лентами. Вышитые или гладкие кофты, цветные, но более темные. юбки (темно-синие, темно-зеленые, темно-коричневые, кое-где черные) и сверху фартуки, которые одевают они только в праздники, как украшение. Все это в ясный солнечный день, когда небо голубое, чистая зеленая трава, выглядит нарядно и радостно. Улыбки, поздравления, общая радость. Нас, приезжих издалека, и незнакомые поздравляют с праздником, одевают яблоками. Нам это удивительно и приятно. Где-то в конце этой пестрой толпы, вытянувшейся вдоль всего фасада, видны фигура отца Михея, его золотой крест и кропило, с которого слетают сияющие в щедром солнце капли святой воды. Он освящает плоды. Все поют «Преобразился еси на горе...» Братия уже на трапезе. После монахов в ту же трапезную позовут всех богомольцев.

Вечер праздника Преображения особенно запомнился — совершался постриг молодых иноков обители. Старенькому владыке Ювеналию принесли стул. Он сел и обратился к собравшимся со словом, в котором особенно просил молиться за постригаемых. Вспомнил свою молодость, когда в свои 25 лет думал, что монашеский путь может привести к архиерейству. Архиереем стал, но видеть в этом цель можно только по неразумию молодости. Это путь к Богу, путь особый, более прямой, более узкий, предназначен такой путь для любящих Бога. Анатолий и Петр вышли, земно поклонились правому и левому клиросу, пошли навстречу отцу архимандриту. По болезни он не мог участвовать в постриге, только вышел их благословить. Получив благословение, они ушли. На солее стоял низкий столик, покрытый черной материей, на котором уже лежали две мантии, два клобука, два парамана, два креста, четки, а на полу около него — две пары тапок. В храме стало тихо-тихо, будто все затаили дыхание. Пронесся чей-то шепот: «Ведут». Все столпились

около Владыки. Он читал по книге вопросы глуховатым голосом, но достаточно четко. Первый вопрос — о добровольном решении стать монахом, а потом уже об обетах монашеских. Ответы доносились будто из глубины: «Ей, Владыка, Господу поспешествующи...» Одели их, как в таком случае положено, по порядку, с молитвами и напоминанием значения каждой вещи, вручили четки, дали крест и по горящей свече, благословили каждого образом. Анатолию дали имя в честь святителя Амвросия Медиоланского, Петру — в честь святителя Павлина Ноланского. Стали поздравлять их. Сначала Владыка сказал приветственное слово, потом каждый из братии. Потихоньку расходились богомольцы. Кое-кто из братии остался с новопостриженными. Им предстояло пять суток провести в храме.

Утром, еще даже храм не был открыт (4-х часов не было), мы заглянули в окошко. Две тени стояли в храме и два огонька светились, как звездочки. Иноки молились».

Литература

1. Анатолий (Ключаров), архимандрит. Глинская Рождество-Богородицкая пустынь // Курские епархиальные ведомости. 1886. Прил. к №№ 5-20.

2. Арефьева И. Сей род ищущих Господа // Московский церковный вестник. 1991. № 2 (47).

3. Бычков С. Блаженны изгнанные правды ради // Московский комсомолец. 1990. № 110 (15310).

4. Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877.

5. Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х частях. 2-е изд. испр. Одесса, 1904.

6. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. Изд. Глинской пустыни. М., 1891.

7. Грузинская Церковь // Православный Церковный календарь на 1980 год. Изд. Московской Патриархии, 1979. С. 148-150.

8. Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. доп. и вновь перераб. Одесса, 1905.

9. Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902.

10. Жизнь и подвиг Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. №№ 39 — 41; 1894, №№ 4 — 6.

11. Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб., 1856.

12. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. В 12-ти т. С января по декабрь. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1906 — 1910.

13. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том доп. Ч. 1. Январь-июнь. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1912.

14. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том дополнительный. Ч. 2. Июль-декабрь. Издание Афонского русского Пантелеимонова монастыря. М., 1912.

15. Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. 2-е изд. Одесса, 1904.

16. Ивачев. Глинская пустынь // Русский паломник. СПб., 1906, № 10, 12.

17. Иоанн (Маслов), архимандрит. Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш). Вечная память почившим // Журнал Московской Патриархии. Издание Московской Патриархии. 1974. № 8.

18. Иоанн (Маслов), архимандрит. Схиархимандрит Серафим (Романцов) // Журнал Московской Патриархии. Издание Московской Патриархии. 1976. № 10.

19. Иеросхимонах Макарий Прозорливый // Русский инок. Почаев, 1912. № 7.

20. Календарь Грузинской Церкви за 1980 год. Издание Грузинской Патриархии. Тбилиси, 1979. На груз. яз.

21. Кончина архимандрита Тавриона // Надежда. Вып. 4.

22. Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. Прил. к №№ 6, 8, 9, 11, 12, 16.

23. Краткое сказание о жизни монаха Досифея // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7.

24. Мануил, архиепископ. Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897-1957). Ч. III и IV. Чебоксары, 1959. Машинопись. Находится в библиотеке МДА.

25. Марк (Лозинский), игумен, профессор. Отечник проповедника. Загорск, 1971. Машинопись. Находится в библиотеке МДА.

26. Некролог. Архимандрит Таврион // Журнал Московской Патриархии. 1979. № 7.

27. Никитин В. Годовщина преставления Высокопреосвященного митрополита Зиновия // Журнал Московской Патриархии. 1986. № 6.

28. Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907.

29. Павлин (Мищенко), иеродиакон. Некролог настоятеля Глинской пустыни схиархимандрита Серафима Амелина // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 12.

30. Пивоваров Б., протоиерей. Памяти митрополита Зиновия // Журнал Московской Патриархии. Издание Московской Патриархии. 1985. № 6.

31. Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Джорданвиль, 1957.

32. Прощание. Митрополит Зиновий // Джвари вазиса ("Лозовый крест"). Изд. Грузинской Патриархии. 1985. № 1. На груз. яз.

33. Рижская епархия // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 5.

34. Самойлов Н. Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни. Ч. 1-2. СПб., 1836.

35. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора. М., 1887.

36. Слово Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II // Джвари вазиса ("Лозовый крест"). Изд. Грузинской Патриархии. 1985. № 1. На груз. яз.

37. Спасо-Илиодоров скит. Одесса, 1899.

38. Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII-XIX веков. М., 1913.

39. Тихон (Емельянов), архимандрит, Диденко Михаил, протоиерей. Высокопреосвященный Зиновий, митрополит Тетрицкаройский // Журнал Московской Патриархии. 1985. №6.

40. Участие монастырей Курской епархии в деле народного образования и благотворительности // Курские епархиальные ведомости. 1891. №14.

41. Феодосий (Клар), монах. Глинский патерик. Скит св. Ксении. Уалдвуд. 1984. На англ. яз.

42. Филарет, игумен Глинский. До и после пострига. Поучение монахам. Почаев, 1910.

43. Чесноков Александр, священник. Глинская пустынь и пастырское служение ее иноков. Диссертация кандидата богословия. Загорск, 1990. Машинопись. Находится в библиотеке МДА.

44. Чесноков Александр, священник. Глинская пустынь и пастырское служение ее иноков. Диссертация кандидата богословия. Прил. Т. 1—3. Загорск, 1990. Машинопись. Находится в библиотеке МДА.

45. Чесноков Александр, священник. Глинская Рождество-Богородицкая пустынь и ее знаменитые старцы XX столетия. Загорск, 1991.

46. Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес, от нее происшедших, изд. 2-е испр. и доп. Одесса, 1907.

47. Шеметов Н. Христос посреди нас // Московский церковный вестник. 1990. №11 (29).

48. Явление помощи и заступления Пресвятой Владычицы нашей Богородицы во время пожарного бедствия в Глинской пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1892. №10.

Содержание

От автора	3
История пустыни	5
О старчестве	24
Жизнь и пастырский подвиг глинских старцев XX века	35
Старец-святитель Зиновий	38
Схиархимандрит Серафим (Амелин)	70
Старец Андроник	78
Схиархимандрит Серафим (Романцов)	104
Архимандрит Таврион	126
И крупцы не растерять	135
В горах Киргизии	138
Духовник схиигумен Антоний	143
Монах Адриан	144
Из воспоминаний архимандрита Михея (Хархарова)	145
Вместо эпилога	150
Литература	155

